

Виктория Еланцева

Загадка Алтын МАДАМ

Алматы, 2010

УДК 821 (574)
ББК 84 (5 Каз-рус)-44
Е 48

Е 48 **Еланцева В.**
Загадка Алтын мАдам: Роман / Виктория Еланцева. –
Алматы, 2010. – 190 с.

ISBN 9965-784-62-0

Жизнь постоянно демонстрирует, как идеи классиков фантастики воплощаются в нашей повседневности. Значит, и путешествия во времени – не исключение из общего правила.

Алматинский школьник Дос хочет ближе узнать историю родного края и отправляется на экскурсию по Исыкским курганам, где встречается лицом к лицу со скифским воином. Попав в эпоху, где искренняя любовь и инстинкт самосохранения преобладают над материальными ценностями, мальчик вынужден срочно повзрослеть и взглянуть на себя, живущего в XXI веке, другими глазами.

Сможет ли Дос перебороть страх и выйти победителем из поединка с коварным Царем Беркутов и мистическим чудовищем мангис? Найти ключ к «Загадке Алтын мАдам» приглашаются юные любители приключенческой литературы.

УДК 821 (574)
ББК 84 (5 Каз-рус)-44

ISBN 9965-784-62-0

© Еланцева В., 2010
© Логинова И., 2010
© Плотникова В., 2010
© Володина Н., 2010

Бороться, искать, найти и не сдаваться.

Благодарю за помощь в создании романа Ирину и Михаила Кваша, Вадима, Кирилла и Александра Еланцевых, Веронику Краевскую, Ирину Логинову, Людмилу Зорину, Нурлана Батырова, Ксению Рогожникову, Илью Бабаевского и коллектив Центрального Государственного музея Республики Казахстан.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия	5
Пост 1-й.....	6
Пост 2-й.....	9
Пост 3-й.....	12
Пост 4-й.....	17
Пост 5-й.....	21
Пост 6-й.....	25
Пост 7-й.....	31
Пост 8-й.....	34
Пост 9-й.....	38
Пост 10-й.....	44
Пост 11-й.....	50
Пост 12-й.....	53
Пост 13-й.....	59
Пост 14-й.....	65
Пост 15-й.....	69
Пост 16-й.....	72
Пост 17-й.....	75
Пост 18-й.....	81
Пост 19-й.....	88
Пост 20-й.....	92
Пост 21-й.....	97
Пост 22-й.....	106
Пост 23-й.....	111
Пост 24-й.....	114
Пост 25-й.....	123
Пост 26-й.....	127
Пост 27-й.....	133
Пост 28-й.....	141
Пост 29-й.....	145
Пост 30-й.....	153
Пост 31-й.....	161
Пост 32-й.....	170
Пост 33-й.....	174
Пост 34-й.....	179
Пост 35-й.....	183
Вместо эпилога.....	186

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

БУМАЖНЫЙ БЛОГ ДОСА МУКАНОВА

Дорогой дневник!

Знаю-знаю, сейчас ты скажешь, что вести дневник – немужское дело. Согласен на все сто: именно поэтому ты не дневник, а блог – их-то в мировой сети ведут настоящие мужчины. Только доступ к Интернет-паутине у меня слегка ограничен родителями (им кажется, что знакомство с окружающим миром в тринадцать лет вредно для глаз).

Ты хочешь узнать, зачем я тебя завел? Объясняю: вчера я сделал Великое Открытие, о котором никто (ну совершенно никто, понимаешь?) не должен знать.

ПОСТ 1-й

Кудрявым в эмокультуре не место. Вы где-нибудь встречали эмобоя с барашками на голове? Вот и я не встречал. Поэтому семь дней в неделю я борюсь с дарованными мамой и природой вихрами по полчаса кряду. Сегодняшнее утро не стало исключением.

– Щипцы у матери возьми, – допивая утренний чай, сказал отец. Издевается.

– Нет, спасибо, я как-нибудь сам. (Еще чего не хватало – пользоваться женскими прибабасами!)

– Как знаешь, – отрезал отец и вышел.

Через сорок минут, истратив полбанки жирного геля, я довольно взглянул в зеркало: челка блестела, как начищенный сапог, и висела ровно по косой.

Выйдя из дома, я полюбовался небом: бирюзово-серое, испещренное прожилками пушистых облаков, оно лукаво подмигивало просыпающемуся городу. В этот момент откуда-то сверху на лицо упали несколько крупных капель, а секундой позже я захлебнулся водой.

Алла Степановна как раз поливала свои фиалки и еще черт-знает-что на балконе. На беду старушка слишком сильно наклонила лейку, и питательный раствор вылился на мою свежешуложенную голову. Челка в считанные секунды завилась мелкими колечками. И тут я увидел Ее.

В каждом классе есть признанная красавица. Она обычно невероятно хороша собой, умна (как и подобает отличнице) и предпочитает встречаться с парнями из университета. В такую девушку повально влюблены все – одноклассники, подруги и даже учителя. Проще говоря, королева красоты местного значения заранее готовит себя к роли объекта всеобщего поклонения. После школы ее навстречу

ждет успешная карьера модели или посла доброй воли в какой-нибудь африканской стране. Разумеется, и в нашем 8 «В» есть такой персонаж – Слава. Родители назвали дочку редким для Казахстана именем Ярослава. Девочка не потерялась и вместо ожидаемых прозвищ и насмешек получила всеобщий почет и уважение. Было за что: еще в начальной школе будущая красавица стала победительницей городской олимпиады по казахскому языку и одновременно чемпионом среди юниоров по спортивной гимнастике. К концу восьмого класса влюбленность в Славу Медвецкую стала напоминать эпидемию, коснувшуюся всех – от мрачного охранника Ербола до меня.

И вот девушка моей мечты стоит в десяти шагах от меня и видит... размякшую вздыбленную челку.

– Привет!

– Хай. (Сгораю от стыда и стараюсь не покраснеть.)

– Помочь? – Слава протянула аккуратно сложенный носовой платок.

– Нет, это новый стиль! (Вот дурак.)

– А-а-а... Ну тогда до встречи.

– Ага. (Вот так у женщин и складывается стереотип о мужском тупоумии.)

Слава свернула за угол, а я поплелся на автобусную остановку – времени возвращаться домой и поправлять «имидж» не осталось.

... В этот день наша классная – Марина Михайловна (которую мы дружно называем Мармишей) – повезла наш 8 «В» на экскурсию по историческим местам. О Золотом человеке знает любой казахстанский ребенок еще с детского сада. Собственно, исторический комплекс Золотого человека сам по себе знаком каждому алматинцу, хотя бы раз бывавшему на форелевом хозяйстве в Тургеньском ущелье.

Мои родители принадлежат к отряду кочующих бардов, поэтому все более менее запоминающиеся точки на территории Алматинской области мне известны с раннего детства. У археологического комплекса мы останавливались не раз – купить очередное деревянное чудовище, которыми мама украшает зимний сад.

Что-то я отвлекся: похожий на гигантского жука альбиноса экскурсионный автобус пыхтел возле Центрального стадиона. Весенние лучи облизывали скульптуры советских исполинов, охраняющих вход в царство спорта. Рассевшись по местам, мы принялись шуршать бутербродами, заботливо положенными мамами, и чипсами, которые от них пришлось прятать. Мармиша считала нас по головам и нервно выглядывала на улицу, дожидаясь припозднившихся учеников. Утро еще не предвещало Великого Открытия.

Слава Медвецкая почти опоздала. Я говорю почти, потому что автобус тронулся, потом громко и недовольно рыкнув, остановился – запыхавшаяся одноклассница поднялась по ступенькам и плюхнулась в кресло рядом со мной. Нет, не плюхнулась! Предмет моей любви и в растрепанном состоянии был невероятно грациозен. Даже сбив на пути Мармишу. Итак, Слава грациозно плюхнулась в кресло и улыбнулась. Мне.

ПОСТ 2-й

Дорогой дневник, я еще не знал, что Великое Открытие ждет именно меня. Тринадцать лет назад, подарив мне мужественное имя Дос, отец был еще не знаком с порошком эконом-класса марки «Дося». Зато сегодня мои одноклассники были прекрасно осведомлены о чистящей продукции благодаря нескончаемой телевизионной рекламе. Противное прозвище ухмыляющегося поросенка прилипло ко мне как банный лист: вот уже почти пять лет никто не называет меня настоящим именем. Поскольку природа забыла наградить меня внешностью Аполлона Бельведерского (хотя уж он-то наверняка был кудряв!), рыхлая Дося как нельзя точнее соответствовала моему имиджу. Даже младшая сестра, которая знает о том, как я ненавижу розовую хрюшку, при первой возможности старается меня подколоть. А я даже не знаю, что ей ответить – ее-то назвали нормальным девчачьим именем – Айнура.

Улыбнувшись в ответ Славе, я ощутил сильный пинок в сиденье.

– Если кто-то сено косит,
Значит, кушать просит Дося!

– Отвали, Смирнов.

– Ой, какие мы обидчивые. А слабо Мармишу вслух назвать?

Брать на слабо – любимое занятие Смирнова. Задира сознательно подначивает тех, кто слабее, совершать «подвиги». Они и совершают: в результате «неслабак» получает в дневник вызов родителей к директору, а «слабак» коллективное презрение класса. Ведь сколько раз я обещал себе, что не стану поддаваться на провокации... и тут (Славка, только ради тебя) я произнес: «М-м-м-армиша Михална».

Учительница обернулась, класс грохнул со смеху. Слава дала подзатыльник Смирнову. Мне предстоял нелегкий разговор с родителями. До Великого Открытия оставалось чуть больше часа.

Экскурсию вела занудная тетка, одетая в мешковатый серый костюм. Она напоминала большую крысу с тонкими зализанными волосенками на маленькой некрасивой голове. В сотый раз слушая историю про символ Казахстана, я задумался о том, какой же интересной была жизнь наших предков. И ведь никто не брал другого на слабо: все споры решались в честном бою.

– Алтын адам, – уныло вещала экскурсовод, – был найден в 1970 году. Исследования подтвердили, что Золотой человек был потомком знатного рода. Об этом свидетельствует богатый наряд, свойственный азиатским скифам – сакам тигрохауда.

Через низкую дверь, похожую на отверстие в домике кролика из «Винни-Пуха», мы вошли в зал кургана. Пахнуло сыростью. Стало как-то страшновато: по сути, курган – это склеп, могила, в которой хоронили воинов, павших в бою. И пусть человеческих останков на этом месте не было, ощущение чего-то мистического не отпускало никого из нас.

Кроме Смирнова, который при первой возможности сделал страшные глаза и вдавил меня в стену.

– Отстань.

– Что, *эмоДосенька*, страшно? Сейчас я запла-а-а-чу, – прикалывался Смирнов, продолжая всем весом давить на меня.

– Слушай, отвали, сейчас получишь! (Эх, лучше бы родители вместо класса фортепиано отдали меня на каратэ.)

– От тебя, что ли, рохля? – наглый Смирнов даже не подумал прекратить.

Я со всей силы двинул ему кроссовком по коленке, надеясь, что обидчик перестанет наваливаться, однако тот от неожиданности резко толкнул меня.

Спиной я наткнулся на какой-то острый предмет, который под тяжестью тела поддался и... вдруг я полетел. Ощущение полета не показалось мне приятным: оно было похоже на падение – только не вниз, а вверх. К тому же, приземлившись, я больно ударился. Вокруг была темнота. Пальцы нащупали влажную поверхность земли.

– Смирнов, – позвал я. Ответа не последовало.

– Смирно-о-ов! Это не смешно, – рука страха начала сжимать горло. – Люди! Хорош прикалываться! Эй! Марина Михайловна, выпустите меня! Мама! Мамочка-а-а!

Где же все? Куда я провалился? Почему никто не отвечает? Темнота вокруг сгущалась, и вдруг начинающие привыкать глаза различили высокий силуэт, смутно напоминавший Золотого человека. Привидение крадучись двигалось прямо на меня. Я хотел закричать, но призрак кошкой метнулся в мою сторону и зажал мне рот вполне теплой рукой. Сердце заколотилось со скоростью реактивного самолета.

– По-п-п-по-п-п-помогите... – захрипел я.

Почти теряя сознание, я начал медленно сползать по стене вниз, однако ночной кошмар довольно ловко подхватил меня свободной рукой за подмышку. Онемев от ужаса, я взглянул в лицо Золотому человеку, ожидая увидеть зияющую черную дыру в доспехах. На меня смотрела симпатичная девушка лет шестнадцати.

ПОСТ 3-й

Она прижала палец к губам, подразумевая, что я должен молчать. Крик застрял в горле, но девушка была действительно милой, поэтому, слегка расслабившись, я его проглотил – мужчина не должен показывать слабость при женщине. Она заговорила на каком-то неведомом мне языке, однако неожиданно я стал понимать, о чем она говорит. Звук шел как будто из компьютерных колонок, когда программа произносит прочитанное транслитом слово. Через пару минут я уже хорошо различал речь незнакомки:

– ... я ждала тебя. Не бойся.

– Я и не боюсь, – (ну да, конечно...) – Ты кто?

– Дос Ай.

– Ты – Золотой человек?

Она непонимающе улыбнулась:

– Я жрец Золотого храма.

– А где мы? (Все ясно, я попал на репетицию какого-то спектакля.)

– У врат. Ты – Избранный. Правда, я ожидала увидеть несколько другого героя, но если Боги так решили...

– Какой Избранный? Какие Боги? Хватит меня дурачить этим маскарадом! Куда все подевались? – (Сидят небось за ширмой и ухохатываются. Ну я им устрою.) – Где ты взяла этот костюм (кстати, очень здорово имитирующий оригинал)?

По лицу девушки пробежала едва заметная тень. Она чуть громче прежнего произнесла:

– Ты – Избранный. Я – хранитель и должна сопровождать тебя от врат к храму. Через них мог пройти только потомок древнего рода.

– И давно ты тут сидишь? – меня уже откровенно веселило происходящее.

– Один лунный час, – невозмутимо сказала Дос Ай.

– Если я правильно понимаю, ты (вот умора!) во всей этой ролевой атрибутике должна тут сидеть и ждать *этого твоего* до второго пришествия?

– Первого. До первого пришествия Избранного. Про второе Боги ничего не говорили.

– Шучу я. И ты, значит, сидишь тут в темноте и сырости в костюме Золотого человека и ожидаешь меня? – я начал откровенно потешаться.

Девушка потеряла терпение:

– Ты считаешь, мне заняться нечем? У меня в храме дел предостаточно. Боги мне назначили время переброста. Я дождалась нужного часа и приехала.

– На массагетской колеснице, – я неплохо знал историю, поэтому решил подыграть возмнившей из себя невесть что девчонке.

– На лошади. Так быстрее. Теперь, когда ты стал вменяемым, пора отправляться в путь.

– Никуда я с тобой не поеду, – тоже мне Томирис выискалась. – Где мой класс, где Мармиша?

– Великие Боги, а вы точно не ошиблись, указывая на Избранного?

В этот момент по ее кольчуге побежали волны, заставляя ткань переливаться от цвета алого кумача до нестерпимо яркого золота.

– Простите.

Дос Ай упала на одно колено и опустила голову. Было заметно, что испытываемое ей чувство далеко от приятного. Через секунду она опять обратилась ко мне.

– Ты – *Избранный*. Повторять я больше не стану. Нам пора ехать. Времени мало.

Она взяла меня за руку и почти на ощупь провела узкой тропинкой к выходу. После темного склепа солнце светило особенно ярко. Ничего не изменилось – разве что не было на месте комплекса Золотого человека и кургана. В ущелье змейкой вилась речушка, щекоча ледяными язычками серые валуны. Ее берега потонули в многоцветьи трав. Горы были на месте. Такие же величественные и холодные. На холме близ речки паслась рыжая лошадь в вышитой золотом попоне.

– Энцис, ко мне!

Дос Ай посмотрела на меня и закусила губу от смеха. При свете девушка казалась еще симпатичней – миндалевидные зеленые глаза обрамляли густые ресницы, на прямом носике весело танцевала россыпь веснушек, завершали картину пухлые розовые губы. Кавалер-девица, наверное, среди своих (я почему-то начал верить в происходящее) считалась писаной красавицей.

– Великие Боги, в таком виде вести его в храм нельзя – засмеют!

– Слышь, воительница, на себя посмотри!

Наглая девица явно потешалась над моей одеждой. Да, пожалуй, штаны слегка тесноваты, но в целом я был доволен созданным образом. Если не считать закудрявившуюся челку, прикрывающую не слишком чистый после падения лоб, и небольшую склонность к полноте (друзья в детстве даже называли меня Зефирным человечком, памятуя разбухшего монстра-малютку, попавшего в сети «охотников за привидениями»), я почти ничем не отличался от других подростков.

– Мужчина в... ой, не могу, – продолжала уже в голос хохотать Дос Ай.

– Это *эмприкид!* Хватит ржать как лошадь. Если вы тут все отстальные, это не значит, что можно насмеяться... э-э-э... над *Избранным*.

Девушка сразу стала серьезной и свистнула. Поджарая рыжая лошадка в долю секунды оказалась рядом со своей хозяйкой. На одном из ее ухоженных боков висела увесистая торба – опять же расшитая золотыми нитями. Дос Ай достала оттуда свернутую ткань, которая оказалась одеждой – похожей на доспехи воительницы, но с другим рисунком.

– Ты будешь моим оруженосцем, – сказала девушка. – Ни с кем не разговаривай, при виде беркута наклоняй голову к земле. Переодевайся.

Костюм оказался невероятно тяжелым. Когда я в музее разглядывал облачение Золотого человека, и думать не мог, что носить этот богатый наряд так сложно.

– А колпак? – я указал на ее остроконечный шлем.

– Ты же не женщина, – сказала Дос Ай, дернула меня за руку с совершенно не свойственной представительнице прекрасного пола силой и затащила на лошадь позади себя. – Энцис, н-н-но!

ПОСТ 4-й

Дорогой блог! Если бы кому-нибудь вдруг вздумалось написать комментарии на твоих страницах, наверняка первым было бы лаконичное «врешь!!!». Еще час тому назад я и представить себе не мог, что со мной произойдет подобная история. Жизнь Доса Муканова похожа на морской штиль: школа, дом, вылазки с родней на природу и совершенно, ну совершенно ничего примечательного. Наверное, эта тотальная нехватка ярких красок в жизни и привела к тому, что я решил стать эмокидом («эмоциональным ребенком» – для несведущих). Впрочем, на оценках в школе и поведении в кругу родственников новое увлечение почти не отразилось.

*«А здесь немое кино, здесь замедляют шаг.
Здесь немое кино, здесь забывают дышать».*

«Немое кино», группа «Пикник»

– Держись крепче! – окрик девушки отвлек меня от мыслей.

Она пустила Энцис в галоп: участок дороги был относительно ровным. Когда я смотрел эпические фильмы о сражениях, во всех масштабных сценах конные войска скакали галопом. В моем XXI веке дорога, соединяющая Иссык и комплекс курганов, ровная – лишь кое-где асфальтовое покрытие треснуло и вздыбилось. Сейчас же дороги не было как таковой. Дос Ай ехала молча: она то ускорялась, то переходила на шаг, объезжая очередной валун. Вдруг девушка остановилась:

– Слезай.

– Зачем? Ты меня так растрясла, что если я слезу, обратно уже не сяду.

– А и не требуется. Дальше мы пойдем пешком.

– Может, ты наконец объяснишь, куда мы направляемся? – Мне показалось, что ехали мы около получаса и сейчас должны оказаться рядом с Иссыком. Дос Ай кивнула и ответила:

– Нам нужно попасть в храм до захода солнца.

– Почему?

– Как только стемнеет, мангис выйдет на охоту.

– Ну и пускай выходит. Мы-то здесь при чем?

– Ты мне до сих пор не веришь? – Дос Ай хитро прищурилась.

– А ты не потрудились объяснить, что происходит. Талдычишь только, как сорока, про своего Избранного.

– А ты не будешь перебивать?

– Буду. Вы, девчонки, ничего конкретно не говорите. Ходите вокруг да около. (Кажется, я сболтнул лишнего.)

Девушка, которую я мысленно уже окрестил Алтын мадам, спросила:

– Тогда какой смысл мне что-то тебе рассказывать? Довезу до места и сдам жрецам. Пусть Великие Боги сами с тобой разбираются.

– Ладно, не кипятись, – сейчас первобытная девица бросит меня в этом мезозое, и не успевшая толком начаться сказка закончится.

– Не буду. Доберемся до привала, и я все объясню.

Дос Ай сняла с лошади мешок с моей одеждой, припрятала его под большим камнем (хорошо, что я успел спрятать MP-3 плеер в трусы) и свистнула: рыжая Энцис поскакала в обратную сторону.

Мы шли молча, лишь изредка обмениваясь ничего не значащими фразами. Конечно, мне было крайне любопытно узнать, куда и зачем меня занесло, но я старательно демонстрировал полнейшее безразличие. Хотя нормальный эмокид не стал бы церемониться, а разрыдался. Почему-то во мне проснулось какое-то новое, доселе незнакомое чувство, похожее на детское ожидание прихода Нового года: я хотел, я мечтал окунуться в настоящее приключение! Ужасное, страшное... Или все-таки зареветь?

– Я устал.

Дос Ай держала хороший темп, с которым моя – закаленная городским воздухом – дыхалка попросту не справлялась.

– Терпи. Уже скоро.

Прошло еще около двадцати минут. Ноги уже не слушались меня, а на горизонте не было ни малейшего намека на человеческое поселение. Какое счастье, что я не курю – иначе бы не выдержал этот марш-бросок. Полкласса моих одноклассников хотя бы единожды притрагивались к сигарете, я же при виде окурков недовольно морщусь нос.

– Давай хоть минуту постоим. Мне... это... в туалет надо.

Девушка вздохнула, посмотрела на заходящее солнце и уселась прямо на сухую траву.

– Ты всегда такой медлительный? – поинтересовалась она, когда мне стало значительно легче жить.

– Да я почти спринтер!

– Вот за тем холмом – привал. Будь так добр, не распускай нюни и иди быстрее. Если останемся после захода солнца в степи, нам не поздоровится.

К счастью, на холм мы поднялись уже минут через десять: передо мной предстал... нет, не город, а крохотный поселок серо-желтого цвета.

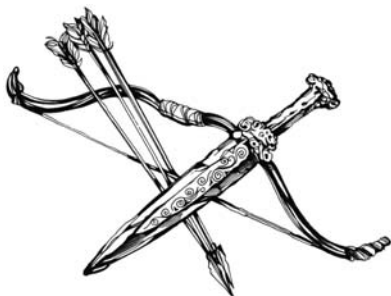
– Это Есік. «Врата», – сказала Дос Ай, – придется заночевать там.

– Иссык??? – меньше всего увиденное мною селение, в котором едва ли набралось больше десятка отдаленно напоминающих юрты хижин из камыша и глины, напоминало сегодняшний райцентр.

– Это город пещтесов – бедняков. Мы не станем здесь желанными гостями, но нас не тронут.

Дос Ай гордо прошествовала мимо невзрачно одетых людей, которые расступались, увидев ее. В отличие от богато отделанного костюма моей спутницы, на жителях «города» были надеты довольно грубо сметанные робы из шерсти и кожи. Женские головы украшали похожие на убор Дос Ай островерхие шапки. Сразу было видно, что социальная разобщенность (это выражение, кажется, упоминала на уроке Мармиша) у доисторического народа очень велика. Только сейчас до меня дошло, что я нахожусь в обществе самых настоящих скифов. Как же много вопросов я могу им задать!!! Однако заносчивая красавица, увидев на моем лице радостную улыбку, приложила палец к губам и приказала хранить молчание.

Мы остановились возле самого большого шалаша, откуда вышел невысокий плотный человек. Он поклонился моей спутнице и жестом пригласил войти.

ПОСТ 5-й

Дос Ай первой вошла в помещение. Я проследовал за ней. Хозяин почему-то остался за пределами шалаша.

– Я думал, что скифы – кочевые, – плетеная мазанка была явно вкопана в землю и мало походила на войлочный переносной дом, характерный для кочевых степных народов. По периметру комнаты размещались земляные скамьи, на которых были набросаны шкуры. У входа горел глиняный светильник, от которого шел густой дым с примесью какого-то травяного аромата. Дос Ай по-хозяйски расположилась на одной из скамеек.

– Это вар. Да, мы предпочитаем не останавливаться надолго на одном месте: наши мужчины – воины, которые знают, что непобедимым может быть только тот город, который не стоит на камнях. Нет стен, нечего и разрушать. Однако Есік – город-врата – последнее прибежище на пути к Золотому храму. Если врагам вздумается напасть, жители города остановят его.

О варах я никогда не слышал. В шалаше было прохладно, несмотря на хорошо прогретый дневным солнцем воздух снаружи. Сейчас бы чашку маминого чая с молоком и пару оладий.

– Есть хочешь? – будто читая мои мысли, спросила Дос Ай.

– Да.

Девушка хлопнула в ладоши, и из-за импровизированной войлочной «двери» показалась голова хозяина. В считанные минуты передо мной возникла разнообразная кухонная утварь из дерева, камня и глины, наполненная ароматными блюдами, среди которых я отметил по тонкому запаху скисшее молоко, мягкий, похожий на творог сыр и

хлеб. Дос Ай кивком поблагодарила мужчину, и он снова исчез за «дверью».

– Ешь.

– Спасибо. Ты обещала мне все рассказать. Пока я тупо иду за тобой и ведасть не ведаю – зачем и куда. Убить ты меня, видимо, не хочешь – иначе сделала бы это у кургана. Но и чихнуть не даешь: сюда не смотри, с этим не разговаривай, то не трогай. Если я Избранный, а не пленник, можно быть и повежливей.

– Вот зануда! Ладно, слушай. И не перебивай.

– Не буду.

– Уже перебил. Вкратце ситуация следующая: Великие Боги узнали, что Царь Беркутов хочет присвоить сокровища всех скифских народов себе, поэтому планирует напасть на храм. Об этом Боги сообщили жрецам. Также они сказали, что в определенный час придет сын народа, который помешает разграблению и спасет скифское золото для потомков.

Рассказ девчонки напомнил превьюшку к компьютерной бродилке, поэтому я толком ничего не понял. Если о Богах и поклонении им я имел смутное представление из исторической литературы, то имя Царя Беркутов мне вообще ни о чем не говорило.

– А кто он – этот Царь?

– Первый раз вижу такого нетерпеливого парня. Ясно же говорю – Царь племени Беркутов. Великий и ужасный.

Исчерпывающий ответ...

– А Боги?

– Их семеро. Они живут там, где день встречается с ночью. Богам подвластны огонь, вода, земля и ветер.

– Ну да, теперь все ясно, – сострил я. – А своими силами справиться нельзя было?

– Вот смотрю на тебя и начинаю думать, что можно...

Из повествования скифийки я понял, что «великолепная семерка» не придумала ничего лучше, как вызвать из будущего супермена, который быстро наведет здесь порядок.

– И тебя отправили встречать меня?

– Да. Сидела бы я себе спокойно в храме, если бы не один момент. Я – невеста Царя Беркутов.

– Ого. Круто.

– Я думала, что навстречу мне выйдет скифский воин, а тут – мальчишка с девчоночьей прической. Разве что глаза не подведены. Как ты в таком виде собираешься с Царем Беркутов сражаться? Ты и меч-то, скорее всего, держать не умеешь.

– Э-э-э! Ни о каком сражении речи не было! Я ни с кем сражаться не собираюсь! Я вообще – зеленый!

– На мой взгляд, ты какой-то черно-розовый – судя по твоему птичьему оперению. Значит, падешь в бою.

– Не хочу я падать. Отведи меня обратно. Нет, сам дойду! Надо было сразу предупреждать!

– Воля твоя...

Амазонка с насмешкой посмотрела на меня, когда, изрядно заправившись скифскими деликатесами, я рванул к выходу. Выйти мне, понятно, не удалось. На пороге как по мановению волшебной палочки возникло двое преграждающих мне путь коренастых бородатых мужиков в латах.

– Продолжим? – хитрая девица была обворожительна. На улице уже стемнело, поэтому ее лицо в огненных бликах показалось мне еще более симпатичным. Я неохотно плюхнулся обратно на теплую шкуру.

– Все равно сражаться не буду.

– Значит, умрешь. И потомки навсегда запомнят тебя как труса. Если вообще вспомнят.

Н-да... Не знаю, как потомки, но предки в лице родителей уже дико волнуются, потому как экскурсия давно подошла к концу, и мне пора быть дома.

– Хорошо, допустим, я соглашусь... Я действительно не разбираюсь в боевых искусствах.

– Вижу. Поэтому отведу тебя к Мастеру. Может быть, он сможет из тебя вылепить подобие воина.

– Не хаами. Я уже на голову выше ваших солдат. Если правильно одеть...

– То они посмеются и снесут тебе голову при первом удобном случае. Что за манера так привязываться к тряпкам?

– Не тебе об этом говорить. Сама вырядилась, как попугай.

Дос Ай промолчала.

– Я хочу спать.

– Спи. Выйди на улицу и ложись у входа.

– Я же там замерзну!

– В одной комнате с принцессой ты спать все равно не будешь. Поэтому рекомендую взять пару шкур и лечь за дверь. Тебя и пальцем никто не тронет.

...Я никогда не видел таких звезд. Пару лет назад родители отводили меня в планетарий: звезды сыпались мне в ладони и струились сквозь пальцы. Но и тогда они не были столь прекрасны. Тишина была такой оглушающей, что редкое ржание лошади или хруст сгибаемого ветром стелька казались раскатом грома. Я надел MP-тришник и уснул под чарующие звуки такого родного и далекого голоса солиста шведской группы Kyrielle. Интересно, а Швеция уже есть?

ПОСТ 6-й

Мамочка, какой удивительный сон! Теплое прикосновение заставило меня проснуться. Я неохотно открыл глаза и увидел незнакомую девчонку, позади которой стояли два абсолютно одинаковых парня. Троица была позитивно настроена и улыбалась во весь рот.

– Руки убери! В зоопарке, что ли? – зашипел я на девочку.

Ей было не больше десяти лет. «Двое из ларца» смотрелись немногим старше, но уже держали в руках настоящие мечи. Дочь скифского народа обиженно убрала руку, гладившую мои волосы.

– Я вам молока принесла, – голос девочки снова звучал «транслитом». Я окончательно проснулся и понял, что все со мной произошедшее – не сон.

– Где здесь уборная? Мне умыться надо, – разговаривать с новыми знакомцами совершенно не хотелось.

В голове – полный кавардак, хотя, надо признать, я отлично выспался. И... в школу-то идти не надо!!! Один из пареньков поклонился мне (эти, по ходу, тоже считают меня Избранным) и пригласил следовать за ним. Я вылез из-под груды шкур, отряхнул от шерсти вышитый костюм (который по неизвестной причине абсолютно не помялся) и пошел за юным скифом. «Свита» двинулась за нами.

Туалетной комнатой оказалась яма, выкопанная чуть поодаль шалаша. Сопровождающие даже не подумали вернуться. Да уж, предки не заморачиваются... Мальчишка подал мне сосуд с водой и какие-то травки вперемешку с мелким песком – как я понял, для того, чтобы почистить зубы. Ноу-хау надо продать производителям XXI века: улыбки скифской ребятни блестели, как мамины кастрюли. Умывшись, я первым начал разговор:

– Меня Дос зовут. Вы кто такие?

– Табити, – сказала девочка, – а это Марсагет и Орик – мои братья. Но говорить они не умеют – немые.

– Мне жаль...

Одеты близнецы были в простые холщовые рубахи до середины бедра, закрывающие узкие штаны с кожаными заплатами на коленях. Длинные – до плеч – волосы братьев сдерживали тонкие красные ленты, закрепленные на манер девчоночьих ободков. Наряд их сестры почти не отличался – за тем лишь исключением, что подол рубашки был украшен ало-коричневым вышитым орнаментом, а на поясе висела кожаная сумочка с воткнутой в нее длинной золотой булавкой.

– А где Дос Ай? – спросил я у девочки.

Она пожала плечами.

– Не знаю. Принцессы не отчитываются. Скорее всего, готовится к приезду жениха. Она сказала следить за тобой.

– Зачем? Куда же я отсюда денусь?

– А вдруг тебя Беркуты похитят или мангис сожрет? – братья Табити еще шире улыбнулись.

– Ну да. Девчонка, вчера вылезшая из памперсов, и парочка немых способны меня защитить от мирового зла. Охотно верю.

Произошедшее дальше удивило меня настолько, что я усомнился в необходимости эволюции. Ловкие, как молодые леопарды, подростки развернули передо мной настоящее ролевое сражение «на троих»: из узких острых мечей сыпались искры, а сама сила удара была такой, что братья и маленькая Табити поднимались в воздух почище, чем в «Матрице». Эх, сейчас бы сюда камеру!

– Можешь не сомневаться, с нами тебе никто не страшен, – отдышавшись, сказала девочка.

Вот уж точно: Алтын мадам ко мне приставила настоящих головорезов. Пожалуй, мои современники стали слишком гуманными и рафинированными: умею я так обращаться с оружием (да хотя бы с обычной палкой) задаваке Смирнову не поздоровилось бы.

– Эй, – позвал я девочку вкрадчивым голосом, – научи меня так.

– Может быть, Вы сначала позавтракаете?

Я совсем забыл, что со вчерашнего вечера ничего не ел. Мы вернулись в шалаш, и спустя десять минут я наслаждался отличным ломтем экологически чистой конской «ветчины», запивая ее молоком из глиняной крынки. Близнецы сели со мной за служивший столом топчан, а их сестра подавала блюда и подливала молоко. Я решил, что застолье – самое удачное время расспросить Табити о неведомом мне мангисе и Царе Беркутов. К слову, последний меня интересовал куда больше – хотя бы потому, что именно с ним мне предстояло сразиться. Особого страха я не испытывал: жених Дос Ай запросто мог оказаться старым и хилым неудачником.

– Табити, – начал я издалека, – а почему вы не выходите по вечерам?

– Почему? Выходим. Дома все равно делать нечего.

– Ну... Дос Ай говорила, что после заката этого делать не стоит.

– А-а-а... Ты про мангис. В город она не приходит, тут слишком шумно, – девочка отвернулась и принялась усиленно двигать челюстями, пережевывая очередной кусок ароматной мякоти.

Успокоила, типа. А что за зверюга (и почему ее нужно бояться) – так и не объяснила. Табити дожевала очередной кусок, вытерла руки о полы платья и, убирая посуду со стола, продолжила:

– Мангис – древнее чудовище, живущее в ущелье близ Золотого храма. Никто не знает, на кого она похожа. Те, кто ее видел, рассказать уже не могут – достались ей на обед. Последние, кто встречал мангис и остался в живых, – мои братья.

Марсагет и Орик кивнули, подтверждая правдивость слов сестры. Меня разобрало любопытство.

– А как же вам удалось спастись?

– Мангис не видела их: только они ее, – ответила девочка.

– И так испугались, что онемели? Да ладно, врешь! Вы мне тут такое шоу устроили, что и монахам Шао-Линя не снилось.

Табити странно посмотрела на меня и затянула тоненьким голоском наивную, грустную и местами нескладную песню-балладу:

Сто тысяч лет тому назад
Среди степных равнин
Стоял могучий, грозный град.
Там правил царь один

По имени Промокл. Была
Царева дочь Мангис
Умна, прелестна и мила...

Песня была до того длинной, что я начал невежливо позевывать. Баллада рассказывала о прекрасной царевне, полюбившей раба. Царю Промоклу совершенно не хотелось видеть безродного юношу в зятях, поэтому на глазах у дочери он отправил нежелательного жениха в иной мир. Красавица на отца обиделась и навсегда ушла в горы, где

превратилась в отвратительное чудовище, пожирающее все живое.

...С тех пор
Живет Мангис – степной опал –
Среди высоких гор.

Всех презирая и стыдясь,
Без света и любви
В слепого монстра превратясь,
Живет Мангис в крови...

Пела девочка очень трогательно. На высоких нотах ее голос срывался, но впечатление от выступления все равно осталось приятным. Представить превратившуюся в кровожадное страшилище хрупкую царевну Мангис мне не удалось. В моем времени нет чудовищ. То есть, они, конечно, есть – но на киноэкранах и страницах комиксов. Ученые, правда, вылавливают регулярно то гигантскую креветку, то саблезубую птицу, но данные экземпляры не представляют опасности для населения и интересны исключительно палеонтологам. Поэтому в чудовищ я не верю.

– Вы хоть описать-то эту каракатицу можете? – в моем сознании понятие «чудовище» плавно трансформировалось из Годзиллы в огромного паука из «Гарри Поттера» и обратно.

– Они не помнят – маленькими были, – сказала Табити.

Марсагет выразил полное безразличие на лице, а Орик, казалось, силился что-то вспомнить, но никак не мог. Впрочем, тема ребятам была неприятна, поэтому я решил спросить о Царе Беркутов.

Сероглазая скиффийка сразу оживилась, а братья одобрительно заухали.

– Он очень красивый, – восторженно воскликнула Табити (эх, ее бы в фанатки к Билану!), – и смелый! – добавила она под аккомпанемент «ухов».

– Ага. И при этом хочет вас завоевать и украсть все скифское золото. Да о нем даже в учебниках не написано! (Н-да... на фоне «красивого и смелого» царька я... э-э-э... слегка проигрываю.)

– Ну... у всех свои недостатки.

Отговаривать Табити я не стал: в конце концов, миллионы моих сверстников (да и я тоже) обожают значительно менее интересных персонажей.

Вдруг на улице раздался шум: на пороге шалаша появилась Дос Ай. Сегодня она выглядела иначе: сменив дорожный костюм на расшитое золотыми бляшками изумрудное женское платье и украсив волосы необычным убором из металла и дерева, девушка показалась мне настоящей красавицей. Я влюбляюсь или ..?

– Вижу, вы уже подружились. Вот и ладно! Дос, ребята показали тебе, чему предстоит научиться?

Она не договорила. В шалаш ворвался запыхавшийся хозяин и, не удосужившись поклониться, закричал:

– Царь! Царь Беркутов здесь!

Дос Ай побледнела, покраснела, потом натянула королевскую улыбку и отправилась навстречу своей судьбе. Я остался в обществе близнецов и девчонки-ниндзя.

ПОСТ 7-й

Дорогой блог! Сейчас самое время сказать о том, что мы – дети XXI века – имеем удивительную возможность впитывать многовековые знания всего человечества! Посмотрев на юных скифов, я вдруг пожалел, что они – справедливые и смелые, живущие по законам природы и поклоняющиеся неведомым богам – во многом обделены. Им не суждено прочесть Мураками; они никогда не узнают, как во время оккупации сотрудники пострадавшего от бомбежек московского музея имени Пушкина спасали от снега Давида; они даже не могут вообразить, какой красавицей стала среднеазиатская жемчужина – Алматы. Их удел – постоянные войны и передаваемые из уст в уста легенды о великих героях и страшных чудовищах. Да о чем там говорить: у них даже нет Интернета!

Мне надоело сидеть в шалаше, и я поднялся с теплой шкуры: троица последовала за мной.

– Хочешь, я покажу тебе мою коллекцию? – вдруг спросила Табити.

– Какую?

– Художественную, – не без гордости в голосе ответила скиффийка.

Я сам собираю стикеры с Наруто, поэтому возможность взглянуть на чужую коллекцию показалась мне интересной.

– Давай.

Мы вышли на улицу: густой воздух был пропитан ароматами жареного мяса и цветов. Девочка сбегала в соседний шалаш и вернулась с картонной коробкой, в которой оказались разрисованные куски кожи. На всех «полотнах» был изображен один и тот же человек. Рисунки были вы-

полнены довольно искусно: на некоторых мужчина держал за рога сопротивляющегося марала, на других был изображен в окружении свиты на охоте. Животные на картинках представляли собой странную смесь: голова быка перетекала в тело мифического грифона.

– Это он. Архидок – Царь Беркутов! – с гордостью произнесла девочка, указывая на мужчину. Он настолько понравился маленькой скифийке, что в своих рисунках Табити наградила своего кумира исключительно положительными чертами. Марсагет и Орик опять дружно закивали.

Я взгляделся в абстрактный «портрет»: мужественное лицо, крепкая фигура и десятки поверженных животных. Что ж, видимо, царь – отличный охотник и хороший воин. Тем сложнее мне будет с ним бороться. Возможно, следующим комиксом в коллекции Табити будет кожанка с моим изображением...

– Ну не падай духом! – девочка постаралась меня подбодрить, а Орик сочувствующе положил мне руку на плечо.

– Да он меня на шашлык разделает...

– Тебе голова для чего дана? (И это мне говорит доисторическая девчонка?) Принцесса отведет тебя к Мастеру, навыкам военного дела он обучит. А вот смелости и смекалке научить никто не сможет. Если ты – потомок скифов, этих качеств у тебя не занимать.

– Да с чего ты взяла, что я – потомок скифов?

– Иначе бы Боги не сделали тебя Избранным. Только сын древнего рода...

Я прервал девочку:

– Да слышал я уже ваше пророчество. Боги промахнулись, понимаешь?

– Глупости. Боги никогда не промахиваются. Поэтому будь мужчиной, перестань ныть и иди на честный бой с Царем Беркутов. Тем более что он такой очаровашка...

Табити зарумянилась: по ее виду было сразу понятно, за кого она будет болеть в этой дуэли.

Я опять подумал о Дос Ай и Славе Медвецкой. Первая была на расстоянии полета стрелы, вторая, наверное, уже не помнит, как меня зовут. Решено, я как-нибудь смогу победить этого Архидока и докажу всем, что достоин представлять наше поколение в их тьмутаракани.

ПОСТ 8-й

Не успел я путем самовнушения почти настроиться на боевой лад, как передо мной словно из-под земли вырос хозяин большого шалаша. Мужчина поклонился мне с особой учтивостью и пригласил следовать за ним.

– Удачи! – шепнула сердобольная Табити, а молчаливые братья с сомнением посмотрели мне вслед.

Удача бы мне не помешала... Становилось жарко: несмотря на прохладный горный ветерок, дневной зной проникал под тяжелый костюм – не хватало еще вспотеть! Эх, будь я похож на дылду Смирнова, а не на кусок липкой пастилы... Тут я вспомнил о челке. Впервые за сутки. После сна в объятьях теплых шкур моя голова представляла собой воронье гнездо: смазанные гелем кудряшки скатались в кошму и мягкой подушкой легли на лоб. Вчера бы я в панике рванул к ближайшему крану, чтобы расчесаться, сейчас же внешний вид интересовал меня меньше всего.

За этими думами мы дошли до шатра, стенами которого служили легкие тканевые паруса, танцующие под свирель ветра. Мне почему-то сразу вспомнилась шамаханская девица: именно такой восточной красавице и должен принадлежать подобный «дом». Подходя к шатру, я услышал голоса: мужской и женский. Разговор шел на том же самом транслите:

– Я умоляю тебя пощадить его.

– Если я намерен жениться на тебе, то только во благо Беркутов! К чему мне жизнь какого-то мальчишки?

Речь-то, по ходу, идет обо мне. А защищающий женский голос принадлежит Дос Ай. Неужели она... нет, не может быть! Девушка встала на мою сторону из жалости. Я окончательно расстроился.

На пороге шатра стояли двое вооруженных до зубов воинов, ни внешностью, ни формой одежды не похожие на скифов. Хозяин шалаша низко поклонился и порекомендовал мне сделать то же самое. Нет уж, хватит с них вежливо-го «здрасьте»! Мы вошли в шатер.

Вместо приветствия мужчина, восседающий на золотом троне, украшенном резными фигурками животных, изумленно воскликнул:

– Дос Ай, твои Боги сошли с ума! Я должен бояться этого малохольного?

В издевающемся парне лет двадцати пяти, облаченном в легкую расшитую золотом тканевую тунуку, я признал Царя Беркутов. Гламурный мерзавец лишь отдаленно напоминал мне «портрет» с рисунков Табити. Крупные решительные черты лица и закаленное в боях тело плохо сочетались с чересчур ухоженными волосами и слишком нежной кожей на руках. Левую щеку пересекал рваный шрам, из-за которого казалось, что Царь все время ухмыляется. На обхватывающем талию поясе из наборных металлических пластинок висел странный предмет, оказавшийся... чело-веческим скальпом с длинной спутанной косой. Милый ак-сессуар... С каждой минутой Царь Беркутов мне нравился все меньше.

– Хорошо смеется тот, – хмуро заметила девушка, – кто выходит из боя победителем.

– Не смей меня поучать! – гаркнул он на скифскую прин-цессу, а потом, встав с трона, обратился ко мне. – Чего не кланяешься?

– А с чего бы вдруг?

– Возомнил себя героем? Кишка-то не тонка?

Архидок подошел совсем близко: я почувствовал его не очень свежее дыхание.

– У нас, знаете ли (все-таки он старше меня), так не принято.

– Дос Ай, передавай Богам привет! Я размажу этого бычка на паштет, а потом подам тебе на тарелке из его собственных волос.

Вот тут я разозлился: собрав в кулак всю свою смелость, я размахнулся и... со всей силы наступил противному типу на ногу. Ну все, теперь он меня прямо сейчас убьет... Однако Царь Беркутов поступил иначе: сплюнув на пол, он жестом велел принцессе удалиться. Когда побледневшая Дос Ай исчезла за порогом, Архидок подошел ко мне и, подставив кинжал к моему горлу, произнес:

– Ты, я вижу, борзый! Перед девчонкой рисовался?

– Да. То есть, нет. (Острие больно царапало кожу.)

– У меня есть к тебе предложение.

Этот оборот меня чрезвычайно удивил. Я моргнул, боясь шевельнуться.

– Я вижу, ты хороший мальчик. Смелый. Такие жить должны. Родину защищать. А тебе придется из-за пустой брехни жрецов жизни лишиться. Папу с мамой пожалей, – Архидок сильнее нажал на клинок, так что на шее выступила капелька крови.

Я опять моргнул.

– Ты же видишь, что бой со мной – это верная погибель, – Архидок задумчиво приподнял болтающийся на поясе скаल्प, – а мне тебя жаль. Очень жаль. Ну что, поговорим, как мужчина с женщиной?

Я кивнул. Царь Беркутов тут же убрал кинжал в кожаные ножны.

– Значит, так. Народ хочет зрелищ. Мы их ему дадим. Ты выйдешь со мной на бой, но сложишь меч, демонстрируя

тем самым капитуляцию. Этим спасешь себе жизнь. И обрадуешь родителей. Понятно?

Конечно, понятно... Такой исход устраивает обе стороны. Архидок получает сокровища и власть, я отправляюсь домой живым и невредимым.

– По рукам? – протянул царь мне ухоженную пятерню.

– По рукам. А что, если я приму бой?

– У моего коня в сбруе еще много отверстий для скальпов. Слово вождя – закон.

– Да пустите же меня! – услышал я голос Дос Ай, решительно прорывающейся через «пост» охраны. – Не трогай его!

– Дорогу будущей Царице Беркутов, – рявкнул Архидок, – а этого – вон отсюда.

В следующую минуту один из воинов схватил меня за челку и, несмотря на все мое сопротивление, вытащил на улицу, бросив лицом в степную пыль.

ПОСТ 9-й

Дорогой дневник! Не скрою, иногда я задумывался о самоубийстве: вот не станет меня, тогда соберутся все мои обидчики и будут рыдать по загубленной душе. Одетые в черное родители, заламывающая руки Слава Медвецкая и мрачный Смирнов бросают белоснежные каллы на крышку моего гроба. Или нет, лучше гладиолусы. Хотя каллы выглядят торжественнее. Ну, пусть тогда каллы с гладиолусами. Родня и одноклассники оплакивают меня под дивные песни «Токио-отеля» и понимают, как много они потеряли.

Однако здесь эта схема идеального погребения не прокатит: никто из вышеназванных понятия не имеет, куда меня занесло. Ну и, соответственно, вряд ли кто-то из них всплакнет над моим истерзанным телом, если Царь Беркутов сдержит свое обещание. Поэтому умирать мне ни в коем случае нельзя. Вообще, смерть – на редкость умная штука. Я вдруг понял, что в этом мире все устроено очень грамотно: сначала на тот свет один за другим отправляются все знакомые – друзья, родственники, звезды шоу-бизнеса и кино – то есть, все, кто в твоей жизни хотя бы что-то значил. А потом, когда уже совсем никого не остается, тетка с косой приходит и за тобой: умирать-то совсем нестрашно, все свои уже там. Каким же я был дураком, желая покончить с собой! Ну да... Может, кто и порыдает (и то – не факт). А потом они отправятся на премьеру очередного блокбастера, на Медео или купят тур на Мальдивы, а я останусь лежать в холодной земле, обернутый в липкий саван. Нет уж, увольте.

Стряхнув с одежды комья грязи и земли, я огляделся. «Овчарки» Архидока снова стояли на страже. Вдруг из ша-

тра выбежала заплаканная Дос Ай. Мне ужасно захотелось ее обнять и пожалеть. Я бросился за ней.

– Дос Ай! Подожди!

– Чего тебе? – девушка остановилась, вытирая слезы.

– Ну прости, я вел себя, как последний идиот.

– Да нет, ты тут совершенно ни при чем. Наоборот, твой поступок заслуживает уважения. Не каждый может смотреть Царю Беркутов в глаза. Архидок не знает пощады.

Меня кольнула совесть: она не знает о нашей договоренности.

– А зачем же ты тогда собралась за него замуж?

Дос Ай снова зашмыгала хорошеньким носиком.

– Потому что папе так надо. Он уверен в том, что этот брак поможет сохранить мир между кланами. Пойдем, нам пора в путь. Надо успеть до заката, а дорога предстоит длинная.

Спустя полчаса переодетая в дорожный костюм скифская красавица снова изображала из себя надменную принцессу: из Есіка мы ушли совершенно по-английски – не попрощавшись.

Дорога к храму пролегла через Исыкское ущелье: только в этот раз я не заметил даже тропы – судя по всему, страх быть сожранными свирепым чудовищем полностью отвадил людей от этого места. Я поразился нетронутой красоте ущелья: среди скалистых, усеянных малахитовыми пирамидами-елями гор серебристой змейкой вьется река, с шумом раскидывающая по своим берегам мокрые камни. Солнце согревает их покатые глянцевые тела, а в следующую минуту новый ледяной язычок реки подхватывает посеревший камешек и несет его дальше. Добравшись до крупных валунов в тени тысячелетних деревьев, Дос Ай достала из сумки обернутый в ткань кусок сыра и кувшин

с напитком, который (как я выяснил позже) оказался крепким, терпким вином.

– Знаешь, а я слышала о тех птицах, которым ты поклоняешься, – сказала девушка, отхлебнув прямо из кувшина.

– Каким птицам? – я, кажется, не говорил ничего подобного.

– Ну этим... Эму! Старейшины рассказывали, как из дальних южных стран в степь привозили эту диковинную птицу.

Я рассмеялся. Скифийка решила, что я фанатею от страусов!

– Не эму, а *эмо*. Я – *эмобой*. Это, как тебе объяснить...

Действительно, как объяснить девушке – не лишенной, кстати, здорового чувства юмора – почему я проникся к субкультуре тру *эмо*. Вкратце рассказав ей, в чем заключается смысл жизни, я принялся за вино. Оно моментально вскружило голову (мама, не читай это) и наделило мир какими-то особыми красками: от столь ярких цветов резко заболели глаза. Пожалуй, запивать я все-таки буду водой из реки.

– Неужели, для того чтобы проявить свою индивидуальность, нужно так странно одеваться, – она с сомнением посмотрела на кудрявый кокон на моей голове, – и причесываться?

– Понимаешь, челка для *эмо* – своеобразный символ. Она означает, что часть твоей души открыта для мира, а вторую ты и сам еще до конца не понял.

– Получается, что без челки ты не *эмо*? Неужели отсутствие по форме уложенной прядки делает тебя менее чувствительным к миру?

– Нет, конечно!

– Тогда, извини, зачем челка?

И действительно, зачем? Мне показалось, что скифская девушка, по всем историческим канонам интеллектуально менее развитая, чем я – сын XXI века, – задала простой и очень мудрый вопрос. Не слишком ли много времени уделяем мы внешним раздражителям в виде моды на тот или иной стиль? Ведь обрившись налысо или отрастив гриву кудрей, я не стану иначе мыслить.

– Ну хорошо... Дело не только в челке. Эмо – это совершенно другой мир, в котором люди – искренние, они умеют сопереживать и радоваться. И знаешь... Когда ты надеваешь яркий нестандартный костюм, другие сразу это замечают. Кто-то смеется, кто-то презирает, но равнодушным не остается никто. Родителей, например, это бесит.

– Ты их не любишь?

– Почему? Очень люблю. Просто они, как бы тебе сказать, отстали от жизни.

– И лучший способ донести до них свою любовь – это довести до белого каления? – Дос Ай опять начала надо мной посмеиваться.

– А ты-то сама? Вот ни за что не поверю, что гордая скифская принцесса добровольно тащится замуж за этого самодовольного придурка.

– Он не придурок.

– Ой ли?

– Ладно, согласна. Я не сильно хочу замуж.

– И родителям ты, типа, никогда не перечишь.

– Ну почему? Бывает. Но тут не тот случай.

Я внимательно посмотрел на девушку. Ее голову венчал все тот же конический кожаный колпак, обильно украшенный золотыми бляхами с изображениями животных и стрелами. Тут меня осенила догадка:

– Вот скажи, а зачем ты его, – я показал на головной убор, – нацепила?

Дос Ай смутилась.

– В знак протеста.

– Вот-вот – сама такая же. И не надо на меня стрелки переводить.

Дос Ай засмеялась и сняла колпак, представив солнцу красивые волнистые локоны.

– Как ты догадался?

История в школе была моим самым любимым предметом. Мармиша – настоящий кладезь премудростей: каждый урок она старается сделать запоминающимся и интересным. На одном из таких занятий мы разыгрывали сценку, в которой Слава Медвецкая изображала сакскую невесту. Они с мамой всю ночь клеили из картона как раз вот такой остроконечный колпак – прототип саукеле, который молодая женщина надевала только на свадьбу и в первые годы брака – вплоть до рождения первенца. Об этом я и рассказал Дос Ай.

– Короче, ты решила позлить предков и расхаживаешь в совершенно не положенной тебе по статусу шапке. Стрелы, я так понимаю, для самообороны. А голова в ней не потеет?

– Все тебе скажи, – усмехнулась скифийка. Она лукаво прищурилась, слегка прикусила нижнюю губу, потрепала меня за щеку и задумчиво произнесла:

– Может быть, Боги не так уж и ошиблись, указывая на тебя...

Ее ладонь, скользнувшая по моей щеке, была теплой и приятно пахла какой-то пряностью. Лицо Дос Ай было совсем близко: я, зажмурившись, наклонился, чтобы ее поцеловать и... получил отрезвляющий щелчок по носу.

– Пойдем, времени мало.

Загадка Алтын мадам

Она не дала мне пощечину и даже не возмутилась – просто щелкнула по носу, как нашкодившему второклашке. Наверное, именно в этот момент я окончательно пришел к выводу, что теряю голову от любви.

ПОСТ 10-й

Мы поднимались все выше и выше в горы: несмотря на сильный ветер, было все еще душно. Девушка то и дело подгоняла меня, поглядывая на спрятавшееся за невесомую тучку солнце: до заката было еще полно времени, о чем я не преминул ей сообщить. На холмах то и дело встречались табуны разномастных лошадей и стада баранов, ловко маневрирующих между ржаво-бурыми скалами. На нас животные не обращали никакого внимания. Дос Ай шла первой, указывая мне дорогу. Гибкая, сильная и очень красивая, она грациозно преодолевала сложные участки пути. Я невольно залюбовался ею. Внезапно начался теплый, ласковый дождик.

– Надо бы переждать. Непогода в горах – коварная штука, – заключила моя спутница и свернула с намеченного курса в сторону усеянной зелеными елями скалы.

Мы добежали до ближайшего растущего под углом дерева и спрятались под его колючими лапами. Нескольких капель воды было достаточно для того, чтобы роскошные локоны Дос Ай завились непослушными кудряшками. Высовывая ладони из-под прочных хвойных лап, мы ловили мокрые дождевые лепешки и, смеясь, брызгались ими. Дождь не стихал: из легкого «грибного» задиры он превратился в серый, сметающий все на своем пути ливень. Стало заметно холоднее, солнце уже не показывалось, и о том, чтобы продолжить путь, речь не возникала.

– Заночуем здесь, – голосом, не терпящим возражений, сказала скифийка.

– На земле?

– Ты уже ночевал на земле. Что тебя смущает?

– Ну... Там же шкуры были. А тут – ни палатки, ни спального мешка. (Если Дос Ай опять «включит» принцессу, она выгонит меня из-под елки.)

За два проведенных вместе дня мы в прямом смысле стали лучше понимать друг друга. Голос девушки я слышал все тем же транслитом, но ее языковой запас стал явно шире и изобиловал вполне современными выражениями.

– Не бойся, здесь достаточно хвои. Организуем шалаш. В нем не замерзнем.

Она забралась по скользким ветвям выше и кинжалом вырезала несколько крупных еловых лап, росших близко к стволу дерева, а потому – почти не затронутых дождем. Связав их друг с другом с помощью вынутого из сапога кожаного жгута и закрепив украшавшими колпак стрелами, Дос Ай довольно быстро соорудила крепкую перегородку, закрывшую наше убежище от остального мира. Надо признать, восхищавшая меня девушка была куда более приспособлена к жизни, чем я. Во время ее манипуляций с ветвями я стоял с видом лишнего в комнате комода. Желая хоть в чем-то быть полезным, я сложил оставшиеся лапы на землю: импровизированная подстилка была невероятно колючей, но теплой.

– Молодец. Разжигай огонь, и перекусим.

Чем, интересно? Все исыкские припасы мы доели на привале. Пока я размышлял, как в полностью сыром лесу развести костер, Дос Ай вылезла из-под ели и растворилась в стене дождя. Вернулась она через несколько минут, держа в руках какого-то похожего на крупного суслика зверька со свернутой шеей.

– Где огонь?

– В Караганде. Тут же сыро, откуда я его возьму? У меня ни спичек, ни зажигалки. И трением мокрых палочек

я вряд ли получу необходимую искру, – с издевкой заметил я.

– Вы в будущем все такие неумелые? – совершенно серьезно спросила Дос Ай.

Она оторвала кусок от той ткани, в которую была прежде завернута еда, щедро вымазала его в смоле, потом отломала сухую ветку, на которую намотала доскут, выкопала пару округлых камней, и уже спустя несколько мгновений в ее руках запылал факел.

В старших классах школы есть уроки ОБЖ – основы безопасности жизнедеятельности, однако на них не учат добывать огонь. Зачем городскому человеку, живущему среди благ цивилизации, нужны такие простые навыки? Кто же может предположить, что этот самый человек неожиданно окажется в веке за пару тысяч лет до изобретения унитаза?

– Нормальные мы. Высокоразвитые, – буркнул я себе под нос.

– А... – Дос Ай хитро улыбнулась, – а что у вас там вообще происходит? Помимо увлечения *эмприкидами*...

Опять прикалывается.

– Да разное происходит. Недавно запустили адронный коллайдер. Еще есть айфоны, например. Сетевые игры. Одежда разная брендовая.

Я посмотрел на Дос Ай. На ее стройной фигурке костюм сидел идеально: замени пару золотых деталей украшенными кристаллами Сваровски репликами, и наряд в этностиле вполне подойдет для клубной вечеринки. Если не брать в расчет шапку, носят мои современницы примерно то же самое.

Скиффийка ловко разделала суслика и нанизала его на одну из стрел. Проворачивая ее вокруг горящего факела, Дос Ай добила равномерной прожарки тушки и протянула добычу мне.

– Приятного аппетита.

Я подавил тошноту. Нет, я вовсе не против попробовать пресмыкающихся гадов в китайских кафе, но съесть *крысу!* Это выше моих сил.

– Спасибо. Давай сначала ты.

– Ну хорошо, как скажешь, – она со вкусом захрустела косточками суслика, аромат от которого шел, кстати, весьма приятный.

– А что ты делаешь в храме?

– Я на практике. Родители отправили на лето. Ну и чтобы время до свадьбы скоротать. Торжество назначено на осень, когда наши воины вернутся из походов, а племя встанет на зимовку.

Слово «свадьба» начинает вызывать у меня раздражение. Дос Ай относится к предстоящему событию совершенно равнодушно.

– Будешь?

Половинка крысы – как раз от лапок до хвоста – болталась прямо перед моим носом. Преодолев отвращение (надо же показать любимой девушке, что я настоящий мужчина), я откусил крохотный хрустящий кусочек. А недурно. Да по настоящему вкусно!

– Вот и поужинали. Теперь гасим факел. Стемнело. Наступает время мангис. Если крупно повезет, она нас не найдет.

– Что ж ты раньше-то не сказала? Мы бы вернулись.

Дос Ай промолчала и плотнее прижала еловую перегородку к стволу. Дождь перестал. Еще кое-где были слышны раскаты грома, по похожим на медвежью шкуру глянцевым еловым лапам сбегали тонкие водяные струйки, но в воздухе уже пахло озоном. Горы превратились в огромный барaban, звучавший на тысячи ладов под сенью черного неба.

Я обиженно уставился на Дос Ай. Скажи она про мангис часом раньше, мы бы успели вернуться в Есік. Перспектива оказаться в положении суслика на завтрак у древнего страшилища меня не радовала.

– В общем... Ты прости меня, Дос, ладно?

– Чего уж там.

– Нет, ты не понял. Нам в любом случае пришлось бы ночевать здесь. Или под соседней елкой. До храма два дня пути. По-любому.

Да я ее... ненавижу! Значит, обманщица заранее знала о том, что нас сожрут. Точнее, меня. Она-то уж точно выпутается. Может, и сказка эта про Избранного была придумана с единственной целью – скормить меня кровожадной гадине. Так, Дос, не впадать в панику. Ты же умный парень! Не сдаваться! И не подавать виду, что ты испугался.

Эх, самовнушение – великая сила. Голос уже почти не дрожит.

– А почему бы не воспользоваться э-э-э... – я пытался подобрать нужное слово, – услугами лошади? Отсюда до озера полчаса пути.

– Боюсь, в географии нашего века ты не силен. Энцис своим ржанием сдала бы нас с потрохами. Неужели ты честно думаешь, что мне доставляет удовольствие тебе врать?

– А то нет?

Все-таки она очень красивая. Интересно, а можно ненавидеть и любить одновременно?

– Смотри, я же была в храме.

– Допустим.

– И пришла к тебе на встречу.

– Ну.

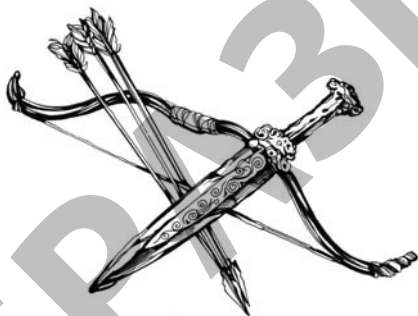
– Пройдя мимо мангис. (Что-то она темнит.) – Это возможно.

– А если тебе просто повезло? Или ты прошла другой дорогой? Почему ты не сказала мне сразу? Я бы все равно пошел за тобой.

– Правда? Почему?

– А незаметно?

В темноте не было видно лица Дос Ай, но мне показалось, что девушка улыбнулась. Вместо ответа она подвинулась ближе и прикоснулась губами к моей щеке.

ПОСТ 11-й

Дорогой блог! Я лузер. Дос Ай смотрит на меня, как на младшего брата. Теперь к ее чувству жалости прибавилось еще и умиление. Мне осталось только надеть костюм плюшевого розового зайца с шелковым сердцем в кривых лапках и отдаться в ее заботливые руки. Я перевел тему:

– Так как же тебе удалось пройти мимо мангис?

– Жрецы Золотого храма регулярно пользуются маленькой хитростью, благодаря которой чудовище их не замечает. Мангис слепа, но обладает очень развитым нюхом. Она испускает лужи какой-то вонючей жидкости, из которой хранители готовят специальный эликсир. Если одну-две капли нанести на тело, человеческий запах заглушается, а мангис теряет свою мишень.

– Класс! А где хранители берут эту жидкость?

– Да она тут повсюду – надо только присмотреться. Днем мангис спит: можно спокойно собирать экстракт в нужном количестве. Ну а чтобы меньше народу к храму шастало, жрецы секрет эликсира держат в тайне.

– А как насчет ее устрашающей внешности, от вида которой онемели близнецы?

– Ну а кто тебя заставляет на нее смотреть? Двигается мангис довольно шумно. Стой неподвижно и зажмурь глаза.

– Хорошо, уговорила. Давай сюда антимионстровый эликсир.

– Э-э-э... – Дос Ай растерянно шарила рукой по еловой подстилке, – видишь ли... В общем, кажется, пузырек я где-то обронила.

– Час от часу не легче!

– Если продержимся до утра, наберем еще жидкости – я видела неподалеку черную лужу.

– Если... Почему у вас, девчонок, никогда нет в словах конкретики?

Девушка опять предпочла промолчать.

– В общем, так: я предлагаю дежурить по очереди. Если ваша «Несси» вылезет из своей норы, это не застанет нас врасплох. Спи первой.

Дос Ай кивнула. Повторного приглашения не потребовалось: пожелав мне спокойной ночи, она устроилась поудобней на колючей подстилке и быстро заснула, подложив колпак под голову. Я прилег рядом.

Тучи полностью рассеялись. Выглянула похожая на выпуклую линзу желтая луна, свет которой позволял различать в темноте крупные предметы. В ущелье стало тихо. Я почувствовал усталость: сказывалась многочасовая прогулка на свежем воздухе. Мне пришла в голову мысль сочинить стихи – это поможет не уснуть. Муза лежала, свернувшись калачиком, и крепко спала. Наблюдать за ней спящей было очень трогательно.

«Хлопай ресницами и взлетай!» – нет, это уже было. «А твои глаза – два бриллианта в три карата» – вот бред! Поэзия – искусство тонкое. Принято считать, что стихотворения, сочиненные тру эмо, далеки от совершенства. Мол, слишком много дум о смерти. Ну а что поделаешь, если лучшая рифма для слова «любовь» – это «кровь»? На мой взгляд, ранние работы Лермонтова тоже отдают эмолирикой. Взять хотя бы «Парус»: написав сей шедевр в семнадцатилетнем возрасте, юный Михаил Юрьевич демонстрирует очень характерный для эмокида стиль:

*«Увы! Он счастья не ищет,
И не от счастья бежит!»*

Боюсь, услышь сейчас «литричка» мои размышления, схлопотал бы я жирную пару и вызов родителей в школу.

Дос Ай зашевелилась. Я погладил ее по волосам: она что-то промурлыкала во сне и повернулась на другой бок. До чего же хорошенькая! Я, не отрываясь, смотрел на нее: сейчас, в этот момент, она казалась мне совершенством. Почему девчонки так похожи на ангелов, когда спят? Зато, проснувшись, они обязательно скажут какую-нибудь глупость или пакость. Вот где она, эта пресловутая женская логика? Наверное, она появляется к замужеству: мама, да и Мармиша являют собой апогей вселенской мудрости. Получается, что совсем скоро Дос Ай наденет маску благоразумия и будет поддакивать Архидоку. А я останусь зефирным лузером. На этой печальной ноте я уснул.

ПОСТ 12-й

Сон был тревожным... Крохотный камешек сорвался со скалы и с громким плюхом ударился о воду. Река приняла скромный дар и понесла его по течению вместе с кораллово-золотыми тельцами рыб, поломанными ветками и миллионами других таких же скалистых осколков. На резком повороте камешек вылетел из воды, упал в снег и покатился, набирая скорость, вниз. Это уже и не камешек вовсе, а огромный снежный ком, ломающий мощным снежным брюхом торчащие из-под снега обледенелые ветви кустарников.

«Берегись, Дос!»

Несется снежный шар, затмевая солнце.

«Берегись, Дос!»

Ледяной ветер обжигает лицо.

«Берегись, Дос!»

Хочет ветер, кричит на тысячу голосов.

«Просыпайся, Дос!!!»

– Да просыпайся же! – Дос Ай трясла меня за плечи. Я заснул, начисто забыв о том, что должен был охранять наше нехитрое убежище от диких зверей и мифических чудовищ.

За перегородкой из еловых лап завывал ветер, перемежающийся долгими приступами истерического хохота, от которого содрогались скалы.

– Досик, миленький, ну проснись же!!! Мангис вышла на охоту. Она близко совсем, – лицо девушки было бледным.

– А чего ты голосишь-то?

Колочая иголка «матраса» впилась мне в бок.

– Бежать надо. Чует она нас. Как же тебя задремать-то угораздило?

– Куда бежать? Ты уверена? (Знаю, что виноват, но ни за что не признаюсь.)

– Ну не тормози же!!! Вперед бежать. К храму.

– Лады, – я устало зевнул и протер слипшиеся глаза.

– Вот и умничка. Я первой пойду. Не смотри на мангис.

– Да помню я... Но тут в темноте черт ногу сломит.

Звук приближался. Это был уже не хохот: вой то переходил на ультразвук, то напоминал сирену.

– Давай же, не тяни, – Дос Ай буквально вытолкнула меня из-под ели и ловко побежала вверх.

«Ой-й-йх-х-ха-а-ах-о-о-ох-й-й-ха-а...»

Чует мангис скорую добычу.

Берегись, Дос!

«Ой-й-йх-х-ха-а-ах-о-о-ох-й-й-ха-а...»

Вторит ей горное эхо.

Берегись, Дос!

Стонет, зовет мангис...

Я никогда так быстро не бегал. Уроки физкультуры я обычно посещаю со справкой от врача, гарантирующей освобождение от лазанья по канату и прыжков через козла. Единственный вид спорта, в котором я преуспел – плавание.

– Дос Ай, быстрее-е-ей! – сердце выпрыгивает из груди. Бегу, не разбирая дороги, куда глаза глядят: ноги зацепаются в горной траве. Спотыкаюсь, падаю, поднимаюсь, опять бегу и все ближе чувствую зловонное дыхание чудовища. Разозленная мангис раскидывает камни и ломает попадающиеся на пути деревца. Падаю в какой-то колючий кустарник, но тут же выскакиваю: из ветвей раздается угрожающее шипение. Куда же бежать?

– Прыга-а-ай! – кричит скифийка.

Собираю волю в кулак, отталкиваюсь и приземляюсь в реку. Дос Ай хватает меня за руку и тащит за большой валун. Все смолкло. По ущелью вновь разлилась бархатная тишина.

– Молчи, – девушка рукой закрыла мне рот.

Да я и не собираюсь сейчас разглагольствовать – отдышаться бы. Неужели оторвались? Прочитав надежду в моих глазах, Дос Ай покачала головой. Нет, мангис просто принюхивается, она знает, что мы близко.

Думай, Дос, думай... Ну да, подумаешь тут, когда висишь на волосок от смерти. Я мысленно попрощался со всеми родными и... впился пылким (последним и... чего врать-то, первым в моей жизни) поцелуем в губы Дос Ай. Она, видимо, испытывала похожие на мои чувства, поскольку не оттолкнула, не фыркнула «нашел время!», а ответила на мой поцелуй. Время остановилось: мне уже не была страшна стоявшая над душой кровожадная мангис – в этот момент я думал только о хрупкой и очень смелой девушке, которую прижимал к себе.

Как же не хочется возвращаться в реальность... Вдруг Дос Ай отстранилась и замерла, зажмурив глаза. Ну все. Приехали. Я приготовился принять мученическую смерть в пасти доисторической гадины, но тут меня разобрало природное любопытство – если уж суждено погибнуть, то совершенно необходимо увидеть эту зверюгу вблизи. В руке девушки был до блеска начищенный клинок, в котором благодаря свету луны и пучеглазых звезд я увидел отражение нависающего над нами монстра. Понятно, почему братья маленькой Табиты перепугались – ну и уродина! Однако я не онемел – судя по всему, в случае мангис действовало то же правило, что и для Медузы Горгоны: отраженное изображение иначе влияло на смотрящего. А может быть, компьютерные годзиллы XXI века уже приелись и совершенно не пугали.

Зверушка представляла собой так любимый скифами симбиоз из двух животных, точнее – насекомых. Огромных размеров мохнатая голова с парой острых, залитых слизью клыков выползала из покрытого бурой чешуей панциря, защищавшего несколько цепких лап. Сзади у горной «красавицы» висел пропадающий в темноте длинный хвост, покоившийся на сотне маленьких ножек и увенчанный «усиками». Ядерная смесь клеща и многоножки приняховалась, пытаясь распознать чуть приглушенный проточной речной водой запах чужаков, осмелившихся посягнуть на ее территорию.

Неожиданно мангис метнулась в сторону, и тотчас же ее хвост смел заблудившегося барана. Сжимая всеми лапами несчастное животное, она вонзила в него клыки. Раздался хруст, и спустя секунду баран исчез в пасти проголодавшейся мегеры.

Дос Ай почти не дышала. Она так и стояла с закрытыми глазами и держала меня за руку. Ее пальцы до боли сжимали мои. Бедная девочка... Неужели и ей предстоит разделить участь родившейся под несчастливой звездой скотины? А что, если...

Я решил принять весь удар на себя: есть надежда, что клещеножка отвлечется на меня, и тогда Дос Ай сможет спастись.

– Уходи, – шепнул я девушке, выхватил у нее меч и бросился бежать, крича что было мочи. Заморившее червячка слепое чудовище мигом сообразило, что поймать человека ничего не стоит, поэтому в доли секунды нависло надо мной, обдавая жарким смрадным дыханием. Я выскользнул из-под огромного раздувшегося пузыря, пытаясь увести мангис дальше от того места, где стояла ни жива ни мертва скифская принцесса. Цепляясь за кусты, я начал забираться на скалу: ноги то и дело сползали вниз – после дождя трава стала невероятно скользкой. Чудовище со свистом втянуло воздух и снова ринулось в атаку: на этот раз уйти от лап-тисков мне не удалось – пребольно сжав грудную клетку, древнее пугало подняло меня над землей.

– Ах ты, гадина! Получай! – зажмурившись, я рубанул клинком волосатую лапу. Мангис вздрогнула, но не перестала сдавливать мои ребра. К счастью, барашек слегка притупил ее голод, поэтому клещеножка не торопилась меня сожрать. Она, видимо, решила оставить меня на завтрак, поскольку, ковыляя на шести лапах, с гордо поднятым чешуйчатым хвостом полезла на гору.

Прощай, Дос Ай! Прощай, великий скифский народ! Прощай, Слава Медвецкая! Смирнов, ты такой лох, честное слово!

ПОСТ 13-й

Дорогой блог! Последнее, что я увидел, перед тем как клещеногий переросток приложил меня головой о камень, была желтая ухмыляющаяся луна... Очнулся я от дикого холода: зубы стучали, голова трещала, а на затылке взбухла здоровенная шишка. Я с трудом поднялся и тут же снова ударился лбом – да, сегодня точно не мой день. Зато я жив, а это значит, что есть шанс вернуться. Оглядевшись, я понял, что нахожусь в длинной пещере, ширина которой не превышала трех метров. Стены грота были покрыты искрящимся льдом. Я никогда ранее не бывал в подобном месте: когда-то давно мы с родителями ездили в Абхазию – Ново-Афонская пещера была огромной, а эта напоминала желоб для бобслея. Недалеко от Чимбулака есть, пожалуй, единственный доступный для простых туристов ледяной грот, получивший имя Октябрьской пещеры, но холодильник, в который занесла меня судьба, не был похож и на него. В голову пришла мысль, что хозяйственная мангис просто делает запасы на зиму, так как на полу грота валялись замороженные тушки зайцев, горных козлов с загнутыми рогами и даже части лошадей. Видимо, в этой обледенелой компании я оказался единственным «гомосапиенсом».

– Эй, – позвал я негромко в надежде услышать эхо – это бы означало, что узкий лаз выходит к полой пещере. Ответа не последовало. Я уже прилично замерз: но, судя по тому, что соображаю нормально и способен шевелиться, в холодильнике попал совсем недавно.

Вдруг показалось, что метрах в десяти от меня что-то шевельнулось. Что бы это ни было, оно менее опасно, чем мангис – страшила попросту бы сюда не влезла. Клинок выпал из моих рук еще до того удара о валун, поэтому,

желая познакомиться с обмороженным соседом, я понадеялся на авось. В том месте, где стоял я, высота потолка была порядка полутора метров, а на уровне нового знакомого составляла не более семидесяти сантиметров. Лавируя между полуфабрикатами, я на карачках пополз в сторону шевелящегося «нечта» и уткнулся в густую теплую шерсть. Прямо передо мной лежал живой, но сильно раненный зверь. Да это же барс! Точнее, барсик, потому что кошка оказалась котенком, который, несмотря на явную боль в разодранной лапе, тут же выпустил коготки. Так или иначе, собрат по несчастью был живым и теплым.

– Ау! – снова громче крикнул я.

– У-у-у, – послышалось вдалеке.

Перебинтовав лапу котенка разорванной до колена штаниной, я взвалил его к себе на спину – хоть так согреюсь. Животное почти не сопротивлялось: на это уже не хватало сил, или оно просто инстинктивно почувствовало надежду на спасение, пусть и исходящую от человека. Ну что, «рыцарь в тигровой шкуре», давай отсюда выбираться! Весил ирбис килограммов десять, что затрудняло движение, но оставлять зверя на верную гибель не позволила совесть – они и так занесены в Красную книгу.

Когда ноги почти перестали слушаться, а на ладонях образовались кровавые ссадины, я неожиданно увидел тусклый свет. Желоб выводил на поверхность горы, точнее, не совсем на саму гору, а в некое углубление с дырой, через которую были видны звезды. Из этой, похожей на огромную капсулу пещеры вели еще несколько ледяных лазов разного диаметра, аналогичных тому, по которому ползли мы с барсиком. У одного из отверстий храпела на все лады мангис: в спящем состоянии клещеножка была еще более отвратительна, чем в бодрствующем. Длинный хвост

свернулся в охватывающий туловище клубок, на вершине которого лежала жирная голова, по клыкам текла вонючая слизь, а из хвостовых складок выделялась черная жидкость, которой был уляпан пол грота.

– Дос! Дос, откликнись! – среди звездного неба показалось лицо Дос Ай.

Мое сердце ликовало: она нашла меня. Нет, не так: она отправилась искать меня, вместо того чтобы позаботиться о себе.

– Тс-с, здесь мангис спит, – почти шепотом произнес я, стараясь не показать девушке, что я до полусмерти перепуган.

– Ты жив, слава Богам! Чего ты там застрял? Вылезай.

Ну да... Сейчас спую своей многоногой «даме» колыбельную и сразу поднимусь...

– Не могу! Здесь высота метра три.

– У меня веревка есть, надеюсь, длины хватит, – ответила скиффийка почти шепотом.

Поймав сплетенную из овечьей шерсти «косу», я прижал к себе барсика и начал аккуратно взбираться вверх, опираясь ногами о стену грота. Когда спустя полчаса мы почти выбрались, из-под пятки выскочил маленький предательский камешек и звонко ударился о пол. Мангис встрепенулась и молниеносно развернулась из клубка, поняв, что праздничный ужин намеревается убраться восвояси.

– Держись! – Дос Ай протянула мне руку, но успела схватить лишь барсика, а я повис на веревке, которую всосала разъяренная мангис.

Отпустив руки, я шлепнулся вниз – зловонная лужа испражнений чудовища смягчила удар. Клещеножка повисла надо мной, уставившись невидящими белыми глазами прямо в лицо: еще секунда, и от Доса Муканова останется

только спрятанный в трусах МР-тришник. Подождите! Внезапно меня осенило: достав папин подарок, я машинально нажал на первую попавшуюся кнопку и зарядил стальной коробочкой прямо в зловонную пасть. Мангис икнула и проглотила апогей технической мысли вместе с наушниками.

«...О-сень у-же пятнадцатый ра-з... А ты еще не люби-ла», – донеслось пение солиста группы «Китай» из брюха клещеножки.

Она села от неожиданности прямо на хвост, раздавив несколько собственных лапок, заскулила от боли, обиженно заметалась по пещере и, найдя самый широкий желоб, быстро заскользила по нему. Через несколько минут все стихло, а о присутствии чудовища напоминали только черные лужи со специфическим, но каким-то знакомым запахом. Веревка висела на прежнем месте, поэтому я решил еще раз попробовать вылезти наружу, пока мангис не избавится от икоты. Да, умей я виртуозно лазать по канату, путь вверх занял бы не десять минут, а полторы.

– Да здравствует белый свет! – прошептал я и обессиленный рухнул на землю, показавшуюся невероятно теплой и ароматной. Спасенный барсик спокойно спал рядом.

Скифийка стояла в полном замешательстве.

– Послушай, если я правильно понимаю, она... ну мангис... в общем, она ушла.

– Ее, ф-фу-у-у, мучают колики, – еле отдышавшись, съязвил я.

– Нет, ты не понял. Она вообще ушла. Ты как-то разрушил заклятье. Что ты сделал?

– Запульнул в нее МР-тришником, и включилась песня.

– Я не знаю, что это за магический снаряд, но он куда сильнее эликсира жрецов. Где ты его взял?

– На барахолке. Китайский. Копеечный. Папа подарил на конец четверти.

– О, твой отец – великий колдун!

Я чуть не рассмеялся. Мысль о том, что я остался жить благодаря музыкальной шкатулке марки «Сяо-Линь» грела душу.

– Я ему так и передам, – с очень серьезным видом пообещал я девушке.

Вот интересно: порой красавица не по годам мудра, но иногда кажется очень наивной. Хотя откуда ей знать про технологические достижения нашей эры?

– Она теперь счастлива, – с умилением сказала скифийка.

– Кто? – не понял я.

– Мангис. По легенде чары рассеются, когда ее сердце вновь наполнится любовью, и она сможет вернуться в родные края.

Надо же, какое чувствительное чудовище! Интересно, в кого же мангис влюбилась – в меня или певческий талант *эмокитайца*?

Я все еще вонял жидкостью, которую испускала клеще-ножка. И тут до меня дошло, откуда я знаю этот запах:

– Она точно совсем ушла?

– Абсолютно.

– Жалко. Надо было ее поймать и в зоопарк посадить, что ли. Слушай, надо ее срочно вернуть!

Девушка смотрела на меня с удивлением.

– Знаешь, что это? – спросил я Дос Ай, показывая на перепачканный тиной рукав.

– Составная часть волшебного эликсира.

– А вот и нет. Это – нефть. Понимаешь, нефть!

– Ну и что?

– Ну как ты не понимаешь! Мы бы превратились в крупнейший источник этого ископаемого, как Арабские Эмираты, например! Наша Алматинская область имела бы собственные залежи нефти, а это значит...

Дос Ай смотрела на мои блестящие от возбуждения глаза и все больше хмурилась. Потом задрала голову к небу и грустно произнесла:

– Великие Боги, мангис лишила Избранного рассудка...

ПОСТ 14-й

Дорогой блог! Вот скажи, почему девушка главного героя всегда чертовски красивая, но непроходимая дура? Взять хотя бы подружку Человека-Паука. Про красоток из «Джеймса Бонда» вообще молчу. Дос Ай вовсе не дура, но элементарных вещей не понимает.

– Да нормально у меня все с головой! Вот представь, что бы ты сделала, будь у тебя несметные сокровища?

– Отнесла бы в храм, – не раздумывая, ответила скифийка.

– А себе?

– А что себе? Я и так не бедствую.

Заход получился не совсем верным: принцесса знать не знает, как это ужасно, когда у всего класса есть айфоны, а у тебя – только старая «Моторола». Попробую иначе:

– Представь, что у тебя появится возможность управлять миром. И все – ну абсолютно все – будут тебе поклоняться.

– А зачем? Мне кажется, это ужасно скучно.

Ну вот как ей объяснить, для чего мне нефтяные лужи? Ее Архидок, кстати, думает иначе: парень нацелен заграбастать скифские сокровища явно не из меценатских побуждений. Спасаясь от клещеногой страшили, я совершенно забыл о Царе Беркутов. Какая несправедливость: выжить в клешнях чудовища, чтобы потом жених Дос Ай преподнес ей в качестве свадебного подарка мой скальп, если я нарушу наш уговор.

– Что делать будем? – перевел я тему.

– Отдохнем, потом отправимся в храм.

Нет, ну надо же быть такой невозмутимой! И бровью ведь не повела – как будто не было того поцелуя...

– А этого куда? – кивнул я на барсика.

– Он хорошенький. Давай с собой возьмем.

Все девчонки одинаковы. Как увидят что-то мягкое и пушистое, сразу начинают умиляться. Легко сказать «возьмем»: юный барс прилично весит, а тащить его, разумеется, придется мне. Интересно, а приручали ли скифы барсов? Дос Ай совершенно не боится моего найденыша. Дикая пятнистый зверь есть на гербе моего родного города. Только ли потому, что вымирающий вид живет в Заилийском Алатау? Человек одомашнил первую кошку больше пяти с половиной тысяч лет тому назад, но что-то среди скифской общины я не увидел ни одного фелинолога-любителя. Помнится, я где-то читал, что в курганах близ Приднепровского Никополя были обнаружены кошачьи останки, но данный факт относится, скорее, к единичным. Как-то одна из маминих подруг хвасталась чрезвычайно редким котярой породы скиф-тай-дон. Хитрющая мордочка у миниатюрного победителя международных конкурсов была серебристо-белой с шоколадными подпалинами. Зверек мигом завоевал расположение всей женской аудитории и написал мне в кроссовок. Тоже мне, скиф! Виноватым в итоге все равно остался я: не надо было раставлять обувь где попало.

– Ну давай же! Смотри, какой миленький! – Дос Ай умоляюще глядела на меня.

Я вздохнул и, отплеываясь от шерсти, взвалил на шею животное, которое не преминуло пройтись когтями по моей спине.

– Это ала анг – пятнистый барс. Мы поклоняемся ему, – объяснила девушка. – Есть много древних легенд о сынах Барса. Как-нибудь расскажу.

– А собственно куда мы торопимся? Ты что-то говорила про «отдохнем».

– Уже светает. Нам надо в путь.

– Ну что тебе нейдет? Мангис ушла, а мы почти не спали.

И не ели с вечера (крыса не в счет). Желудок заурчал. Если Дос Ай смиловится и расскажет какую-нибудь небылицу про великих барсоликих воинов, я имею шанс что-нибудь сжевать и вздремнуть. Кстати, принято считать, что в нашем – казахском – эпосе нет сказок о гордой белоснежной кошке: создателям «Легенды о крылатом барсе» сюжет пришлось придумывать.

– Ладно, уговорил, – неохотно согласилась девушка.

Я с облегчением уселся на землю, положив раненого кошака на расстоянии вытянутой руки – он все-таки дикий. Все тело ломило: сказывались бессонная ночь и схватка с мангис. Каким-то чудом (если не считать пары конкретных царапин) руки-ноги у меня остались целы. Пользуясь методом Дос Ай, я с третьего раза добыл огонь и из сухой травы смастерил шалашик для костра. Тем временем моя спутница нашла съедобные корешки и набрала воды в реке.

Огонь занялся почти мгновенно: чуть обугленные корешки на вкус напоминали жареный сельдерей – редкую гадость, но, как говорит мама, обладающий уникальными целебными свойствами продукт. Особо выбирать не приходится. В бликах огня лицо девушки казалось еще красивее: может быть, набраться смелости и еще раз ее поцеловать? Такое ощущение, что она специально игнорирует произошедшее и всеми силами старается меня отвлечь.

– Дос...

– Чего?

– Я почти замужем.

– И?

– Тот поцелуй...

– Вот не надо все портить. Сейчас начнется: «Ах, я сделала это из жалости! Ох, мы были на волосок от смерти!». Я предпочитаю умереть с мыслью, что ты меня поцеловала, потому что искренне этого хотела.

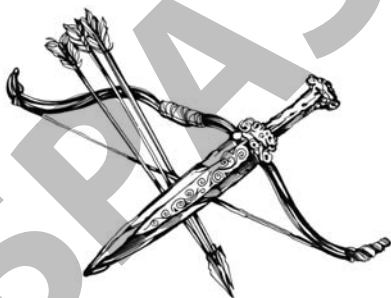
– Да собственно так и было, – (ликую!), – только...

– Только – что?

– Если об этом узнает Архидок, нам обоим несдобровать.

– И как ты думаешь, *кто* ему об этом расскажет?

Дос Ай улыбнулась. Свидетелей сцены – кроме слепой мангис – не было. По крайней мере, мне так казалось.

ПОСТ 15-й

– Далеко-далеко, – торжественно начала скифийка свой рассказ, – среди зеленых гор жил богатырь Алауганжух – сын кузнеца Дебета, предводителя Барсулов. Свое имя получил храбрый воин в честь тотема племени – пятнистого леопарда – стремительного, как ветер, и справедливого, как меч Богов. Снарядился гордый Алауганжух в путь на поиски жены. В разных странах бывал он, разных женщин повидал, но не пришлось ни одна ему по душе...

Легенда была не менее долгой, чем песнь о красоте Мангис. По ходу повествования разборчивый парень, так и не найдя суженую, натывается на великаншу-людоедку, латающую дыру в земле толстой веревкой, вставленной в бревно-иглу. Уставшая дамочка не прочь отведать чего-нибудь посытнее морковки. Алауганжух понимает, что его место – в казане, поэтому решает обмануть толстуху и женится на ее дочери (вполне, кстати, миловидной барышне). По дороге в родное Алауганжухово село теща ест все на своем пути, заставляя богатыря краснеть и извиняться перед всеми невинно покусанными. Кончается притча тем, что великанша непостижимым образом рождает еще несколько детей и желает опять слегка перекусить, но добрые волки спасают близнецов. Дальнейший рассказ был похож на симбиоз походов Ромула, Рема и Маугли.

– А в каких горах дело было? – поинтересовался я у рассказчицы.

– Без понятия. На краю земли.

Задавать вопрос «Где этот край?» мне показалось изначально неверным. О том, что планета круглая, Дос Ай не знает. Несмотря на то, что скифы – кочевой народ, география их передвижений ограничивалась «великим поясом

степей» от Карпат до Тихого океана. Если я смог правильно рассчитать эпоху, в которую занесла меня судьба – сейчас где-то V–VI век до нашей эры. Значит, если верить историческим справкам, «пояс» сформировался лет за пятьсот до рождения Дос Ай. Откуда девушка услышала легенду о сыне «народов барса» я не знал, но показавшееся смутно знакомым имя – Алауганжух – напомнило о моем однокласснике – Ганжухе, представителе какого-то кавказского народа. Получается, что все скифские племена (сарматы, саки и массагеты), переплетаясь между собой во время дальних странствий и бесконечных войн, нагло плагиатят друг у друга эпос.

– Знаешь, – отвлекла меня от раздумий девушка, – я всегда мечтала там побывать.

– Где? – не понял я.

– На краю вселенной, – пояснила Дос Ай и махнула рукой в сторону степи.

Почему-то мне ужасно не хотелось ее расстраивать и рассказывать об истинном положении вещей.

– Я знаю, что там растут прекрасные цветы, и человек становится бессмертным. Если павшего в бою воина отнести к краю вселенной, Боги встретят его, а Табити вернет ему жизнь.

– Табити? Так зовут эту девчонку из Иссыка.

– Табити – высшая богиня. У нее есть зеркало, в котором она видит судьбы всех людей мира.

– Здорово! Спецслужбы бы от такого информатора не отказались.

– Она вечно молода и прекрасна. Хотела бы я на нее быть похожа, – не обращая внимания на мою едкую реплику, продолжила жрица Золотого храма.

– Ты и так красавица!

– Честно? (Кажется, Дос Ай просто напрашивается на комплимент.)

– Конечно, честно!

– Ну что, двинемся дальше?

Ловко она перевела тему!

– Хорошо, давай.

Передых получился вполне сносным: солнце уже потеряло розовый окрас, а заснувшие между горных «складок» облака стали почти прозрачными. Я связал барсику лапы и снова взвалил на плечи.

Дос Ай шла налегке. В отличие от прошлых дней, она всю дорогу весело щебетала, рассказывая о неизвестных мне подругах и планах на будущее. Мне же говорить не хотелось: от тяжелой ноши ломило шею, а идти приходилось вверх под довольно крутым углом. К тому же, меня начало преследовать странное ощущение, что за нами следят. Дос Ай тоже несколько раз оборачивалась, прислушиваясь, но после продолжала путь.

ПОСТ 16-й

Дорогой дневник! Еще три дня назад я был нормальным эмобоем, носил с титаническим трудом добытый платок-«арафатку», смазывал челку и засыпал с плюшевым мишкой. Сегодня я радуюсь встреченному в горах рассвету, имею «в анамнезе» страстный поцелуй с невообразимо класной девчонкой и напрочь забыл о терроризирующих мой мир бесконечных вирусах. Кстати, за время моего присутствия в иссыкской деревне никто даже не чихнул. Вот она, благоприятная экологическая обстановка!

– Ты не мог бы быстрее шевелиться?

– Я и так уже на последнем издыхании. Забыла, что я еще волоку эту тушу?

– Ах, извините! Какие мы нежные. Как же вы носите добычу?

Пожалуй, промолчу. «Добычу» мы носим в фирменных пакетах из супермаркета. И ее вес крайне редко превышает пять кило.

– Вообще-то, нас люди ждут. Если не можешь нести котенка, я сама это сделаю.

– Вообще-то, – передразнил я Дос Ай, – мы идем в гору.

– Представь, что за тобой гонится отряд вооруженных до зубов разбойников. Что-то ты расслабился. (Этого еще не хватало: я помню, как мы удирали от мангис – до сих пор ноги отваливаются.)

– Не надо так шутить.

– А я и не шучу...

Так вот почему Дос Ай так часто прислушивалась. Чуткий слух принцессы степей давно уловил отголоски погоны. Если раньше вход в ущелье охраняло кровожадное чудовище, то теперь доступ к Золотому храму был открыт для

всех. Тут до меня дошло, что, прогнав мангис, мы здорово подставили жрецов.

– Чует мое сердце, по головке за изгнание «чудо-юды» нас с тобою не поглядят.

– Да я сама уже поняла. Мы своими собственными руками очистили Архидоку путь. Вот я дура...

– Ну не самый умный поступок.

– Нет бы – ободрить, – гневно зашипела скифийка. – Это, между прочим, твоя вина. Ты же от нее избавился.

– А по чьей милости?

Я разозлился и опустил барса на широкий камень. Зверь закрыл глаза и застонал.

– Прости, дружок, мне надо побеседовать с твоей хозяйкой.

Встрянуть бы ее как следует. Сама устроила мне «культурный отдых», а еще и стрелки переводит.

– Слушай, дорогая...

– Я тебе не дорогая.

– Наоборот?

– Да как ты смеешь так разговаривать с принцессой? – завизжала потерявшая терпение девчонка и набросилась на меня с кулаками.

– Тише, тише, – уклоняясь от тумачков, постарался я остудить ее пыл. (Зная боевой опыт амазонки, нисколько не сомневаюсь, что в разъяренном состоянии она мне все позвонки переломает.) – Я, между прочим, Избранный. Забыла?

Не успел я договорить, как в подтверждение моих слов Дос Ай скрутило резкой судорогой.

– П-п-простите, Великие Боги, – прошептала она сквозь зубы, морщась от боли.

– Дос Ай! – бросился я на помощь к падающей на землю девушке. Она не отвечала. На побледневших губах выступила пена, тело продолжала скручивать судорога.

– Люди, «скорая», помогите!!! Кто-нибудь! (О чем я говорю: откуда же здесь «скорая»?)

Руки трясутся. Мозг лихорадочно соображает.

– Милая, милая, милая, только не умирай, пожалуйста!

Она меня не слышит. Что же делать? Нащупываю рукой обломанную ветку, с силой разжимаю зубы принцессы и заталкиваю ее в рот, чтобы Дос Ай не задохнулась – видел эти манипуляции в каком-то фильме.

– Эй вы, Боги! Это не она. Это я виноват!

Неужели я действительно умоляю каких-то мифических существ о помощи, видя, что любимая мною девушка бьется в эпилептическом припадке?

Судорога отпустила, но Дос Ай не пришла в сознание: мне показалось, что на смену охватившей ее ужасной боли пришел глубокий сон. Ее дыхание было спокойным. Я посмотрел на рыхлые облака и закричал:

– Спасибо!

В тот же момент я почувствовал сильный удар по голове.

ПОСТ 17-й

Голоса доносились откуда-то сверху.

– Жить будет?

– А куда он денется... Сильный мальчик.

– Слава Богам! Крепко Вы его...

– Ничего, он быстро в себя придет. Ты сама как?

– Нормально вроде. Боги сильно на меня разгневались.

– А ты не болтай лишнего и учись держать свои эмоции при себе. Боги видят твою слабость.

– Это сложно.

– Высшие силы дают ровно столько испытаний, сколько наш дух способен вынести.

– Но почему-то они заранее об этом предупреждают.

– Их мало, а нас – толпы. На каждого не хватает времени.

Смотри, просыпается.

Как же гудит голова... Тысячи маленьких фейерверков взрываются в затылке. Перед глазами кружатся крохотные мушки, и невыносимо хочется пить.

– Вот и ладненько. С возвращением, сынок!

– М-м-м... (Слышу удаляющиеся шаги.)

– Дос, ты меня видишь? – это Дос Ай. Она проводит рукой перед моими глазами, разгоняя назойливых мушек.

– М-м-м. (Кивнуть не получается.)

– Сейчас станет легче.

– Пить. (Ну наконец-то удалось выдавить из себя слово.

Голос хрипит, во рту пересохло.)

– На, только мелкими глотками. Большие не делай, заболит сильнее.

– Угу.

– Поспи еще.

– Не, не хочу. Мы где? (Язык начинает слушаться.)

– У друзей, – девушка улыбнулась.

– Давно?

– Третий день уже.

Всплывает видение, после которого меня вырубило: скрюченная Дос Ай лежит посреди горных цветов, а вокруг – ни души.

– С тобой все в порядке? – спросил я скиффийку.

– Да. Боги покарали меня, но ты был рядом, и я осталась жива.

– Да при чем тут они? Это же эпилепсия! Лечиться надо – чем скорее, тем лучше.

– Энареи предсказывали, что у меня будет дар – слышать голоса Богов.

– И поэтому раз в три дня ты должна погибаться от приступов? Чушь! Кто такие эти энареи, чтобы лишать тебя медицинской помощи!

– Это жрецы-предсказатели. Богиня красоты Аргимпаса прокляла их за разграбление ее храма и наслала на разбойников «женскую болезнь». С тех пор каждый из них наделен даром предвидения, но не может становиться ни мужем, ни отцом. Энареи носят женское платье и гадают при помощи липовой мочалы.

– То есть, банальная мочалка не дает тебе возможности пролечиться? У вас вообще врачи – ну целители там всякие – есть?

– Конечно. У царя Прометея вообще в стране культ здоровья. Но и наши врачеватели не отстают. Совсем недавно слышала про новое снадобье для похудения. (Это же поразительно: с ее-то фигурой думать о диетах!)

– А вы часто болеете? – голова опять начала раскалываться, но я не обнаружил ни единой примочки у шишки.

– Да как сказать. Бывает иногда. Страдают, в основном, представители знатных семей: они постоянно в седле, ну и мучаются потом суставными болями и, м-м-м... евнухоидизмом, – смущаясь, добавила Дос Ай.

Н-да, незавидная перспектива... В наш автомобильный век от этой «радости» вроде никто не страдает, но... чем черт не шутит? Надо чаще ходить пешком.

– Ну а если зараза какая-нибудь прицепится?

– Тогда целители проведут кровопускание. Отоспишься и будешь свеж, как распускающийся бутон.

– У меня башка болит, – решил я напомнить о своей шишке.

– О! Сейчас Мастер даст тебе териаку – моментом снимет. Это лекарство от всех болезней – от поноса до гангрены.

– Круто. Подожди, как – Мастер? (Помнится, до храма было больше полудня бодрой пешей прогулки.)

– Ой, да ты же ничего не знаешь! – Дос Ай быстро-быстро заморгала и начала описывать события, произошедшие с нами после той ссоры в горах.

В этот раз Боги с особой жестокостью наказали скифскую принцессу за излишнюю эмоциональность: она умудрилась устроить скандал именно в тот момент, когда по пятам за ней следовали доносчики Царя Беркутов, которые должны были узнать дорогу к Золотому храму. Соглядатаи радостно тирали руки, наблюдая наш поцелуй (о чем один из них явно не преминул доложить своему хозяину) и видя бегство мангис. Теперь их задача еще больше упрощалась. Как раз в это время у Дос Ай случился приступ, из-за которого я потерял бдительность. К счастью, люди Мастера, также наблюдавшие за нашим путешествием, быстро заметили слезку и, увидев момент, выключили меня,

чтобы запутать следы. Проще говоря, никто из жрецов не хотел, чтобы посторонние – в числе которых находился и я – знали заветный путь. Жрицам знакомы тайные лазы в скалах, поэтому для них не составило ни малейшего труда оторваться от погони – даже несмотря на то, что им пришлось нести меня, принцессу и больного барса. Оказавшись в стоящей рядом с храмом хижине Мастера, Дос Ай довольно быстро пришла в себя, а я почти три дня находился в глубоком обмороке.

– Чем же они меня так?

– Камнем, наверное. Шишка приличная, – пробормотала скифийка, нежно ощупывая мой затылок.

– А если бы вообще пришибли? (Лишились бы своего Избранного!)

– Исключено. Жрицы владеют специальной техникой удара: покалечат, но не убьют.

– «Покалечат», знаешь ли, тоже не очень хорошо – у меня еще три класса школы впереди. (Если выживу, конечно.)

– Встать сможешь?

– Наверное... Ой, нет, – я сморщился (если честно – блефовал), а Дос Ай тут же стала помогать мне подняться.

– Я позову Мастера, – сказала она, усадив меня на жесткую, пахнущую сеном подушку и исчезла за тканевой дверью. Я огляделся по сторонам. Хижина Мастера не была похожа ни на шалаши пещтесов, ни на воздушный шатер Архидока. Это было большое здание правильной круглой формы, стоящее на каменном фундаменте, от которого вверх поднимались высокие (больше трех метров) стены из замазанного глиной дерева. Венчала строение служащая крышей тростниковая «шапка». Если виденные мною шалаши в Иссыке были обставлены и украшены более чем скромно, то данное здание можно было считать коттеджем

с авторским дизайном. На стенах – эффектная многоцветная роспись сцен сражений с применением разных видов оружия и совершенно бытовых картинок из жизни: вот человек удаляет другому зуб; тут, очевидно, свадьба, а это – похороны. Панорама представляла собой череду стилистически верно подобранных и довольно сложных рисунков, и напомнила мне... учебный класс. Да-да, похожим образом расположены плакаты в кабинете ОБЖ. Голова еще гудела, а при резких движениях – неприятно мутило, поэтому встать с лежака и рассмотреть «живопись» поближе мне не удалось.

Рядом с топчаном, на котором сидел я, расположилась пустая и по виду давно не используемая глиняная печь, к стене прислонился явно принесенный извне каменный идол, но больше всего удивило меня то, что напротив входной двери находилось еще одно отверстие, ведущее в какое-то светлое помещение. Оттуда-то и показался высокий (почти с меня) сухощавый человек, закутанный в светлый плащ-мантию. Нижнюю часть его лица закрывала полоска полупрозрачной ткани: черты вошедшего были плохо различимы. Но яркие синие глаза задорно блестели. Вслед за ним вошла Дос Ай.

– Здравствуйте, – я начал разговор первым, чтобы не показаться невежливым.

Человек промолчал, но поднял руку по направлению к солнцу. Жест напомнил мне пионерское приветствие. Я сделал то же самое. Во второй руке жреца находился крохотный глиняный сосуд с какой-то жидкостью, которую он протянул мне.

– Выпей. (Опять транслит.)

Я не стал сопротивляться и отхлебнул горьковатой жидкости.

– Спасибо.

Дос Ай подошла ко мне, присела на край лежака и сказала:

– Попробуй встать. Только не делай резких движений.

Сил явно прибавилось: меня уже не штормило, а ноющую боль в голове заменило приятное ощущение бодрости. Почти не опираясь на лежак, я поднялся. Тем временем жрец снял закрывающее лицо полотно и мантию. Я чуть не охнул: передо мной стояла прелестная женщина немногим старше Дос Ай.

– Может быть, – обратился я к скифской принцессе, – ты представишь меня своей подруге?

Девушка как-то недобро посмотрела на меня и промолчала.

– Я – Родогунда, – сказала синеглазая красавица, – жрецы называют меня *Мастером*.

ПОСТ 18-й

Дорогой блог! Слыша ранее слово «Мастер», я представлял седовласого старца – активного пенсионера из китайских боевиков или, на худой конец, магистра Йоду из «Звездных войн». Девушка с внешностью супермодели как-то совсем не вписывалась в этот образ. Видя мое замешательство, Дос Ай шепнула мне на ухо:

– Родогунда знает секрет вечной молодости.

– ... и должна научить тебя обращаться с оружием, – закончила «Мастерица».

Я сразу приуныл. Ну чему она может меня научить: виртуозно вышивать крестиком? На руках не видно характерных мозолей от многолетних тренировок, да и вообще – молодая женщина больше похожа на инструктора по йоге из модного фитнес-центра, чем на обладающего Великими знаниями Мастера. Я вспомнил о договоре с Царем Беркутов: чему бы меня сейчас ни учили, знания не пригодятся. Только от этой мысли мне становится все противней на душе.

– Занятия – через час. Дос Ай, покажи Избранному наше скромное хозяйство, – резюмировала Родогунда и удалилась.

Высказанные мною опасения Дос Ай приняла в штыки:

– А ты считаешь, что победу в бою может одержать только мужчина? Нелепое заблуждение! Она – амазонка. Слышал, надеюсь, о таких?

– Натуральная? Вот это да! – конечно, я слышал о прекрасных воительницах-мужененавистницах: мифы Древней Греции я прочитал еще классе в шестом.

– Ей толпу здоровенных мужиков на фарш порубить – что глаза накрашивать.

– Родогунда не похожа на местных жителей, – синеглазка светлее и выше виденных мною здесь женщин.

– Верно. Она пришла.

– А как сюда попала?

– О, это долгая история.

– Ну не томи уже. Рассказывай. А здесь кормят чем-нибудь?

Если я правильно понял, прошла уже неделя с того момента, как я отправился на злосчастную экскурсию.

– Разумеется, только умойся сначала, – Дос Ай хлопнула в ладоши, и через пару секунд в комнату вошли несколько девушек в светлых костюмах-туниках.

Я обратил внимание, что сам одет в аналогичный костюм – только украшенный вышивкой. Каждая рабыня держала резной золотой щит-поднос, на котором разместились также золотые миски: в них оказалась вода для умывания, какие-то благовония и масла. Меня усадили на прохладный каменный топчан: пока одна из девушек втирала ароматную кремообразную субстанцию мне в плечи, другая с помощью острого смазанного салом металлического гребня колдовала над давно не видевшей расчески челкой. Закончив свою работу, девушки поклонились и вышли.

– Так как насчет Родогунды и поесть?

– Пойдем.

Дос Ай взяла меня за руку и повела за собой через ту самую дверь, откуда ранее появился (или, правильнее – появилась) Мастер. Мы попали в просторный светлый холл, из которого вели несколько узких коридоров.

– Там спальни учеников, – указала девушка на один из них. – Хижина стоит на поверхности земли, а все подсобные помещения – в пещерах. Туда ведут ходы из овального зала (так, видимо, называется холл).

Мы спустились по крупным, вытесанным из камня ступеням и очутились в небольшой комнатке с разбросанными подушками и низким резным каменным топчаном посередине.

– Это столовая. Сейчас принесут еду, – Дос Ай жестом пригласила меня сесть и сама устроилась среди подушек.

Я внимательно посмотрел на нее: мне показалось, что скиффийка стала испытывать некоторую неловкость, находясь в моем обществе. Так всегда бывает, когда проводишь с кем-то один на один несколько мгновений, и этот человек неожиданно становится самым родным на всей земле. А потом приходится возвращаться к обычной жизни: а ему – тому новому знакомому – не остается в ней места. Вот и Дос Ай всеми силами старается забыть события последних дней. Несколько минут мы провели в молчании. Вдруг послышались шаги: кто-то спускался по лестнице. Через мгновение перед нами предстала еще одна рабыня в такой же светлой тунике, как и у ее предшественниц. Волосы девушки стягивала косынка – совсем как у поварих в школьной столовой. Рабыня поклонилась и стала накрывать на стол.

– Спасибо, – поблагодарил я ее, когда рабыня поставила передо мной тарелку с густым ароматным варевом.

Девушка смутилась, еще раз поклонилась и исчезла в дверном проеме. Дос Ай налила мне густого красно-коричневого напитка из глиняного кувшина и принялась за еду. Я сделал глоток и чуть не поперхнулся – это было вино, только в отличие от того сладкого пьянящего напитка, которое я попробовал в горах, данная бормотуха была невероятно терпкой.

– Ну и гадость!

Дос Ай засмеялась:

– Продирает? Греки нас за то и прозвали варварами, что мы пьем неразбавленное вино.

Я отставил чашку в сторону и пододвинул к себе тарелку с похлебкой из мяса, каких-то злаков и тягучего сыра.

– Вкусно!

– Это рецепт Родогунды. Здесь так не делают. Быстро восстанавливает силы.

– Так откуда взялась училка?

Дос Ай отхлебнула еще кислого вина и начала рассказ:

– Родогунда родилась больше ста лет назад в семье стареющего царя Осколота...

С первых дней девочку приучали к тому, что доля женщины – пусть даже и царского рода – быть смиренной и верной женой. Однако маленькой своенравной принцессе вовсе не хотелось класть жизнь на алтарь любви к навязанному предками супругу. Против воли отца Родогунда пойти не смогла, и в пятнадцать лет стала женой красивого, но совершенно бестолкового соседского царька, который был не только бесплоден, но и абсолютно равнодушен к ее женским прелестям. Зато любил новоиспеченный муж охоту и войну, куда и отправился, оставив молодую супругу на попечение родственников. Судьба не была благосклонна к царю-повесе, и через несколько месяцев нескончаемой войны Родогунда узнала о гибели благоверного. Пострадав для вида пару дней, она решила было отправиться на родину, однако ее поджидал неприятный сюрприз. Старейшины справедливо решили, что жена должна быть при муже, и приготовились закопать царицу вместе с ним – наряду с его конями, рабами, оружием, посудой и прочими, столь необходимыми в загробной жизни причиндалами. Любимая служанка Родогунды подслушала разговор старейшин и сообщила царице. Та, недолго думая, поменялась с рабыней одеждой, вскочила на ближайшую лошадь и унеслась под покровом ночи куда глаза глядят. На следующий день ее, конечно, хватились, но

было поздно – царица испарилась. Чтобы не вызывать лишней шумихи, старейшины приказали убить одну из рабынь, надели на нее царское платье и приготовили к захоронению вместо проклятой Родогунды. Саму же сбежавшую царицу начала мучить совесть – ночью приснился почивший супруг и наобещал кару Богов, поэтому она пешком вернулась в селенье и решила побывать на похоронах. Могилу царьку вырыли знатную – больше двухсот квадратов. Пока рабы трудились над сооружением последнего пристанища для своего хозяина, его самого бальзамировали с помощью ароматических трав и натирали воском. На пробитую стрелой голову надели массивный шлем с золотыми бляшками, а на шею убитого – золотой обруч. Боги загробного мира должны видеть, что к ним прибыл царь, а не простой смертный! После, вместе с положенным на траурную колесницу покойником процессия отправилась из дворца к месту погребения – через все подвластные правителю племени. Знать и члены семьи сопровождали своего повелителя до самой могилы, а простой люд в знак скорби протыкал левую руку стрелами, царапал лицо и отрезал часть уха. Нельзя сказать, что царек снискал себе большую славу и траур по нему был искренним, однако никто не посмел ослушаться. В громадную четырехугольную яму, состоящую из нескольких комнат-камер, за господином последовали конюх с десятком лучших скакунов, виночерпий, оруженосец и псевдоцарица.

– А Родогунда отделалась легким испугом. Молодец тетка, – с иронией заметил я. – Что-то ни слова об амазонках пока не было.

До чего же скифские девы любят длинные истории ни о чем! Только сейчас я понял, что при отсутствии любовных романов и телевизора вот эти самые легенды, которые передаются из уст в уста (и каждый последующий вариант

длиннее и красочнее предыдущего) – ничто иное, как банальные мыльные оперы. Только в «ролях» – не доны Педро с Анжеликами, а вполне реальные люди.

– Не хочешь слушать – не надо. Я не навязывалась, – сухо сказала Дос Ай.

– Нет, продолжай, пожалуйста. Похождения училки – очень интригующий рассказ.

Дос Ай нахмурилась и обиженно поджала губы:

– Это же печальная история.

– Ну я, э-э-э, в общем, буду очень серьезен.

Скифийка не удостоила меня ответом и продолжила грустное повествование о житии прекрасной Родогунды:

– Разместив царька и его свиту в последнем доме, старейшина отдал рабам приказ засыпать могилу...

Насыпь должна быть высокой, чтобы царские покои отличались от могил военачальников и, тем более, народа попроще. Не дожидаясь завершения церемонии, девушка отправилась в отчий дом. Однако, увидев непокорную дочь (обманувшую Богов смерти и предавшую мужа), царь-отец выгнал ее взышей, боясь позора и болезней, которые начнут преследовать каждого, кто находится рядом с отверженной. Родогунде ничего не оставалось делать, кроме как пойти скитаться по свету: ее мужества и жажды жизни хватило надолго – но когда перед ней разлилась широкая река, отчаявшаяся девушка решила свести счеты с жизнью. Вот тут-то Боги смилостивились и, когда несчастная, взяв тяжелый камень, стала спускаться в воду, к ней навстречу выплыла стройная мускулистая женщина, оказавшаяся предводительницей амазонок. Пожалев до смерти перепуганную Родогунду, амазонка привела ее к себе, обучила пользоваться луком, дротиками и мечом. Вскоре экс-царица лихо управлялась с оружием и стала грозой зазевавшихся мужчин.

Привыкшие к полной самостоятельности барышни жили по иным законам, к тесному общению с противоположным полом прибегали исключительно в целях продолжения рода (причем «неудачу» – мальчиков – сплавливали обратно нерадивым отцам). Талантливая Родогунда научилась не только военному делу, но и открыла в себе дар целительницы: Боги вручили ей рецепт териак, продлевающей молодость и спасающей от самых страшных болезней. Вот только сердце все еще молодой, но мудрой красавицы рвалось в родные степи. Тем временем ее отец скончался, а власть перешла к одному из его сыновей, который еще в детстве терпеть не мог сестру. Поняв, что дома ее никто не ждет, Родогунда собрала в кучу нехитрые пожитки, попрощалась с амазонками и решила посвятить себя службе Богам, обучая будущих жрецов Золотого храма...

Скажу честно, конец рассказа я не запомнил, так как задремал: полученный мною «сотряс» вкупе с кислым вином сделали свое дело.

ПОСТ 19-й

Какая-то эта Родогунда получилась слишком сладко-приторная. Однако Дос Ай почитает ее за святую и готова сражаться до иступления за честное имя учительницы. Отведенный на знакомство с «оздоровительным лагерем» час вышел, и меня ждал первый урок. Волнения я не чувствовал, так как восемь лет в общеобразовательной алматинской школе закалили мои нервы, поэтому на занятия я шел с гордо опущенной головой и неподдельным интересом в глазах. Дос Ай проводила меня до похожей на класс ОБЖ комнаты и отправилась в храм – заниматься какими-то ну совершенно необходимыми в данный момент делами. Всё ничего, только, задремав под рассказанную принцессой легенду, я опоздал минут на десять. Войдя в «класс», я заметил пустое место у самой стены: комната была заполнена разновозрастными ребятами, одетыми в такие же светлые расшитые балахоны, как и у меня. Младшим, как мне показалось, было около шести лет, старшим – не более десяти. Почувствовав себя хулиганом-второгодником, я попросил разрешения войти и, протискиваясь между сидящими прямо на полу детьми, устремился к стенке.

– Это наш Избранный, – приветливо сказала Родогунда, обращаясь к аудитории.

Кровь прилила к щекам, и я, неловко оступившись, брякнулся на одну из девочек. Класс заржал. Тут я заметил иссыкскую знакомую – Табити, сидящую среди других. Она мне подмигнула и подвинулась, чтобы я смог сесть рядом.

– Сегодня только теория, – прошептала она. – Проходим виды оружия. Практическое занятие – вечером.

– Привет! А где твои братья?

– Они уже в старшем классе.

– А чего меня сюда посадили? – удивился я.

– Ну ты, как бы правильнее сказать... Как слепой мышонок.

Все ясно. Меня скифы за человека не считают.

– Я, между прочим, мангис прогнал, – попытался я защититься.

– Ну и дурак. Нечем хвастаться.

Родогунда подошла к Табити и пребольно ударила ее по руке розгой.

– Не болтать!

– Но она не виновата! – воскликнул я. – Это я спросил.

Мастер тут же стала слаще пастилы:

– Ты – Избранный, а она, – Родогунда зло посмотрела на Табити, – может вылететь из школы, если будет так относиться к занятиям. Ради Гойтосира, девочка, займись делом!

Табити поклонилась и уткнулась глазами в пол. Я заметил, как по ее щеке струятся слезы. Чтобы не раздражать училку, которая (несмотря на эффектный look up) нравилась мне все меньше, я решил больше не отвлекать маленькую скифийку. Хотя кто такой не известный мне Гойтосир, я так и не понял. Урок и вправду был познавательным: перед каждым из подростков лежал вполне реальный, ужасно острый и абсолютно неприменимый в жизни XXI века предмет. Родогунда взяла один из коротких, похожих на саблю клинков, подняла его вверх, взмахнула и... в ее руке осталась прядь волос одного из сидящих впереди ребят. Мне стало не по себе.

– Это, – с улыбкой произнесла Мастер, – божественный меч Акинак. Он способен совершать рубящие, колющие и секущие удары.

Дети подняли лежащие перед ними клинки и отрезывали ткани. Одного взмаха было достаточно, чтобы перерубить

невесомую ткань одновременно в двух местах. Я осторожно прикоснулся к острой глади меча. Н-да... врагам скифов не позавидуешь... Пока я раздумывал, стоит ли проводить с «наглядным пособием» опыт, Родогунда с легкостью вставила акинак в отверстие на элегантном кожаном поясе, обхватывающем ее стройную талию, и перешла к следующему предмету:

– Продолжаем. Это, – Мастер подняла необычной формы лук, – знакомый каждому из вас предмет.

Класс одобрительно закивал: почти у каждого сидящего в комнате ребенка находился точно такой же вложенный в широкий кожаный футляр лук за спиной. Мой сосед по «парте» достал свой: длиной не больше восьмидесяти сантиметров, аккуратно связанный из слоистой деревянной дуги и сегментов из кости и рога, обернутых для прочности кожей, лук представлял собой довольно сложную конструкцию.

– Средняя длина полета стрелы, – диктовала Родогунда, – две тысячи семьсот пальцев.

Насколько я помню из учебника по истории, античная мера длины – палец, или дактиль, составляет по разным источникам от 18,37 до 21,77 мм – или где-то так. Получается, что своим изобретением скифы превзошли другие народы: стрела пролетит около полукилометра. Здорово! Я взглянул на Табити: девочка отстраненно разглядывала рисунки на своем футляре от лука.

– Эй, – тихо прошептал я, – а кто такие Гойтосир с Акинаком?

– Бог-лучник и Бог войны, – также тихо ответила мне скифийка.

Урок был длинным: по моим ощущениям он длился около двух часов: каждый из учеников поднимался, чтобы

продемонстрировать свое умение натягивать тетиву, потом каждый же произносил воззвание к Гойтосиру. Меня даже не вызвали. В конце концов Родогунда опять выдала «пионерский» жест, означавший, что урок окончен и она прощается.

Честно говоря, я решил больше не ходить на занятия. Почему? Ну на самом деле: мы договаривались о том, что Мастер научит меня всяким премудростям, которые гипотетически помогут победить Царя Беркутов, а в результате я должен торчать в детсадовской группе и заучивать глупые молитвы. И ведь они же совершенно нигде не применимы: скифы храмов не строят (этот Золотой – какое-то вопиющее исключение, а алтарь из хвороста, судя по словам Родогунды, придумали только для меча-Акинака), а ходить и бубнить себе под нос занудный речитатив – не в моем стиле. Получилось отличное оправдание... Короче, не хочу – и точка. А еще – потому что, зная исход боя (точнее, его отсутствия), не вижу в посещении школы смысла. Или потому что меня замучила совесть.

– Это что, все? – обратился я к Табити.

– Не-а, перемена, – сонно сказала девочка и продолжила дальше разглядывать рисунки на футляре: он был расписан портретами гламурного Архидока.

Я представил себя в доспехах, вооруженным скифским луком и акинаком... С косой челкой на пол-лица. Картина получалась не ахти... Остричь ее, что ли?

ПОСТ 20-й

Выйдя из шалаша, я решил найти Дос Ай и объявить о своем решении: даже если она будет настаивать, в «школу» я не вернусь.

– Эй, мужики, – обратился я к парочке совершенно не по-детски развлекающихся с акинаками дошколят, – где тут храм?

Один из детей поднял голову вверх, я последовал его примеру и увидел... Нет, словами это чудо не описать. Миллиарды солнечных зайчиков закружились в диком хороводе: на мгновение я ослеп от необычайно яркого света, но потом, прищурившись, стал различать контуры исполинского строения – как мне показалось, из чистого золота. Опорными точками храм покоился на двух соседних горных грядках, а большая его часть «висела» в воздухе. К каждой из четырех опор вела выбитая в скалах напоминающая дохлую змею лестница. Само здание не было похоже ни на один ранее виденный мною древний архитектурный шедевр. Во-первых, по форме строение имело вид протыкающей небо узкой ракеты, а во-вторых, эта «ракета» была с пола до потолка выложена крупными золотыми слитками с выдавленными на них рисунками и непонятными знаками. По периметру здания стояли менгиры – похожие на пузатых баб каменные идолы. Напротив каждого менгира – огромный золотой диск с изображением мифического существа. Ни окон, ни бойниц в храме я не заметил. Трудно поверить, что эта громадина – дело рук человеческих. Чтобы возвести храм, не имеющим современной строительной техники скифам наверняка понадобилось не одно столетие.

Поднявшись по змее-лестнице, я оказался напротив огромной кованой двери, на которой была изображена борьба великана со змееногими существами. Я толкнул дверь – она не поддавалась. Потянул на себя – тот же эффект.

– Эй, ты что здесь делаешь? – (снова транслит), – соискателям здесь не место.

Оборачиваюсь и вижу невысокого дядьку в балахоне.

– Здравствуйте. Ищу Дос Ай.

– Жрица занята.

– Ой, а Вы не могли бы ей передать, что Избранный пришел? Я бы послал ей sms-ку, но тут, боюсь, не ловит, – прикололся я над дядькой. Тот хитро прищурился и пригласил пройти за ним.

Золотые двери-врата открылись с ужасным скрипом, после того как хранитель нажал какую-то потайную кнопку. Мы оказались в темном коридоре, из которого вела лестница наверх. Мужичок прошел вглубь коридора, и перед нами распахнулась еще одна дверь. Помещение, в которое мы попали, представляло собой круглый лабиринт, похожий на фирменные стенды в выставочном центре. На высоких перегородках лабиринта все те же клиноподобные знаки и бесконечные рисунки. Здание было полым – от основания до верхней точки, зато вдоль стен на разных уровнях спирально расходились балконы, над которыми висела цепочка горящих факелов. Дядька посоветовал мне оставаться на месте и нырнул в лабиринт, из которого вскоре появилась скиффийка.

Дос Ай была великолепа: длинные волосы уложены в перехваченную крест-накрест лентой косу; стройную талию обхватывает пояс из золотых пластин, превращающий белоснежную короткую тунику в очень соблазнительный наряд. Из античного «коктейля» выбивается только две де-

тали – красные кожаные полусапожки, никак не сочетающиеся с образом жрицы, и сильно потертый боевой лук в чехле за спиной девушки.

– Униформа – мега! Отлично выглядишь.

– Чего тебе? (Опять разозлилась.)

– Ну я так – навестить зашел.

– Тебе сюда нельзя. Я вообще-то при исполнении обязанностей.

– В курсе. Только к первоклашкам твоим я не вернусь, уж извини.

Дос Ай растерялась:

– То есть как?

Я объяснил с трудом выдуманную причину.

– Давай-ка выйдем отсюда, – сказала девушка и вытолкнула меня обратно в коридор.

Меня разбирало любопытство – где же в этой абсолютно пустой «ракете» они хранят те самые пресловутые сокровища, которые я должен спасать? Когда мы оказались на улице, Дос Ай разразилась гневной тирадой:

– Твоя единственная задача – с честью выступить против Архидока, неужели непонятно? Люди в лепешку расшибаются, чтобы ты выжил в этой схватке. Создают все условия: мастер-классы, диетическое питание, психологический настрой на победу. А ты – «не хочу». Лень-матушка раньше тебя родилась! Ну что я скажу людям, которых ты подводишь? Ты же их единственная надежда!

– Не слишком ли много «ты»? Вот, честное слово, не могу понять твою персональную выгоду в моей победе. Ты же за этого парня замуж собираешься... А если я его убью?

Я должен ей сказать правду и признаться в банальной трусости. Только не сейчас. Чуть позже. Что же я творю... Скифы будут смотреть на меня, как на предателя.

– Вот когда будет «если», тогда и поговорим, – отрезала Дос Ай, давая понять, что разговор окончен.

– Какие мы гордые! Уже и не помнишь небось, что со мной целовалась?

– Минутная слабость. Подумаешь! – принцесса развернулась и с высокоподнятой головой прошептала обратно к золотым вратам храма.

В этот момент я услышал слабый свист, и в миллиметре от моей многострадальной головы пронеслась острая стрела, вонзившаяся в расщелину между камней на лестнице. Жесть...

ПОСТ 21-й

Дос Ай обернулась и побледнела. Выхватив лук, она прыгнула в мою сторону и загородила от неведомого врага.

– Стой смирно, – процедила девушка сквозь зубы.

– Стою.

А что мне еще остается делать? Кому-то моя персона пришлась не по душе. На лбу выступил холодный пот: не будь осечки, минуту назад к ногам гордячки упал бы мой еще теплый труп. Выждав немного, Дос Ай ослабила оборонительную позицию и выдернула вражескую стрелу. Внимательно осмотрев острие, она пробормотала:

– Дела у нас с тобой плохи. Это стрелы Архидока. Кто-то из его союзников пробрался к храму.

– Косой у него союзник, – попытался пошутить я, хотя меня трясло от ужаса.

– Стрелял меткий воин. Хотел бы попасть, мы бы с тобой уже не разговаривали... Думаю, это предупреждение.

– О чем? – я немного успокоился.

– Пока не знаю. Пойдем. Здесь небезопасно.

– Подожди! – я заметил свернутый кусочек темной кожи, лежавший на ступеньке ниже. – Что это?

Дос Ай подняла кулек и развернула. На проткнутой в двух местах матовой поверхности было нарисовано три ряда перекрещенных линий, отдаленно напоминающих иероглифы или руны.

– Какая-то записка, – задумчиво сказала девушка, – только смысл ее я не могу понять.

– А что там?

– «Растем еси герб».

Совершенно не связанные между собой слова.

– И все?

– Да. Надо уходить.

Принцесса скомкала клочок кожи и спрятала его за пазуху. Со странным посланием мы решили разобраться после возвращения в храм.

Дос Ай тоже знала код от двери, поэтому в здание на сей раз я проник беспрепятственно. Однако из ведущего в центральный зал коридора мы свернули к той лестнице, которую я заметил во время первого посещения обители Богов. Ступеньки поднимались под крутым уклоном, но по довольно большому радиусу спирали. По бокам от узкого прохода виднелись закрытые двери и, что было для меня сюрпризом, небольшие окна на улицу. Однако они были не прозрачными, а чуть затемненными похожей на автомобильную пленкой.

– Это слюда, – объяснила идущая впереди меня Дос Ай. – Извне кажется, что храм сделан из золотых кирпичей без единого окна. Это такая маленькая хитрость, чтобы сбить нападающих с толку. Между тем мы можем наблюдать за движениями каждого, кто приближается к храму.

– Мудрый ход, – да уж, безопасность здесь на высоте. Однако что-то мне подсказывает, что стрелявший в меня знает об этой особенности здания. – Кстати, а кирпичи действительно из золота?

Скифийка хмыкнула:

– Нет, конечно. Такого количества золота не найдешь во всем мире. Какие-то кирпичи – до блеска отполированный камень, какие-то – обработанный металл. В пасмурные дни храм кажется серым. В ясные – голубым. Но уж если Гойтосир заглядывает к нам, храм сверкает золотым блеском.

– Подожди, Табити говорила, что Гойтосир – это Боглучник.

– Ну да, все верно. Он спускается на солнечной колеснице с неба и направляет свои стрелы на каждого, кто творит несправедливость в мире.

Меня осенила догадка: скифские божества очень похожи на греческих. Разве что имена другие. Судя по описанию, неведомый Гойтосир – это красавец Аполлон. Тогда воинственный Акинак – никто иной, как Арес. Наславшая «женскую болезнь» на энареев Аргимпаса – богиня любви Афродита, а Табити... Табити – это, видимо, хранительница домашнего очага Гестия. М-м-м... Гестия... Гестия... У римлян она – Веста. Соответственно, ее жрицы – весталки. Из чего можно сделать вывод, что Дос Ай... Подождите! Весталки, конечно, пользовались особым почетом и уважением, но не имели права выходить замуж и рожать детей. Провинившуюся жрицу заживо закапывали в землю. Куда же тогда собралась Дос Ай?

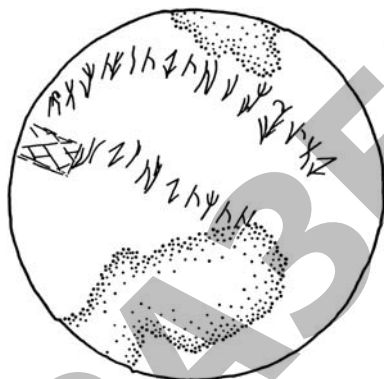
Мы поднялись уже довольно высоко: судя по количеству пройденных ступенек и тому, что у меня начало сильнее биться сердце, уровень, на котором находились мы, соответствовал стандартному девятиэтажному дому. Тут Дос Ай остановилась и толкнула внутреннюю дверцу. За ней оказалась небольшая комната: с одной стороны стоял длинный лежак с насыпанными на нем горой подушками, с другой – прямо на пол была свалена одежда.

– Тут я живу. Заходи.

– Уютная келья. (Ну ничего так отельчик.)

Скифийка улыбнулась, села на лежак, достала записку и протянула мне. Руны были выведены аккуратно – видимо, писавший никуда не торопился. Где-то я уже видел подобный рисунок... Да это же классический пример «иссыкского письма»! Такими же знаками была расписана найденная

археологами в курганах серебряная чаша – Мармиша показывала нам ее копию во время одной из экскурсий:

– Ты что-нибудь понимаешь? – спросила девушка, еще раз прочитав послание вслух.

Я покачал головой:

– Слова по отдельности знаю, а целиком – нет.

Может быть, это какая-то головоломка? Я начал вспоминать все знакомые мне по прочитанным детективам шифры, так и эдак анализируя написанное:

РАСТЕМ ЕСИ ГЕРБ

Сначала я подумал, что буквы соответствуют цифрам и перед нами – некая последовательность. Но принцесса опровергла мои предположения: скифам незнакомы числа.

Внезапно меня осенила мысль: я попробовал прочитать слова наоборот – как в симметричных анаграммах из серии «А роза упала на лапу Азора». Получилось

БРЕГ ИСЕ МЕТСАР

А что если поменять буквы местами? Я высказал свои соображения Дос Ай.

– Давай попробуем.

– Смотри, *еси герб* – это не два слова, а одно. Получается *берегис*. То есть «берегись».

– А растем?

– Растем... Растем... Вот! *Мастер!* Получается

БЕРЕГИСЬ МАСТЕР

Я был очень горд собой.

– Ну ты даешь! Получается, что Родогунде грозит опасность! Надо ее предупредить! – воскликнула принцесса.

– Прямо сейчас? – я приуныл.

– Нет, когда спустимся вниз. Иди сюда, покажу кое-что, – Дос Ай нажала в стене какую-то кнопку, и та с грохотом поднялась: за стеной оказался тот самый балкон, который я заметил снизу. Вообще инженеры у них грамотные. Или все-таки при постройке махины скифы прибегали к посторонней помощи? Если так, то чьей?

Я вышел за девушкой на балкон и чуть не ахнул: передо мной был огромный атриум, внизу которого расположился золотой лабиринт. Абсолютно пустой. Снизу оценить масштабы лабиринта я не мог. Зато отсюда каждую деталь

можно было разглядеть во всех подробностях. По форме рисунок перегородок напоминал неправильный круг или... полушария человеческого мозга – с извилинами и бороздками. Первый виток после входа загибается налево, а дорожка извивается, словно пригревшаяся на солнышке змейка. Ширина перегородок-стенок приблизительно равна ширине бороздок: пока не обойдешь их все, до центра не добраться. Но и потеряться, гуляя по «мозгу», невозможно: рано или поздно дорожка приведет тебя в центральную точку на перекрестии двух стенок. Я присвистнул:

– Это тоже только имитация золота?

– Нет, лабиринт настоящий.

– А где сокровища? В подвале?

– Они здесь. Просто их не видно.

– Почему?

– Еще одна уловка хранителей: незваному гостю сокровища просто так не откроются.

– А ты их видишь?

– Я – да.

– Круто тут все устроено! А храм старый?

– Ему больше тысячи лет. Однажды Великие Боги вспомнили, что на скифской земле у них нет ни одного дома, поэтому послали Гойтосира сообщить людям, что должен быть воздвигнут храм, куда каждый представитель народа сможет прийти и обратиться к помощи Богов. Но кочевникам не было надобности строить здание из камня и песка – никто из них не оставался долго на одном месте. Тогда высшие силы разгневались и наслали на людей невыносимые несчастья – сначала потоп, затем засуху, болезни и голод. Многие умерли, но оставшиеся смирились с волею Богов и, взяв своих рабов, отправились на гигантскую стройку, – объяснила девушка.

Чувствую, без инопланетного вмешательства здесь не обошлось. Даже если в процессе возведения храма участвовали миллионы людей (необразованных и не знающих основ инженерного дела), они не смогли бы самостоятельно создать «ракету». Об этом я и сообщил Дос Ай.

– А я и не утверждала, что они все сами сделали. Боги спустились к людям и помогли. Об этом свидетельствуют рисунки на стенах храма.

– Подожди, ты же говорила, что каждый житель степей может сюда прийти, а у вас тут мышшь не проскочит.

– Раньше так и было: люди приходили в храм и жертвовали Богам пищу, вино и золото. Много золота. Представляешь, сколько его скопилось за тысячу лет? Но этот металл постоянно притягивает разбойников: устав обороняться от их нападков, хранители стали молить Богов, чтобы те защитили свой солнцеликий дом. Так в горах появилась мангис. С тех пор мой народ стал ставить прямо в степи жертвенные камни, а сюда – только отправлять золото, которое собирает у послушников специальный жрец.

Я еще раз взглянул на мозгоподобный лабиринт, таящий в себе несметные сокровища, и задумался о том, как со всей Скифии (а это ого-го-го какая территория) сюда стекались караваны со снедью и золотом для жертвоприношений.

– Ну что, идем дальше? – отвлекла меня от мыслей Дос Ай.

– Ага. Я никак не могу понять принцип этого лабиринта. Вход там один, выходов нет, однако мужик в балахоне туда за тобой пошел и не вернулся. Куда же он делся? И где вообще все?

– Ты видишь только то, что хочешь видеть, – загадочно произнесла девушка, видимо, совершенно не желавшая делиться со мной секретами древнего храма.

Мы снова оказались на лестнице: спираль уже закручивалась с гораздо меньшим радиусом, ступеньки становились уже, а подъем – круче. Наконец, когда виток лестницы стал составлять не больше двадцати метров в длину, мы остановились у невзрачной дверцы, по высоте не превышающей половины человеческого роста. Дав мне отдышаться, Дос Ай открыла дверку, и мы оказались на улице. Шпиль храма окружала тонкая металлическая сетка без бортов, служащая смотровой площадкой. У меня моментально закружилась голова: я инстинктивно зажмурился и прижался к стене здания, нащупывая пальцами рук выдавленные в кирпичиках рисунки.

– Ну как? – поинтересовалась скифийка, смело расхаживая взад-вперед по кольцу сетки.

– Д-д-дух захватывает... Аккуратнее, пожалуйста.

– Не труться, иди сюда, – Дос Ай радовалась, как ребенок. Она подошла к самому краю площадки и сделала ласточку на одной ноге. – Смотри, как здорово!

Я заставил себя разжать пальцы и сделать шаг по направлению к девушке. «Только не смотри вниз...», «только не смотри вниз...». Легко сказать: глаза, как нарочно, опускаются, и сквозь тончайшую сетку я вижу с полтысячи погонных метров золотого кирпича, нависшего над землей. Наверное, подобное смешанное ощущение ужаса и восторга испытывают туристы на московской Останкинской башне – там, на уровне почти трехсот сорока метров в конструкции пола вставлены блоки из прозрачного закаленного стекла. Хочется пощекотать нервы – вставай на блок и наслаждайся! Вот разве что туристов защищает прочное бетонное «кольцо», а здесь сетчатая площадка ходуном ходит под порывами ветра. К тому же, на такой высоте дышать становится тяжелее. Ежась от ветра и страха, я осмотрелся. Вид и вправду

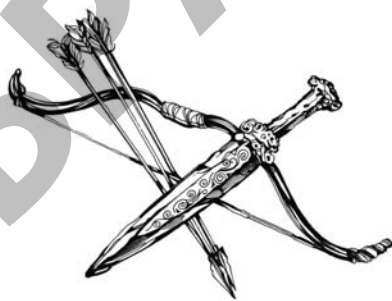
потрясающий: до макушек гор, кажется, можно дотянуться рукой. Вдали раскинулась бесконечная степь, испещренная сизыми струйками дыма. Прямо у подножия храма – где-то посередине между двумя левыми опорами – крохотный «блин» хижины Родогунды и танцующая рядом с ним похожая на человечков из конструктора «Лего» ребятня.

– Э-эй, давай руку, – Дос Ай выдергивает меня и тащит на другую сторону площадки.

– Вот это да!

Прямо передо мной разлилось бирюзово-зеленое озеро. Получается, что хижина стоит прямо на его берегу, – это же Иссык, только оно больше в десять раз!

– Это самое романтическое место на земле, – с чувством сказала девушка. Ветер трепал ее выбившиеся из косы волосы. Дос Ай приподнялась на цыпочки, обняла меня за шею и поцеловала.

ПОСТ 22-й

Дорогой дневник! Я патологически не понимаю женщин. По крайней мере, конкретно вот эту девчонку, которая то выставляет меня на посмешище, то дразнится. Экстрима ей, понимаешь, захотелось. Лететь отсюда долго... Впрочем, я был совсем не против поцелуя. Точнее, даже очень *за*. Когда я уже почти перестал бояться, в золотой кирпич вонзилась еще одна стрела. Кто-то наблюдал за нами. И этот кто-то умел стрелять на полкилометра вверх.

Дос Ай выругалась, увидев нарушившую романтическую идиллию палку с острым наконечником.

– Валим отсюда, – схватил я девушку за рукав и потащил обратно к маленькой дверце. Но в этот момент еще один «снаряд» пробил тонкую металлическую сетку под ногами: со звоном она стала рваться клочьями, как старое кружево. Дос Ай прижалась ко мне, а я схватился за кусок прочной железки: до спасительной дверцы оставалось всего пара шагов. Вдруг площадка под моей ногой провалилась, и мы повисли над пропастью. Металлическая балка, к которой я прицепился, быстро сгибалась. Я схватился за нее обеими руками, а девушка медленно соскальзывала по моей ноге вниз: одно неловкое движение, и она разобьется!

– Не дыши, – прошептал я ей. Дос Ай зажмурилась и впилась мне в ногу. Если мне удастся выбраться живым из этой передраги, клянусь всеми Богами, что никогда в жизни больше не прогуляю физкультуру. Даже с запиской от родителей.

Пальцы начало ломить, правый мизинец сполз с балки.

– Давай на счет три: цепляйся за пояс, потом вставай на плечи и перелезай на балку. Двоих она не удержит.

Принцесса – тренированная. У нее получится. Должно получиться. Сползает безымянный палец на руке – я долго не выдержу.

Раз!

Дос Ай подтягивается и ставит мне ногу в красном сапожке на бедро.

Два!

Еще рывок – она уже залезает на плечо.

Три!

Балка сгибается, рука срывается, но Дос Ай уже в относительной безопасности – ловит мою руку своей. А я болтаюсь над стальной гладью озера. Здесь чертовски далеко лететь. Не дотянусь, силы на исходе.

– Держись!

– Не могу.

– Можешь! Ради меня, умоляю!

– Не могу!

– Я люблю тебя!

– Дура!

И откуда только силы взялись? Цепляюсь за воздух, еще чуть-чуть, миллиметра до ее руки не хватает. Еще попытка. Осечка...

– Давай же!!! – кричит перепуганная девушка.

Еще! Получилось... Так, теперь надо осторожно подтянуться. Балка с лязгом клонится к земле, и Дос Ай начинает медленно скользить по ней. Из последних сил подтягиваюсь, залезаю на балку, и мы прыгаем к двери. Похожая на громадную кочергу конструкция обрывается и летит в озеро... Не хватает только музыки из «Терминатора».

Очутившись на кажущихся такими надежными ступеньках, пытаемся перевести дух, нервно смеемся, а потом долго-

долго смотрим друг на друга. Встреча с мангис кажется теперь просто детским приключением. К тому же, милое чудовище оказалось куда более человечным, нежели неожиданно появившийся снайпер. Еще там – в прошлой благоустроенной жизни, где троллейбусы ездят почти по расписанию, а полученная в школе двойка кажется трагедией, я читал стихи тру эмокидов, мечтающих сброситься с крыши. Ребята, а ведь это и есть настоящее позерство – тратить свою жизнь на мечты о смерти. Когда чувствуешь под ногами пустоту и понимаешь, что твое Я зависит от степени накачанности «бицепсов» на пальцах, больше всего хочется жить. Хотя бы для того, чтобы продолжать писать эти самые стихи.

Дос Ай положила мне голову на плечо.

– А как же Архидок?

Если его «овчарки» засекали наш первый поцелуй, неудивительно, что я нахожусь под прицелом.

– Не знаю. Пока не знаю. Не портить момент.

Я погладил пахнущие душицей локоны девушки. Колесница Гойтосира удалялась за горизонт, за слюдяным окошком стало быстро темнеть. Табити говорила, что практическое занятие начнется после захода солнца. Как же не хочется отпускать принцессу... Но теперь я просто обязан на «отлично» выучить все уроки Родогунды, поскольку отвечаю не только за себя, но и за удивительную девушку по имени Дос Ай. И черт с ним – с данным Царю Беркутов словом. Если мне суждено погибнуть, пусть это будет честный бой.

– Пойдем вниз, я вернусь в школу.

– Так нельзя, ты в опасности.

– Ты тоже.

– Знаешь, у меня есть запасные доспехи. Наденем тебе под тунику, в темноте не заметит никто, – предложила скифийка.

– Мысль. Может, прокатит.

Мы почти бегом спустились в «келью», и из вороха одежды Дос Ай вытащила жилет-панцирь из тонких сверкающих пластинок, выложенных наподобие рыбьей чешуи.

– Надевай.

– Я в нем буду на Шрека похож. (Сразу и не напялишь: панцирь тяжелый и напоминает жестяной бочонок.)

– На кого? Это ваш воин?

– Не, неважно. (Если начну объяснять, потерплю полное фиаско.)

– Держи штаны.

– Спасибо. Но в эти, боюсь, не влезу. Давай попробую рубашку натянуть.

Когда я с трудом надел трещащую по швам тунику на металлический панцирь, девушка в голос расхохоталась.

– Ты бесподобен!

Надо сказать, что за несколько дней вынужденной диеты я прилично похудел: килограммов пять сошло в небытие. Увы, я не покрылся литыми мускулами, но по крайней мере хрюшку Досю уже не напоминаю.

– А ты про любовь серьезно?

– Нет, конечно. Надо же было как-то тебя спасти. (А глаза хитрые-хитрые.)

– Это еще кто кого спасал!

Обмениваясь веселыми подколками, мы спустились вниз. Небо озарялось почти полной луной и россыпью звезд, которые, казалось, то и дело подмигивают и говорят: «Теперь мы тоже знаем ваш секрет!». Перед хижиной Мастера разгорался костер, на котором дети – ну совершенно как мы в летних лагерях – на палках жарили куски мяса, сыра и хлеба. Ребята постарше использовали для «канapé» стрелы и собственные клинки, а потом, обжигаясь, громко

кричали и дули на раскаленный металл, на котором шипела еда. Аромат шел восхитительный. Мы сели в круг, и тут же одна из рабынь принесла длинные ветки и тарелку, наполненную сырыми обрезками для жарки.

– Детка, – (кажется, я позволил вполне подходящую для ситуации фамильярность!), – а почему у вас в рабах одни клюшки?

– Кто?

– Ну... девушки, – смутившись, поправился я (все же надо быть аккуратнее в выражениях).

– Знаешь, рабов у нас вообще немного – только в оседлых поселениях. У моего отца рабы долго не задерживаются: это крайне неудобно, когда кочуешь. Их надо кормить, одевать, охранять, перевозить, в конце концов. Если мы кого-то берем в плен, просто продаем на Запад.

– И как, прибыльный бизнес? – поинтересовался я, внутри содрогаясь от мысли, что процесс продажи людей настолько естественен.

– Да как сказать. За хорошего скакуна больше дают. Ну так вот: по нашим обычаям, рожденные от раба или рабыни дети становятся свободными людьми – могут уходить или жить среди нас. Поэтому и остаются в основном девушки, желающие найти себе мужа из наших.

– Многим удается?

Дос Ай не успела ответить, так как у костра появилась в полном боевом облачении Родогунда, объявившая о начале «практического занятия».

ПОСТ 23-й

В руках Мастера был холщовый мешок, в котором билось что-то живое. Неужели сейчас нам преподадут урок, как правильно резать жертвенное животное? Представив кровавые потоки, я брезгливо поморщился.

– О! – обрадовалась Дос Ай, – сейчас будет отличная забава!

Ну да... Забавней некуда. Даже когда мама разделяет курицу, я выхожу из кухни. А тут придется стать свидетелем убийства невинной зверушки.

Родогунда подтвердила мои опасения: она засунула руку в мешок и за уши вынула оттуда активно сопротивляющегося серого зайца, похожего на мультяшную саблезубую белку. Сейчас училка режет его по горлу акинаком, заляпав алыми каплями жаждущих крови и вопящих от восторга скифских детей. Однако Родогунда пощекотала «учебному пособию» мохнатое брюшко и, прошептав напутствие в длинное ухо, опустила зайку на землю. Почувствовав вкус свободы, серый рванул с места, а за ним устремилась смеющаяся и довольная детвора.

Дос Ай хлопала в ладоши и громким улюлюканьем подбадривала бегущих.

– Что происходит? – спросил я у нее, дожаривая кусок мяса.

– «Охота на зайца» – игра такая.

– А в чем прикол?

– Ты пробовал когда-нибудь голыми руками поймать бегущего зайца?

– Не приходилось, – честно признался я.

Зато хомяка сестриноного ловил. Не думаю, что свалившего за плинтус агрессивного грызуна с говорящим именем Покемон поймать легче, чем этого милого зайца.

– Ну вот смотри: сейчас ночь, вокруг горы, серый – зверушка прыткая и умная, арканом его не поймашь, из лука в темноте не застрелишь. Вот и приходится проявлять ум и смекалку, чтобы его изловить. Победитель гонки будет признан самым метким и ловким. Для наших мальчиков охота на зайку – обряд посвящения в воины.

Похоже, я присутствую при любопытном экзамене: если кто-то из малышни сможет выловить зверя, он автоматически будет переведен в старший класс.

– Если мужчина за всю жизнь ни разу не поймал зайца, он не достоин называться мужчиной, – завершила тираду Дос Ай и вновь с интересом взглянула на бесплодные попытки радостных детей догнать зайку.

А ведь неплохой обычай: куда лучше решать споры в честной погоне за удирающим животным, чем брать на слабо. Единственная проблема в том, что тот, кто первым подзуживает, обычно сильнее, выше и быстрее своего противника. Ну и добыча, вероятнее всего, достанется ему.

– Сейчас приду, – сказала девушка, пока я наслаждался свежайшим «шашлычком» из марала, и убежала в сторону хижины Мастера.

Ребятне удалось загнать зайца в ловушку: они обступили его тесным кольцом, все ближе и ближе сжимающимся вокруг мечущегося животного – вот он, коллективный разум! Девочки размахивали факелами, а мальчишки зло поглядывали друг на друга – добыча достанется лишь одному. Тому, кто окажется проворнее. Пока более высокие пацаны готовились к нападению, стоящий поодаль «дошколенок» ловко протиснулся между двумя девчонками и прыгнул на зайчишку, подмяв его под себя. Игра была окончена. Пока я наблюдал за ходом охоты, Дос Ай успела о чем-то переговорить с Родогундой и вернулась к костру.

– А взрослые тоже гоняются за зайцами? – спросил я.

– Да. Даже цари не чужды этой забавы. Только в степи и поодиночке. Это намного сложнее.

Я представил отца в деловом костюме и при галстукe, нелепо подкрадывающегося к жующему морковку кролю, а потом с видом триумфатора везущего добычу в офис. «Даже цари не чужды этой забавы...»

– Кстати, Мастер согласилась давать тебе частные уроки, если ты не хочешь присутствовать на групповых занятиях.

– Отлично! Ты сказала ей о записке?

– Да. Она была очень благодарна. Завтра Родогунда сама придет к тебе. А сейчас иди спать: вставать придется с первым лучом Гойтосира. Рабыня проводит тебя в комнату.

– Хорошо. Когда мы встретимся?

– Когда я разберусь со своей работой. На вот, – Дос Ай протянула мне круглую золотую бляшку.

– Что это?

– Амулет. Он защитит тебя от всех напастей.

– Спасибо!

Девушка попрощалась и ушла. Краем глаза я заметил, что на нас издали смотрит Родогунда.

ПОСТ 24-й

Дорогой блог! Очутившись в связанной коридором с хижиной Мастера крохотной выемке в скале (громко названной комнатой), я впервые за эти дни остался один на один со своими мыслями. Условия тут, мягко говоря, спартанские – на полу свалена груда шкур, об удобствах вообще молчу. Стены, как водится, расписаны батальными сценами: но почерк рисунков разный. За долгие годы существования школы при храме наверняка тут побывал не один студент. Получается, что представляющие несомненную историческую ценность рисунки – ничто иное, как банальное желание оставить в камне память о себе.

Я взял валяющийся на полу осколок камня и нацарапал на стене: «Здесь был Дос Муканов». То-то удивятся археологи, раскопав через три тысячи лет это милое местечко! Чтобы окончательно сбить с толку именитых ученых, рядом с надписью я нарисовал человека-паука. Настроение сразу поднялось, и комната уже не казалась такой аскетичной. Что-то подобное я однажды проделал и дома – когда только подсел на эмосубкультуру. Несколько месяцев я уговаривал родителей переклеить обои в моей комнате, чтобы украсить ее в стиле аниме, но они были непреклонны. Тогда, собрав все накопленные карманные деньги, я купил ведро белой эмульсии и несколько колеров. По задумке, стены должны были получиться кроваво-красного цвета, на котором черными орхидеями расцветут иероглифы. Задумка была отличной, но вот с колерами я переборщил: добавленный в красную краску коричневый оттенок привел к совершенно неожиданному эффекту. К тому же, я не учел, что виниловые обои плохо поддаются покраске, поэтому теперь живу

в комнате цвета детской неожиданности с ужасными подтеками и разводами, которые еле-еле маскируются плакатами любимых групп. Зато на тумбочке у меня стоит полный набор героев из Final Fantasy, что, несомненно, придает помещению самурайского колорита. Забыл сказать, что вернувшиеся с работы предки были «в восторге» от художественных способностей дорогого сына.

Думая о родном и далеком доме, я заснул, зарывшись в грудь шкур. В малюсеньком помещении было душно; железный панцирь, который Дос Ай строго-настрого запретила снимать, сковывал движения, поэтому сны были беспокойными. Так, проворочавшись от нехватки свежего воздуха из стороны в сторону, я подскочил раньше восхода солнца и, зевая, побрел на улицу. У входа в хижину, облокотившись на вонзенный в землю акинак, дремал «секьюрити», пройти мимо которого не составило вообще никакого труда. Рядом со строением находился зверинец. Видимо, в нем Родогунда хранила свои «учебные пособия». В маленьких и больших клетках из длинных веток, связанных между собой кожаными жгутами, сидели самые разнообразные представители местной фауны – от зайцев и сайгаков до хищных птиц и снежного барса. Да это же наш барсик! Я обрадовался зверю, как родному. Он тоже узнал меня и зарурчал. Рана на лапе зажила, и он рвался на свободу.

– Не спится? – неожиданно услышал я голос за спиной и чуть не подскочил. Обернувшись, я увидел маленькую Табити.

– Ты чего здесь делаешь?

– Гуляю. А ты?

– И я.

– А чего Родогунда на тебя взъелась?

Девочка нахмурила маленький лобик и серьезно сказала:

– Потому что Боги предрекли ей, что я займу ее место.

– А она боится конкуренции?

– Вроде того.

– А чего же она взялась тебя обучать?

– От судьбы не уйти... Тут, понимаешь, дело в чем: к Мастеру попадают только самые талантливые дети. Они проходят жесткий отбор. Мои братья – настоящие воины.

– А ты?

– А меня вслед за ними прислали. Ну, чтобы семью не разлучать.

Кстати, вчера у костра я заметил, что ребятня сильно друг от друга отличалась: кто-то имел явно славянскую внешность, у других были миндалевидные глаза и характерные азиатские черты, третьи вообще походили на жителей Северной Европы. Я поинтересовался у Табиты, откуда пришли все эти дети.

– Знаешь, – с улыбкой сказала девочка, – Скифия – огромная страна. В ней живет больше пятидесяти народов. Есть оседлые племена, есть кочевые. Есть высшие – Царские – скифы, которым подчиняются все остальные, есть земледельцы и скотоводы. У каждого племени свой царь – Ксай – свои обычаи и даже разные религии. Здесь, например, принято считать, что каждый род произошел от какого-нибудь зверя, а на Западе говорят, что все мы – потомки полубога и богини. Народы часто воюют друг с другом, несмотря на то, что являются жителями одной страны. Массагеты, например, терпеть не могут сарматов. Но у Золотого храма все становятся большой дружной семьей, поэтому старейшины отправляют самых продвинутых отпрысков рода сюда.

*«Да, скифы мы! Да, азиаты мы,
С раскосыми и жадными очами!»*

– вспомнил я строки Александра Блока. А ведь классик ошибался, представляя себе скифов исключительно дикарями-монголоидами. Великая древняя страна, судя по всему, мало отличается от Советского Союза, приютившего на своей земле представителей десятков наций.

– А вообще здесь чья территория? – спросил я у скифийки.

– Здесь – ничья. Тут правят Великие Боги. А там, где просыпается Гойтосир – владения двоюродной сестрицы Дос Ай – массагетской царицы Томирис.

Я обрадовался, услышав знакомое по учебникам истории имя – значит, эпоху я определил верно: сейчас где-то от 570 до 520 года до нашей эры. Ну ничего себе так у моей девушки родственнички. Пока мы болтали с Табити, на востоке заалела утренняя заря: небо стало похожим на слоистую розово-лиловую мармеладку. Девочка попрощалась и пошла к себе в спальню, а я остался на улице, решив полюбоваться рассветом.

Как все у них просто: предсказали Боги какую-то глупость, и все – хоть трава не расти – живешь и ждешь мань небесной. А коли предсказание не сбылось, – значит, ты прогневал Богов и они тебя наказывают. Маленькая скифийка твердо уверена в своем предназначении, поэтому терпит от Мастерницы побои и издевательства, а та просто этим пользуется. Вспомнив о Родогунде, я подумал, что лучше вернуться в каморку – она же должна была прийти на рассвете. Однако дамочка, видимо, уже там побывала,

поскольку встревоженная выскочила на улицу и, заметив меня, изобразила на лице сладкую улыбку.

– Доброе утро, Избранный!

– Здравствуйте, Родогунда... Простите, я не знаю Вашего отчества, – съзвнил я.

– Для тебя – просто Мастер.

– Мастер.

– Пойдем со мной, – поманила она меня пальцем и снова обворожительно улыбнулась. (Хоть режьте меня, есть в этой улыбке что-то ненастоящее.)

Мы пришли в хижину, в которой на топчане уже были разложены камни, пучки разных трав и каменная ступка. Вот только «зельеварения» мне не хватает. Эх, знал бы Гарри Поттер, что реальная история куда страшнее и заманчивее его волшебных приключений, сидел бы тихо в своем Хогвардсе и не отсвечивал.

– Сегодня, – торжественно сказала Родогунда, – я открою тебе секрет териаки!

– Отлично, – хмыкнул я, – всю жизнь мечтал его узнать.

– Знания, – сказала Родогунда, не обращая внимания на колкость, – это самое надежное оружие. Ты не потеряешь его в бою. Давай начнем с легкого.

Она взяла пучок увядшей травы с похожими на салатные листьями и протянула мне.

– Это, – пояснила женщина, – панацея великого врача Анахарсиса. Добытое из нее масло – лучшее средство от суставных и мышечных болей. Если перед боем нанесешь его на тело, не будешь знать ни усталости, ни поражения.

Да это же настоящий допинг! Училка-то продвинутая.

Потом Родогунда взяла стебель мака, кинула коробочку в ступку, туда же бросила несколько мелких камней и капнула черной жидкости из висящего на груди флакончика.

– Толки. Мне надо уйти ненадолго.

– Чем?

– Возьми пестик, – указала она на длинный обтесанный камень.

Пока я старательно растирал крошащиеся минералы с недозрелым маком, женщина вышла из хижины. Слово «териака» я уже слышал раньше: точно, именно про это снадобье говорила Дос Ай, когда я отходил от сотрясения. Она назвала его лекарством от всех болезней. А ведь действительно, приняв дозу горькой жидкости, я почти сразу забыл о головной боли. Родогунда вернулась именно в тот момент, когда под пестиком смесь превратилась в коричневатую, похожую на свежую глину массу.

– Териак, – продолжила Мастер, – составная часть лучшего в мире средства. Надо его только разбавить талой водой и пить по глотку трижды в день, чтобы болезни проходили мимо. В качестве побочного эффекта снимает спазмы, боль при ушибах и вздутие живота.

– Неужели он действительно от всего помогает?

– Увы, нет. Я работаю над тем, чтобы сделать его универсальным. Пока это профилактический препарат. Но пройдут годы, и я смогу добиться того, чтобы териака стала самым сильным противоядием.

Я проникся к амазонке уважением: надо же так любить свою работу! Поблагодарив Родогунду за урок, я отправился на поиски Дос Ай.

Солнце поднялось уже довольно высоко. Выйдя из хижины, я вдохнул терпкий воздух, пропитанный ароматом подвяленной утренними лучами травы. Хорошо здесь! Картина и впрямь получалась идиллическая: по небу цвета толченой лазоревой смальты плывут похожие на огромные коконы сахарной ваты облака, отражающиеся в озерной

воде. Солнце позолотило ледяные вершушки гор, превратив скалистые исполины в ажурный венец...

*«Нет Востока, И Запада нет.
Нет у неба конца...
...Есть Восход и Закат,
Есть большое слово — Земля!»*

Олжас Сулейменов

– Защищайся! – услышал я громкий крик, и еле успев увернуться от неизвестно откуда взявшегося невысокого подростка в закрывающем лицо кожаном шлеме, упал на землю. Следом в рыхлую почву между левой рукой и ребрами вонзился клинок.

– Эй, ты чего! – крикнул я, откатываясь от неожиданного врага.

– Бери акинак и дерись, как мужчина – иначе я убью тебя!

Что-то мне подсказало, что незнакомец не шутит. Я слабо понимал, что я сделал по-боевому настроенному парню, но времени рассуждать и задавать вопросы не было, поэтому я медленно встал, и, чтобы избежать очередного выпада со стороны противника, протянул руку к воткнутому в землю оружию. Как только ладонь нащупала еще хранящую тепло человека рукоять акинака, незнакомец перешел в наступление. Я схватил обеими руками клинок, оказавшийся, несмотря на небольшой размер, довольно увесистым, и принял оборонительную позу. Я только и успевал увиливать от атакующего меня скифенка. Нет, так не пойдет! Лучшая защита – это нападение! Не успел я размахнуться, как ловкий неприятель подпрыгнул и ударил меня обеими ногами в грудь. Мешком

свалившись на сухую траву, я чуть не задохнулся от боли.

– Вставай!

Во мне закипела злость вперемешку с обидой: подобрав выпавший из рук акинак, я вскочил и с боевым кличем побежал навстречу врагу, размахивая из стороны в сторону сверкающим на солнце мечом. На этот раз скифенок подпустил меня близко: я почти достал острием до его плеча, но в последний момент он резко наклонился, а я, не сумев совладать с набранной скоростью, врезался в дерево. Он еще и смеется надо мной! Тяжело дыша и зализывая рукой назад намокшую от пота челку, я потряс акинаком, показывая тем самым, что буду продолжать бой. Во мне зарождалось какое-то новое чувство – во что бы то ни стало отомстить обидчику. На мгновение ослепнув от пущенного мне в глаза солнечного зайчика, я, не разбирая дороги, начал рубить воздух перед собой. Мне удался один выпад: незнакомец вскрикнул, когда я, почувствовав вкус драки, бросился в атаку. Сразу после этого на меня обрушились десятки, нет – сотни колющих ударов. Отбиваясь от них, как от осколков разбившегося зеркала, свободной рукой я начал дубасить противника, периодически натываясь на жесткие доспехи. В какой-то момент нападавший потерял человеческий облик: передо мной была *цель*. Цель из кожи, металла и плоти. Теперь я не просто дрался, стараясь спасти себя в этом странном поединке, но и не давал шанса уйти разгоряченному недругу. В голове стоял непрекращающийся лязгающий шум от звона акинаков. Мне показалось, что я схожу с ума: вокруг меня шла настоящая битва – десятки скифят боролись друг с другом, падая, поднимаясь и снова бросаясь в сокрушительный бой.

– Стоп! – послышался издали знакомый голос.

Вдруг все замерло: секунду назад дерущиеся не на жизнь, а на смерть маленькие воины покорно остановились и по-

клонились. Пока я, плохо соображая, отвлекся на странную сцену, мой противник испарился.

– Кто дал оружие в руки Избранного? – спросила вышедшая Родогунда (именно ей и принадлежал голос, остановивший сражение).

Скифята переглянулись и пожали плечами.

– Я еще раз спрашиваю, – прошипела Мастер.

Дети хранили молчание. Мои колени подкосились: от усталости и боли я почти не мог дышать. Повинуясь жесту учительницы, двое крепких мальчишек подняли меня за подмышки и оттащили в хижину, чтобы я смог прийти в себя. Не успев перешагнуть порог, я услышал характерный металлический лязг – юные скифы продолжили «практическое занятие». Оказавшись в одиночестве, я дал волю чувствам и расплакался: за что на меня все это свалилось? С «фрески» на стене зло скалилось какое-то очередное божество под сенью распростертых рук которого шла битва. Костяшки пальцев нестерпимо ныли: в некоторых местах кожа ободралась, образовав красно-коричневые ссадины. Я посмотрел на руку, которая несколько минут тому назад держала скифский меч. А ведь в случившемся есть и положительный момент: теперь я знаю, как ведет себя в бою акинак – а это дает мне пусть мизерный, но шанс в борьбе с Царем Беркутов. На улице все стихло: «практическое занятие» закончилось.

ПОСТ 25-й

В правом подреберье что-то нестерпимо колет. Я засунул руку под панцирь и вынул подаренный мне вчера амулет. Вечером я не глядя повесил его на шею, но веревка оборвалась, и золоченая бляшка упала в жилет. На моей ладони лежал очень необычный предмет: круглый, чуть больше юбилейной монеты кулон с изображением женщины с десятком ног-змей. Это же натуральная Медуза Горгона! Кто бы мог подумать, что скифы могут поклоняться такой мерзости, да еще верить, что она спасет от беды! Завязав веревку попрочнее, я надел змеевик на шею и пошел к храму. Если вчера здание показалось абсолютно пустым, сегодня жизнь здесь была ключом: просветленного вида юноши подметали ведущие к опорам храма лестницы; то и дело пробежали симпатичные девушки с кувшинами на плечах; на постаменте с каменными идолами толпились похожие на Бориса Моисеева дядьки, разодетые в кожаные с меховой оторочкой и золотой вышивкой кафтаны поверх белого женского платья – храм готовился к важному мероприятию. Дос Ай я обнаружил на одной из лестниц: девушка о чем-то беседовала с подметальщиком.

– Эй, привет! – помахал я ей снизу.

– Привет! Сейчас спущусь, – обрадованно крикнула жрица.

Сегодня волосы были перетянуты красной лентой, а шею красавицы украшал витой обруч с многочисленными змейками.

– Что за праздник? – спросил я у Дос Ай, когда она закончила беседовать с юношей.

– Чествуем Апи.

– Это кто? – от обилия имен и названий голова кругом идет.

– Одна из верховных богинь. Что у тебя с рукой?

Я слукавил:

– Ничего особенного. Упал. Слушай, я в ваших Богах уже запутался.

– Да тут же все просто: Боги – это стихии и силы природы. Например, Гойтосир – это солнце, огонь. Иногда мы изображаем его человеком на колеснице, запряженной огнегривыми лошадьми, но чаще – просто конем.

– А Апи?

– Апи – это змееногая женщина, олицетворяющая собой землю, воду и загробный мир.

– А она хорошая?

– Ну да.

Н-да, кажется, проведенные мною параллели с греческой мифологией не совсем верны: религиозные взгляды степняков все-таки ближе к тотемизму. У сакв – это олень с подогнутыми ногами (я видел бронзовые псевдоамулетки в сувенирных лавках Алматы), а у приморских сколотов, как следует из названия – сокол.

– Знаешь, – Дос Ай перевела тему, – я никак не могу разобраться во вчерашних стрелах. Если я правильно понимаю, стрелков было два: только один – ну тот, что с запиской, – у подножия сделал предупреждающий выстрел, а другой хотел тебя убить.

– Или тебя? Стрелявший видел, что я не один. К тому же, у него была масса возможностей сделать это на земле.

– На земле бы заметили другие. А так – соискатели довольно часто охотятся, подстреливая птиц, и выпущенная в общей массе стрела не привлечет внимания.

– Так, может, это случайность?

– Дважды?

Дос Ай права. Уж больно близко попали стрелы.

– Я сравнила наконечники: обе стрелы принадлежат племени Архидока, но сделаны в разное время. У первой – головка из бронзы, а древко из карагача. У второй при таком же наконечнике древко из твердого светлого дерева – возможно, ели. Эта, попадая в цель, разрывает мышцы таким образом, что раненому уже не суждено подняться. Ель дает слишком много сока, поэтому эту стрелу сделали зимой, когда дерево спало.

– Тогда нет ничего проще: чтобы найти потенциального убийцу, нужно просто осмотреть все футляры.

– А если стрела была специально похищена, чтобы отвести подозрения?

Я почесал затылок. На обоих древках наверняка остались отпечатки пальцев. Можно их сравнить и понять, принадлежат они разным людям или одному. С другой стороны, не будем же мы гоняться за каждым скиффенком, заставляя его демонстрировать ладони. Интересно, а задумывались ли древние народы, что означают рисунки на подушечках пальцев? Неожиданно мне в голову пришла мысль, что на создание первого лабиринта человека натолкнуло именно разглядывание собственных рук.

Я рассказал Дос Ай о методе дактилоскопии. Она неуверенно пожала плечами, но согласилась с тем, что на стрелах могут быть отпечатки.

– Только зачем все так усложнять? – поинтересовалась принцесса. – Легче определить по запаху. У каждого из нас – уникальный аромат. Имея среди других предметы, принадлежащие одному хозяину, ошибиться невозможно.

Ну вот, камня на камне не оставила от моей теории.

– Кто у нас под подозрением? – спросил я.

– Соискатели. Охрана. Рабы. Чужих бы почувствовали звери, значит, стрелял кто-то из своих.

- А жрецы? Вдруг убийца – ревностный хранитель храма?
- Энареи? Я тебя умоляю... Они и лук-то держать не умеют. Да и вообще – из здания почти не выходят.
- Еще Мастер.
- Нет. Родогунда не стала бы стрелять. Она сама в опасности, помнишь?
- Хорошо, этих исключаем. Думаю, дети до десяти лет тоже вне подозрения. Как нам раздобыть нужные образцы?
- Пока не знаю. Что-нибудь вечером придумаем. Мне пора.

ПОСТ 26-й

Дорогой блог! До вечера оставалась еще уйма времени. Дос Ай проводила меня вниз, а сама вернулась к своим ритуальным занятиям. Я заметил странную особенность: мне почти не хотелось есть. Вообще, ребяташки питались подножным кормом: что поймают в горах, то и едят, запивая кумысом. Но в обычном понимании завтрака, обеда и ужина у соискателей не было. Соответственно, и мне пришлось отказаться от привычного режима дня в пользу питания по требованию желудка. Спустившись к хижине, я попросил у одной из рабынь кусок сыра и немного воды – этого вполне хватило, чтобы утолить голод, притом что в последний раз я перекусывал вчера вечером, а сейчас уже близится заход солнца.

Не успел я допить воду, как Родогунда громко меня окликнула, приглашая присоединиться к длинной процессии: она собрала детей и направила галдящую толпу к лестнице, ведущей к подножию Золотого храма. Там полным ходом шли приготовления к чествованию Апи. Около золотого диска с изображением богини соорудили сейд – сложенные один на один плоские камни, служившие жертвенным алтарем. Рядом с камнем толклись энареи и жрицы, среди которых я заметил и Дос Ай. Как только земли коснулся последний луч солнца, двое мужчин притащили молодого жеребенка со связанными передними ногами, а несколько рабынь несли кувшины с вином и водой. Энареи встали в круг с зажженными факелами, а одна из жриц взялась за привязанную к ногам лошади веревку и опрокинула животное на каменный сейд. В это время другая женщина – выше и сильнее первой – начала звать к заступнице Апи, моля ее о полноте рек и еще каких-то необходимых

каждому скифу надобностях. Закончив причитать, жрица засунула голову жеребенка в завязанную на палке петлю и одним движением его придушила. В то время как старшая ловко разделяла тушу, содрав с жертвы шкуру, две юные жрицы прикатали здоровенный казан, куда стали кидать куски мяса, заливая его водой. Рядом с сейдом жрицы сложили кости жеребенка, и, установив на них котел, подожгли. Пока блюдо тушилось, хоровод энареев и жриц воспевал благодатную богиню. Дети с восторгом наблюдали за происходящим и периодически облизывались.

– Эй, – обратился я к одному из рядом стоящих мальчишек, – а варится долго?

– До готовности, – мудро ответил скифенок и продолжил вдыхать запах вареного мяса.

От долгого стояния затекли ноги, и я облокотился на рядом стоящую каменную бабу. Честно говоря, все священнодействие мне напомнило долгожданное выступление музыкальной группы на Новой площади с последующим фуршетом.

Спустя минут сорок старшая жрица достала из котла смачный кусок мяса и бросила его на землю, восхваляя Апи. Туда же ее помощницы вылили добрый кувшин вина. Вдруг жертвенное мясо занялось пурпурным огнем и в считанные секунды превратилось в пепел, подхваченный горным ветром. Я ведь точно видел, что его никто не поджигал! Жрецы поблагодарили Апи за принятую жертву, а вскоре вся дружная компания – включая меня – скрипела челюстями, пережевывая божественный ужин.

– Ну как тебе? – услышал я шепот Дос Ай.

– Ужасно.

– Я знала, что тебя это порадует!

– Давай сбежим отсюда.

– Я хотела предложить то же самое. Только разными дорогами: если будем уходить вдвоем, заметят. У меня есть идея.

– ОК.

– Встречаемся у зверинца, – шепнула девушка и растворилась в толпе чавкающих соотечественников.

Я протиснулся между двумя полными энареями и побежал к лестнице.

– Ты куда? – остановила меня Родогунда, одарив искрящейся улыбкой.

– В туалет. Можно?

– Конечно, Избранный. Встретимся на рассвете.

Кажется, пронесло. Учительница отвернулась и продолжила светскую беседу с одутловатым дядькой с плохо расчесанной бородой. Спустившись к хижине, я почти на ощупь побрел к зверинцу: огни горели только у храма, где были люди, а тут – хоть глаз выколи. Небо затянуло тучами, а в ущелье поднялся холодный ветер.

– Ты здесь? – позвал я Дос Ай.

– Да, – тихо ответила девушка откуда-то из темноты.

– Я иду к тебе. Ой, мамочки! – я чуть не прокусил себе руку, чтобы не закричать: прямо передо мной стоял снежный человек.

– Напугала?

– Эт-то ч-ч-че т-т-такое?

– Шубка, – кокетничая, сказала скифийка. – Нравится?

– Очень. Так и до инфаркта можно человека довести!

– Да ладно тебе, – фыркнула Дос Ай. – Значит так: завтра мы попросим детей что-нибудь нарисовать, а потом сравним запах. Если мы сейчас разведем бурную деятельность, убийца заподозрит, что мы его ищем.

– Согласен. Я почти уверен, что Архидок уже в курсе, что у нас с тобой... это...

– Что *это*?

– Ну... роман...

– Я думала, у нас – любовь. Все мужики – архары недобитые! А ты – пень бесчувственный, – обиженно воскликнула Дос Ай и побежала обратно к храму.

Я еле ее догнал:

– Ну не обижайся, пожалуйста: конечно, любовь!

Принцесса заревела во весь голос. Сколько раз нужно сказать девушке о своей любви, чтобы она в нее поверила? Правильный ответ: надо тараторить не замолкая. Причем используя только конкретные эпитеты. Иначе каждое неверно подобранное слово обернется скандалом. Когда я понял, что успокаивать Дос Ай бесполезно, я перевел тему. Она почему-то мигом прищла в себя и абсолютно адекватно продолжила беседу. Все-таки что-то не так с этими девчонками...

– Как ты познакомилась с Архидоком?

– Ой, давно уже. Он приезжал к моему отцу заключать мир и увидел меня. Папа подумал, что лучшей печатью долгой дружбы будут кровные узы, и решил выдать меня замуж.

– Да, ты уже говорила. Почему ты согласилась?

– Меня не спрашивали. Обычно у нас парень, когда хочет жениться на девушке, устраивает с ней бой. Побеждает он – она становится скромной женой, а если она – приходится мужчине служить ей верой и правдой. Все по-честному. Но у вождей все иначе: браки заключаются с заботой о народе.

– А правда, что Томирис – твоя родственница?

– Правда. Дальняя. Откуда ты ее знаешь?

Я объяснил, что царица – одна из немногих женщин, имя которой в моем веке известно каждому образованному человеку.

– Знаешь, я совершенно перестал понимать разницу между скифами – саками, массагетами и прочими племенами: у меня сложилось впечатление, что историю уже сто раз переписывали, и каждый летописец правит ее под себя. У нас там та-а-кие баталии по этому поводу происходят, – пожаловался я девушке.

– Да и у нас так же. Поговаривают, что давным-давно здесь была очень развитая цивилизация – а потом ее не стало. Теперь племена борются за звания прямых потомков. Как оно было на самом деле, сейчас уже и не узнаешь. Я считаю, что родина там, где находятся могилы предков – хотя бы в одном поколении.

– А кто – ты?

– Ну, папа – потомственный сак-тигрохауд, мама – из массагетов. Томирис – по ее линии родственница. Тигрохауды – ветвь царских скифов, носящих остроконечные шапки на манер моей, массагетами называют «мас-сака-та» – большую орду саков.

Еще больше запутавшись в межплеменных переплетениях, я решил вернуться к Царю Беркутов:

– С ним все еще сложнее, – сказала Дос Ай, – его дед – мидийский царь Киаксар – порядком испортил жизнь западным скифам, да и наших задел. Однажды пригласил к себе военачальников на обед, напоил до потери сознания, а потом перебил всех. С Киаксаром потом разобрались, конечно, но его дети и внуки расплозились по миру. Войско у Архидока большое. Папа считает, что худой мир лучше войны, поэтому и решил меня сосватать.

– А как твои Боги узнали, что он хочет разграбить храм?

– Боги обычно не отчитываются, просто сообщают, и все. Один из энареев был обманут Архидоком, тот выманил у предсказателя ключ – такой же, как у меня.

Я подумал, что сейчас самое время рассказать о моем позорном договоре с Царем Беркутов. И пусть данное ему слово я не сдержу, но принцесса должна знать об этом.

– Дос Ай, я должен тебе кое-что сказать...

Облака рассеялись, и выглянула луна, похожая на круг дырявого сыра. Дос Ай зевнула и, хитро улыбнувшись, произнесла:

– А вообще ты замучил меня своими расспросами! Неужели у нас нет более интересных тем для разговора? Я, например, хочу узнать больше про твой мир.

Момент был упущен, и про Архидока я решил вспомнить в другой раз. Мы еще долго болтали о самых разных вещах и дурачились, потом я ей исполнял песни группы Jane Air, а Дос Ай потешалась над текстами. Расползлись по домам мы уже под утро, когда потух последний огонь у подножия Золотого храма.

ПОСТ 27-й

Не успев толком уснуть, я проснулся от холодного скрежета и, разлепив глаза, увидел Родогунду, которая планомерно царапала акинаком стену.

– Гойтосир уже скачет по небу, Избранный. А ты все еще не вернулся из страны снов.

– Доброе утро, – потянувшись, сказал я и нехотя вылез из под теплой шкуры. – Минутку.

– Я могу подождать, а время – нет.

– Я только умоюсь и приду. (После вчерашней драки все тело ломило.)

– Хорошо, – Мастер улыбнулась и вышла из моего убежища.

Помыться бы. Волосы опять стоят колом: меня, правда, их внешний вид уже меньше волнует, но теперь голова нестерпимо чешется. А еще мне пришла в голову мысль, что саки были первыми эмо, потому что их длинноволосые воины греками изображались одноглазыми. Наверное, своих «циклопов» Гомер обрисовывал как раз с могучих воинов, один глаз которых был закрыт челкой. Вот умора: циклопы-эмики!

Кое-как расчесавшись собственной пятерней, я отправился в учебную хижину. На том же самом топчане, который вчера использовался для приготовления чудо-лекарства, сегодня лежали золотые и серебряные чаши. Подойдя ближе, я чуть не поперхнулся: показавшиеся мне мастерской ювелирной работой сосуды – ничто иное, как половинки человеческих черепов, обтянутых кожей и декорированных золотыми и серебряными пластинами.

– Впечатляет? – спросила вошедшая в комнату Мастер.

– Еще бы!

Отвратительное зрелище... Но какая работа!

– Это – капала. Каждый воин, убивая личного врага, делает из его черепа чашу. Чем богаче она украшена, тем уважаемее хозяин.

Посчитав на столе сосуды, я спросил у Родогунды:

– Это все Ваши враги?

– Были ими. Теперь я их простила.

Да уж, не хотел бы я встретиться с училкой темной ночью на пустыре... И вообще ее лучше не злить. Сразу видно, что Родогунда была заядлой туристкой и имела недоброжелателей по всему свету, потому как декор капалы имели весьма и весьма разнообразный. Мое внимание привлекла одна из них, отличавшаяся от других «крышкой» из верхней части черепа, на которой были вставлены резные серебряные бляшки с крупным камнем посередине. Поймав мой взгляд, Мастер подняла череп и сказала:

– Эта – особенная. (Да уж. Эффектный аксессуар. А ведь когда-то он ел, пил, любил...) – Голова не каждого врага достойна превратиться в чашу, – с характерной обворожительной улыбкой продолжила Мастер. – Процесс ее изготовления долог. Используются только черепа заклётых – а потому самых сильных и благородных врагов. Возьми.

Родогунда протянула мне одну из чаш. Я, переступив через чувство омерзения, принял из ее рук крупный сосуд. Какой тяжелый... Верхняя часть черепа – где-то до уровня бровей – была аккуратно спилена, а края ловко отполированы. Внутри чаши – толстый слой позолоты, подчеркивающий все изгибы кости, снаружи – потемневшая от времени кожа и тонкие золотые пластинки, испещренные мелкими царапинами, свидетельствующими о том, что кубку уже много лет.

– Это для красоты или вы натурально из нее пьете?

Училка хмыкнула.

– По большим праздникам – пью. А так... Когда собирается толпа гостей, чаши выставляются для общего обозрения, чтобы входящие в дом понимали, что с хозяином шутки плохи. Скоро и у тебя появится возможность сделать свою первую капалу.

Это она об Архидоке? Боюсь, это он будет усердно распиливать мой череп, шпигуя отполированные кости золотыми бляшками...

– А что туда наливают?

– Вино.

– Любое?

– Лучше привозное. У греков, например, неплохие напитки. В принципе, можно вместо вина наливать молочную водку, но она слишком крепкая, поэтому допить целый кубок до дна могут только закаленные воины.

– А наше чем плохое? – вспомнил я про тургенские виноградники. Они же здесь рядом совсем. Или еще не выросли?

– С запада привозят кувшины, но, на мой взгляд, это прокисшее сусло, а не вино, – пожимая плечами, ответила Родогунда. – Мне больше по вкусу вяленые винные плоды.

Если я правильно понимаю, для изготовления пьянящего напитка используется не виноград, а вообще все доступные слегка прокисшие фрукты. Мастер подтвердила мою догадку:

– Спелые плоды лучше подержать несколько недель в тепле, а когда они дадут сок, можно разжечь костер и бросить их туда. Аромат хвороста, смешавшись с подгнившей мякотью, дает такой же эффект, что и кувшин доброго вина. Думаю, на сегодня хватит. Продолжим завтра утром.

Я поблагодарил Родогунду и вышел на улицу. Погода была отличной: солнце печет (а в хижине было очень свежо – как с кондиционером) – самое время искупаться. В Иссыке вода ледяная, так как озеро постоянно питается из впадающей в него горной речки, но я решил рискнуть. У храма никого не было видно: спят еще, видимо, после вчерашнего. Я скинул надоевший панцирь и залез в холодную воду, от которой кожа тут же покрылась цыпками. Хорошо-то как!

– Дос, ты чего делаешь? – прямо за мной на берегу стояла Дос Ай.

– Моюсь.

– Ты с ума сошел, что ли? Это же святое озеро. Апи прогневаается! Вылезай немедленно!

Какое еще «святое озеро»? В XX веке по берегам Иссыка куча санаториев была! Потом, правда, их почти все смыло разрушительным селем, и сейчас там ничего нет. Сель (пусть даже такой ужасный) – обычное природное явление. Или месьт древней богини Апи? Мне стало не по себе, и я пуглей выскочил из озера.

– Вот только пугать не надо. Не смотри на меня.

Вид у меня сейчас не очень: стою перед Дос Ай в одних мокрых трусах и дрожу от холода, несмотря на припекающее солнце.

– Я и не пугаю. Сразу бы сказал, что нужно помыться – отвела бы в баню, – отвернувшись, сказала девушка.

– Так что ж ты молчала-то? – спросил я, натягивая штаны на липкие от воды ноги.

– А ты не спрашивал.

Тоже верно.

– А где баня?

– Пока нигде, а при необходимости организуется в любом удобном месте. Если хочешь, сейчас сделаем.

Почему бы и нет: помыться толком мне так и не удалось. Мы поднялись на гору, и Дос Ай клинком срезала несколько полосок коры с одной из высоких елей. Потом отломала ветку, на которой помимо иголок росли несколько шишек. На растопку, что ли? Пока девушка приняховивалась, какая из веток ароматнее, я завязал горловину своей туники в узел, чтобы использовать ее в качестве мешка. Собрав достаточное количество хвои, мы спустились к хижине Мастера. Скифийка позвала двух рабынь, которые, выслушав ее распоряжения, ушли, а потом вернулись с небольшим шероховатым камнем и парой рваных войлочных одеял. Одна из девушек принялась растирать хвою и еловую кору, обдирая ее о шершавый камень. Рассказать ей, что ли, о мясорубках? Кучу времени сэкономить можно. Тем временем недалеко от хижины Дос Ай развела костер, из которого сразу пошел густой сизый дым.

– Тебе помочь?

– Конечно. Возьми за хижинной острые колья и установи в форме шалаша. Не забудь сверху зафиксировать, а то развалится все в самый ответственный момент.

– Есть, моя принцесса!

Дос Ай подмигнула и продолжила разводить костер, подбрасывая в него, судя по идущему запаху, свежие хвойные ветви. За хижинной мастера действительно оказались несколько длинных тонких кольев, там же стоял небольшой казан – почти такой же, в котором мама делает плов. Я последовал совету девушки и неглубоко воткнул колья в землю, связав наверху кожаным жгутом, который мне принесла рабыня.

– Чего ты там копаешься? Неси камни!

– Какие камни?

– Круглые. У меня разгорелось все уже.

– А где их взять? (Вот раскомандовалась!)

– Великие Боги, Дос! Горы кругом – неужели сложно найти пяток камней?

Я нашел три крупных, почти правильной формы камня и отнес Дос Ай. Она осмотрела их, бросила в огонь и сказала:

– Этого хватит. Теперь принеси, пожалуйста, один из казанов.

Пока я бегал за ним, рабыни закрепили на кольях шерстяные покрывала таким образом, чтобы в шалаше не было отверстий – кроме сделанного внахлест из двух концов разных войлочных отрезков входа.

Камни разогрелись долго. К тому же на них образовался налет из жирной золы от сгорающего дерева. Чтобы проверить степень готовности, Дос Ай, совсем как наши хозяйки на кухне, брызнула на раскаленную гладкую поверхность водой. Крошечные капли моментально разлетелись и угрожающе зашипели.

– Отлично. Закидывай их в казан и неси в шалаш.

Да она обалдела совсем! Если вода моментально начинает кипеть, значит, температура у камней – не меньше (с учетом того, что мы на приличной высоте) девяноста семи градусов по Цельсию. А Дос Ай предлагает мне голыми руками их в казан складывать. Опустив момент про Цельсия, я намекнул девушке, что мне этого делать, мягко говоря, не хочется.

– Я тебе иногда поражаю, Дос. Ладно. Сама сделаю, – фыркнула Дос Ай. – Иди, натирайся.

Ну вот, она опять во мне разочаровалась. Ну уж нет! Не бывать этому! Я собрал волю в кулак, схватился за раскаленный камень и, преодолевая боль, швырнул его в казан.

– Великие Боги! Что ты делаешь? – закричала скифийка. Она схватила мою обожженную руку и стала неистово

на нее дуть. А я закусил губу, чтобы не зареветь от боли и обиды.

– Териаку несите, – крикнула девушка рабыням, – быстро! Дос, ну можно же было прихватку взять. Какие же вы там неумелые. Я начинаю бояться за своих потомков.

Прихватку? А разве шла речь о каких-то прихватках? В казане валялся остывающий булжник и две большие кожаные перчатки.

Дос Ай тоже хороша: могла бы сдержаться и не подкалывать – мне и так больно. Щедро намазав мою руку щиплющей териаккой (боль стала сразу утихать), скифийка приказала рабыням меня раздеть и натереть еловой пастой. Совершенно не смущаясь, барышни сняли с меня не успевшие просохнуть штаны и принялись за трусы.

– Ой, нет, это оставьте, пожалуйста.

Девушки весело переглянулись, но оставили столь необходимый предмет на законном месте. Зато Дос Ай хихикнула:

– Смешные какие!

Плавки как плавки. С изображением Сейлор Мун – не вижу ничего смешного, поэтому комментировать не стал.

– Долго еще? – спросил я, когда рабыни с ног до головы обмазали меня, напоминающей по цвету и структуре... э-э-э... лошадиный помет, массой.

– Залезай в шалаш.

Не сопротивляясь, я прополз между тяжелыми войлочными полотнами в центр «бани» и уселся прямо на траву. Вслед за мной в шалаш закатили казан с облитыми водой раскаленными камнями, на которые был кинут пучок ароматной травы. Так вот почему волосы Дос Ай пахнут душицей!

– Устроился? – весело спросила Дос Ай.

- Да.
- Сиди теперь там, пока не надоест. Я в храм пойду.
- Хорошо, - ответил я, начиная разомлевать от душистого пара, проникающего глубоко под кожу.

ПОСТ 28-й

Дорогой блог! То ли сказалась бессонная ночь, то ли сакская баня обладала каким-то невероятным расслабляющим эффектом, но я задремал. Мне снились яркие, почти сказочные сны, в которых родные и близкие мне люди неведомым образом превращались в древних богов и резали жертвенных животных, сливая кровь в начищенные до блеска чаши-черепа. А за всем этим, скаля зубы и хочоча, наблюдала Родогунда, принявшая облик змееногой Апи.

Очнулся я, когда на улице уже стемнело: камни остыли, а трава подо мной отсырела. Потянувшись и зевнув, я вылез из шалаша и оказался в самом центре организованного Дос Ай действия: в свете факелов и костра дети устроили конкурс рисунка – на толстых кожаных листах они что-то старательно чертили углем. Увидев меня, малышня захихикала, а Дос Ай закрыла глаза руками и, еле сдерживаясь от душащего ее приступа смеха, махнула рукой на хижину. Тут я вспомнил, что, во-первых, при всем честном народе я стою в одних трусах, а во-вторых, на теле – толстый слой засохшей хвойной замазки, превратившей меня в папуаса. Я опрометью бросился бежать к озеру в надежде ее смыть, но не тут-то было: богатая смолой хвоя намертво прилипла к телу и никак не хотела смываться водой. Единственное, что удалось снять – это пропитанные ароматным составом трусы, которые, по несчастливому стечению обстоятельств упали в воду и быстро пошли ко дну. Шаря руками по темной глади озера, я понял, что Сейлор Мун отправилась в свое последнее путешествие. Догнавшая меня Дос Ай, почти плача от смеха, прокричала:

– Она не смывае-е-ется-я-я, иди в хижину...

Прикрывая руками пах, я рванул туда мимо уже катающихся по земле от дружного хохота детей. Если не везет, то во всем: у входа в здание я столкнулся с Родогундой и предстал перед ней во всей красе. Даже выдавшая виды училка схватилась одной рукой за сердце, а другой – за акинак. Ну представьте себе, если вдруг из кромешной темноты на вас выскочат стучащие от холода белые зубы.

– Ой-ой-йой, – завопил я, – не надо акинака, это я – Дос.

Не успел я это произнести, как в комнату влетела Дос Ай с факелом в руках. Мастер, слегка расслабившись, села на топчан перевести дух, а девушка потащила меня в мою спальню. Там она первым делом протянула мне одну из шкур:

– Сушись.

– З-за-а-ч-чем-м? М-м-н-е од-деж-ж-да н-нуж-ж-на.

– Потому что хвоя снимается только сухой. Если бы ты не поскакал в воду, как молодой марал, я бы успела тебе об этом сказать.

Через примерно четверть часа Дос Ай убрала с меня последние, похожие на глиняные черепки остатки хвойной «маски». Я благоухал и краснел от стыда, стоя перед скифийкой в чем мать родила. Вызванная рабыня принесла тщательно постиранные и высушенные штаны и тунику. Когда я переоделся, Дос Ай сообщила мне о своей идее:

– Вот что мы сделаем: когда дети закончат рисовать, ты соберешь кожанки, а я сравню их с запиской и наконечниками.

– Отличное решение, – сказал я, стараясь не смотреть девушке в глаза. (Мне все еще было стыдно.) – А что делать со взрослыми?

– Пока рабыни занимались хозяйством, я вытащила из их комнаты личные вещи – гребни и украшения. Остались

охрана и Мастер, но я уверена, что она непричастна к покушению.

– Все равно надо проверить. Самая запоминающаяся деталь ее гардероба, которая уж точно хранит запах хозяйки – акинак, но я слабо себе представляю, как его достать.

– Акинак любой воин всегда держит при себе, даже снимая одежду. В комнату Мастера я войти не смогу – там на каждом шагу ловушки.

Меня озарила идея:

– Вспомнил! Учебный зал! Сегодня она давала мне один из своих кубков!

– Прекрасно. Сможешь его описать?

– Ну... Черепушка, обтянутая кожей, с металлическими побрякушками.

– Боюсь, ты мне ничем не помог: почти все капалы так выглядят.

– Нет, была еще одна. Эта чаша отличалась от всех – у нее была крышка с серебряными бляшками. Мастер долго держала ее в руках.

– Отлично! Я ее видела. Иди к малышне, а я проберусь в хранилище к Родогунде. Меня она не заметит. Встречаемся у зверинца.

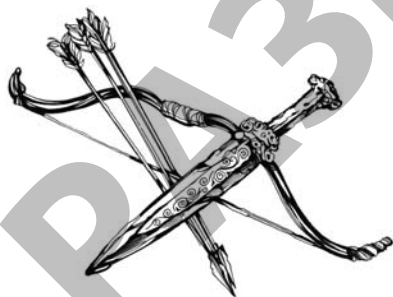
Дос Ай убежала, а я пошел к скифятам. Увидев меня, еле угомонившиеся под присмотром рабыни дети развеселились с новой силой:

– Эй, Избранный, – нагло прокричал рослый чернявый мальчишка с уже пробивающимися усиками, – пробегись еще раз!

– Обязательно, – довольно резко осадил я его, – только в другой раз. А теперь дружненько вспоминаем и зарисовываем. Разве жрица не сказала вам, что тема рисунка – обнаженная натура?

Археологов я точно озадачу...

Пока скифята склонились над нетленными произведениями, я внимательно рассмотрел детей, которые уже отметили свою десятую весну. Их оказалось трое – Табити, усатый паренек и молчаливый крепыщ, которому, видимо, суждено податься в энареи. Кто же из них стрелял? И кто напал на меня утром у хижины? Когда ребята принесли куски кожи с рисунками, три интересующих меня «листа» я отложил в сторону.

ПОСТ 29-й

Дос Ай ждала меня у клетки с барсиком. Зверь, увидев знакомых, разволновался и, тяжело дыша, начал бегать взад-вперед по шатающемуся деревянному сооружению с воткнутыми в него острыми металлическими шипами, чтобы животное не могло выбраться. Я помахал перед скифийской кожаными лоскутами. Первая часть плана выполнена на «отлично»!

– Теперь дело за тобой. Удалось? – почти шепотом спросил я, сдерживая волнение.

– Нет... В зале пусто. Родогунда все убрала.

– И что теперь?

– Дождемся ночи, а пока разберемся с тем, что достали.

Я кивнул:

– Хорошо.

– Только... Знаешь, давай отпустим его, – она указала на барса, – ему в клетке плохо. Лапа зажала уже.

– Скучать не будешь?

– Буду. Но ему на воле лучше, – девушка выдернула палку, сдерживающую колья дверцы, и через мгновение кошка оказалась на свободе. Дос Ай почесала ему за ушком, отчего ирбис довольно заурчал, уткнулся мордой в руку девушки и в три прыжка оказался на скале.

– Прощай, дружок! – помахал я ему. (Мне показалось, что спасенный из логова мангис пятнистый зверь лукаво подмигнул большим желтым глазом, а потом исчез в темноте.)

Вокруг храма горели факелы, а на эстакаде стояли о чем-то оживленно спорящие энареи.

– Сегодня опять праздник? – спросил я у скифийки, передергиваясь от мысли, что предстоит еще одно жертвоприношение.

– Нет. Пойду узнаю.

Мы поднялись по лестнице: Дос Ай ушла к болтливым жрецам, а я остался ее ждать у одной из каменных баб. Двухметровый упитанный менгир с ярко выраженными вторичными половыми признаками и сложенными под обвислым пузом руками зло скалился, глядя пустыми глазами прямо на меня. Чтобы избавиться от неприятного ощущения, я показал истукану язык и отвернулся к золотому диску с изображением какого-то очередного Бога.

– Не трогай их руками, пожалуйста, – принялась поучать меня вернувшаяся Дос Ай, – духи и Боги не любят, когда их попусту беспокоят.

– Прости, конечно, но к твоим Богам без взятки не подступишься! Нужен дождь – режете барана. Требуется солнце – коня.

– А еще приносим в жертву плененных врагов и чересчур болтливых гостей, – рассмеялась девушка, – пойдем уже.

Могу поспорить, что, уходя, я заметил, как божественное изваяние изменилось в лице.

Дос Ай протянула мне руку и повела за собой по узким ступеням винтовой храмовой лестницы. Оказавшись в келье, мы зажгли несколько факелов и разложили на топчане добытые трофеи. Девушка подняла из груды набросанных в углу шкур стрелы и начала тщательно – совсем по-звериному – их обнюхивать. Потом она достала детские рисунки и проделала с ними то же самое.

– Да. Я права... Кому принадлежит это произведение? – кивнула она на одно из кожаных «полотен».

– Дай-ка взглянуть.

Я взял из рук девушки толстую, грубо выделанную кожу: с рисунка на меня смотрел бегущий Архидок.

– Это Табити.

Дос Ай нахмурилась:

– Вот тебе и первый стрелок...

Я было метнулся к двери, чтобы спуститься в лагерь и поговорить с маленькой скифийкой, но Дос Ай остановила меня:

– Во-первых, сейчас ночь, и тебя не пропустят на женскую половину. А во-вторых, остался еще один стрелявший, который может тебя подкарауливать прямо сейчас.

Девушка права: старательную Табити можно расценивать как союзника – ведь она хотела спасти пусть нелюбимую, но вполне уважаемую учительницу. Хозяин же второй стрелы становится опасен вдвойне.

– Одного не понимаю, – задумчиво пробормотала девушка, – откуда у нее стрелы Царя Беркутов?

А с вот этой задачей я как раз могу справиться с легкостью!

– «Элементарно, Ватсон!» Она в него влюблена, как кошка.

– Ты видел влюбленных кошек?

– Это метафора такая. Табити от него без ума. Ну и стащила, видимо, у своего фаворита подарок на память.

Знаю точно, фанатки своих кумиров готовы на части разорвать. У моей сестрицы Айнурки целый иконостас группы «Ринго» имеется. И добытый в неравной схватке с конкурентками молочный зуб одного из солистов.

– Остались взрослые. Сможешь вытащить что-нибудь у стражника: такую вещь, которая успела впитать запах хозяина?

– Постараюсь.

...Мы спустились в лагерь. По его периметру горели воткнутые в землю факелы, защищающие хижину от диких зверей. Дос Ай тенью проскользнула мимо дремавшего у дверей воина: старый скиф причмокивал и что-то бормотал во сне,

периодически закидывая голову вверх и издавая душераздирающий храп, во время которого на вздымающейся груди скрипели доспехи. Шлем почти сполз с головы охранника, поэтому я подумал, что удобнее всего будет стянуть именно его. Подобравшись ближе, я встал на цыпочки и начал аккуратно снимать кожаную шапку, на которой предательски зазвенели металлические бляшки. Стражник встрепенулся и, схватившись за укрепленную на поясе секиру, начал ей размахивать: я завис на одной ноге за спиной воина. Успокоившись, мужик прислонился к косяку и снова уснул, о чем свидетельствовал громкий, переливающийся на несколько октав храп. К моему счастью, голова вояки склонилась к груди, а шлем свалился на землю. Я быстро схватил его и побежал к зверинцу, где меня ожидала Дос Ай.

– Молодец, – похвалила меня принцесса, увидев смятый шлем.

– Знаю, – не без гордости ответил я, – осталась Родогунда.

– Это будет посложнее – мимо нее, даже спящей, комар не пролетит.

– Давай рискнем.

Скифийка кивнула. Оказалось, что у хижины был, по меньшей мере, еще один вход – со стороны гор. В сырой каменный зал, со стен которого капала вода, образуя на полу хлюпающие лужицы, мы проникли беспрепятственно: неприметный лаз никто не охранял.

– Иди за мной след в след, – сказала шепотом принцесса.

– Хорошо, – ответил я и тут же споткнулся о натянутую в пяти сантиметрах от пола тонкую веревку. Что-то затрепало.

– Ложись! – крикнула девушка и сама бросилась на пол. В тот же момент над головой засвистели десятки стрел: одна из которых воткнулась в землю почти рядом с шеей Дос Ай.

Мы лежали молча еще с минуту – пока последнее древко не коснулось земли. Что же такое скрывает Мастерница, если установила подобную защиту от взлома? Я боялся встать: вдруг подниму голову, и туда вопьется запоздавшая стрела?

– Надо идти быстрее. Мастер скоро вернется.

Мы аккуратно, перешагивая через стрелы, двинулись по узкому коридору вперед. В глубине поблескивал синий огонь: у входа в следующее помещение находились два крупных полупрозрачных желто-коричневых камня, между которыми проскакивал электрический разряд – эту серо-синюю «молнию» мы и приняли за пламя. Дос Ай наклонилась к валуну (тут же ее волосы встали дыбом и прилипли к гладкой поверхности) и завороченно протянула руку к мерцающей змейке: я еле успел одернуть ее.

– Ты что! Жить надоело?

– Что это? – девушка была очень удивлена.

– Похоже, наэлектризованный янтарь. Только огромный.

На уроке физики нам как-то рассказывали, что опыты с кусочком окаменевшей смолы, способной притягивать легкие тела – перышки и сухие листья – проводились еще в античные времена. Я поднял с пола одну из стрел, отломал наконечник и кинул его между янтарными громадинами. «Молния» тут же подхватила металлический треугольник и несколько раз подбросила его в воздухе, раскалив добела. Увы, пока между камнями пробегает заряд, в комнату не попасть – нас в лучшем случае ударит током, а в худшем – изжарит между камнями, как на вертеле. Если это действительно обычный электрический заряд, а не какая-нибудь очередная божественная «фишка», то убрать его поможет вода.

– У тебя веревка есть? – спросил я принцессу.

Она помотала головой:

– Нет. А пояс подойдет?

– Давай попробую.

Мы встали на сухую поверхность пола. Один конец предварительно пропитанного влагой кожаного пояса я протянул к ближайшей лужице, а второй попытался докинуть до бегающей из стороны в сторону электрической змейки. Получилось только с третьей попытки: коснувшись мокрого материала, «молния» гусеницей спустилась вниз. Пока по коридору проносилась череда ярких взрывов, мы с Дос Ай проскочили через преграждающие вход янтарные глыбы и оказались в комнате Мастера. В тот же миг между камней пронеслась новая мерцающая стрелка.

Комната Родогунды представляла собой настоящий музей: вдоль разрисованных руническими письменами стен располагались каменные скамьи, на которых вперемешку стояли и лежали артефакты, оказавшие бы честь любой коллекции. Здесь были уже виденные мною капалы, разнообразное оружие, вязанки с высушенными скальпами, лошадиная сбруя, сосуды с непонятными травами и порошками – словом, все, что должна при себе иметь настоящая амазонка. Прямо напротив входа стояла кровать, спрятанная между свисающими сверху полупрозрачными тканевыми шторами. В выдолбленных в стенах углублениях горели факелы, источая кислотоватый аромат, от которого кружилась голова и слипались глаза. Теперь наша задача состоит в том, чтобы сравнить запах любого из находящихся в комнате предметов с нашим образцом. Надо быстрее здесь все заканчивать и убегать, пока Мастер не заметила, что в комнату пробрались незваные гости.

– А где стрела? – спросил я у девушки.

– У тебя.

Дос Ай пошарила в висящем за спиной колчане, потом сняла его, вытряхнула содержимое и начала осматривать.

– Досик, только не ругайся: ее здесь нет.

Как нет? Я точно помню, что, выходя из кельи, скифийка засунула стрелу в кожух.

– Я ее, кажется, в коридоре потеряла...

Вот Маша-растеряша! Искать стрелу среди сотен ей подобных – все равно что нырять за иголкой в стог сена.

– Что теперь будем делать?

Девушка всхлипнула. Вот только слез не надо!

– Пошли отсюда. Здесь есть другой выход? – повторно шутить с электричеством не хотелось. Дос Ай стала ощупывать рукой неровности на стене и нажала какую-то кнопку. В тот же миг что-то загрохотало, и на нас начал опускаться потолок.

– Ой, не то! – принцесса с силой ударила по стене, и плита вернулась в исходное положение, – вот.

Стена, к которой была прислонена кровать, отъехала в сторону, открыв перед нами путь. Уф-ф... Кажется, все позади. Я схватил девушку за руку, и мы побежали к учебному залу. На беду ведущая вниз дорога пролегла через продуктовые хранилища: на одном из поворотов я плечом снес корзину с птичьими яйцами. Они рассыпались по полу, как пинг-понговые мячики, разбиваясь и образуя липкие «глазуньи», на одной из которых я поскользнулся и, увлекая за собой Дос Ай, упал на спину. И тут случилось непредвиденное: слившись в большую хрустящую желеобразную лужу, яичные белки превратили гладкий каменный пол в каток, по которому мы, набирая скорость и цепляясь за стены, заскользили и въехали прямо на середину класса – под ноги к Родогунде. Положение, мягко говоря, глупое.

– Принцесса, я не ожидала от Вас подобного шага, – удивленно поднимая бровь, произнесла Мастер. – А Вам, Избранный, надо думать о предстоящем сражении, а не веселиться.

Извинившись, мы пулей выскочили из хижины и в голос расхохотались: план провалился, но яичные «американские горки» здорово подняли настроение. Сейчас самое время рассказать наконец Дос Ай о договоренности с Архидоком:

– Мне нужно сказать тебе одну очень важную вещь.

– Мне тоже, – неожиданно деловито перебила меня принцесса. – Я слышала разговор энареев – Царь Беркутов и вожди всех племен завтра будут здесь. Это значит, что бой состоится на закате.

ПОСТ 30-й

Дорогой блог! Время пролетело слишком быстро, а Родогунда меня так ничему и не научила... Понимать, что жить тебе остается чуть больше суток – значительно хуже, чем не знать об этом. В голову лезут разные мысли – чего бы я мог успеть, куда бы съездил, с кем бы пообщался. Можете ругать меня за бесхребетность, но больше всего на свете сейчас мечтаю увидеть родителей. А еще купить айфон. Или... нет, не хочу – на том свете он все равно мне не понадобится. Хотя, с другой стороны, зная любовь скифов загружать их покойников всяко-разной утварью, вполне возможно, что айфон в загробном мире – вещь крайне необходимая.

– Я в тебя верю. Ты очень смелый, – отвлекла меня от мыслей Дос Ай.

Мне бы ее уверенность. Как только Архидок поймет, что я нарушил обещание, церемониться со мной не станет: исход боя предрешен.

– Тебе надо выспаться, завтра будет непростой день, – девушка с сочувствующей улыбкой потрепала мне волосы и побежала к храму. Я пошел к себе. Стражник у дверей проснулся и грозно взирал на кокетливую луну.

– Кто идет? – буркнул он, завидев меня.

– Свои. Доброй ночи.

– Доброй, Избранный! – рявкнул вояка и пропустил меня в хижину.

Спать не хотелось. Я представил себе, как противный Архидок, злорадно ухмыляясь, выйдет на арену и пронзит меня мечом в самое сердце, а Дос Ай, кляня Богов и размазывая слезы по хорошенькому личику, бросится мне навстречу, но сможет лишь прикоснуться губами к холодеющему телу. Бр-р-р... Ну не готов я еще как-то к воссоеди-

нению с духами предков. Я зарылся во все еще пахнущие степной травой шкуры и принялся считать овец, призванных погрузить меня в царство Морфея, но тут услышал, как кто-то крадется вдоль стены.

– Кто тут? – рявкнул я, выставляя вперед кулаки – вдруг неожиданный гость окажется очередным врагом... Спать расхотелось окончательно.

– Тс-с, Избранный, это я – Табити.

– Чего тебе надо?

– Пойдем со мной. Мои братья хотят показать тебе кое-что.

– И они тут...

– Да. Племена прибывают посмотреть завтрашний бой.

Мы вышли на улицу: небосвод затянуло похожими на дымные колечки облаками; над степью полыхали зарницы, а в воздухе чувствовался характерный запах озона – приближалась гроза. Марсагет и Орик приветливо помахали: я поздоровался и застыл в недоумении – один из близнецов протягивал мне свой акинак.

– Зачем это? – я провел рукой по прохладному металлу и, приняв клинок, покрутил им в воздухе.

Мышцы тут же «вспомнили» прошедшую драку, а ладонь плотно обхватила неровный контур рукояти.

– Чтобы ты научился с ним обращаться. Мы знаем, что Мастер дала тебе много полезных уроков – но ни одного по самообороне, – невозмутимо ответила маленькая скиффийка. – Я видела тебя в бою. Увы, Царю Беркутов ты не соперник.

Близнецы широко улыбнулись и закивали, подтверждая слова младшей сестры.

– Так это была ты? – удивился я. (Уж кого-кого, а девочку я даже в мыслях не подозревал.)

– Да. И, скажу тебе честно, едва сделавший первый шаг ребенок держит меч лучше, чем ты.

Я был возмущен до глубины души: она же могла убить меня!

– Почему ты не предупредила меня?

– Потому что внезапное нападение – лучшее средство вызвать в воине бойцовские качества, – как по учебнику за-тараторила Табити. – В бою нужно иметь холодное сердце и трезвый ум. Защищайся!

Не успела она это вымолвить, как один из братьев в мгновение ока выхватил меч и приставил к моему горлу. По шее сползла капля холодного пота.

– Видишь, – продолжила девочка, когда скиф опустил акинак, – ты не был готов, и Орик мог запросто тебя убить.

Я кивнул. Теперь настала очередь Марсагета. Подросток издал долгий горловой звук и начал медленно на меня наступать, держа меч над головой. Я принял оборонительную позицию, оперевшись на правую ногу и выставив клинок перед собой, – акинак не слушался, руку с тяжелым металлом тянуло вниз, а парень не спешил нанести первый удар. Начался дождь: как-то очень резко, почти без прелюдии одиночных капель. Тонкими струйками пробираясь за шиворот, он неприятно холодил спину и отвлекал от противника. Табити и Орик начали мерно хлопать в ладоши и притопывать, отбивая какой-то странный такт, звучащий в унисон с ливнем. На определенный счет Марсагет делал выпад, плоской поверхностью меча стараясь дотянуться то до моего плеча, то до головы. В памяти всплыли слова Родогунды: «Акинак способен совершать рубящие и колющие движения». Измени скиф угол хоть на полградуса, быть мне уже рассеченным пополам. Каким-то непостижимым

образом я начал чувствовать заданный ребятами ритм и отражать удары противника: клинок уже не казался таким тяжелым, а тело интуитивно становилось в нужную стойку. Дождь барабанил по теплой летней земле, рассыпаясь тысячами брызг, мокрыми пощечинами бил по лицу и оставлял в воздухе за акинаком долгий след. Сам того не замечая, я перешел в наступление: теперь уже Марсагет был вынужден уворачиваться от острия. В этот момент к бою присоединился Орик: он отвлекал внимание на себя, а его брат старался выбить из моих рук акинак. Когда подросток смог подобраться совсем близко, я извернулся и треснул ему кулаком по лицу. Табити захлопала: пока я продолжал размахивать мечом, братья отскочили в разные стороны, намекая, что бой окончен. Я стоял на поляне перед хижинкой – мокрый, уставший, но полностью счастливый – эх, видел бы меня сейчас Смирнов! Он бы никогда не посмел больше назвать меня обидным прозвищем – Дося.

Девочка подошла ко мне и на ухо прошептала:

– Постарайся завтра быть таким же.

Я вытер лицо сырým рукавом, пожал руки близнецам и отправился спать.

...Утро наступило внезапно: я услышал звук горна – совсем такой же, как год назад в лагере «Горное солнце», куда родители отправили меня на зимние каникулы. Мелодичное эхо перепрыгивало с одной горной вершины на другую и наконец забрело в хижину Мастера. Я потянулся и... понял, что решающий день настал. Наскоро умывшись прохладной водой из глиняной крынки, принесенной рабыней, я побежал к Родогунде на последний урок. Не успел я дойти до классной комнаты, как из темного коридора появилась Дос Ай.

– Я придумала!!!

– И тебе здравствуй...

– Да послушай ты! Есть у нас один обычай, благодаря которому мы твоих врагов превратим в друзей.

– Подожди, ты о чем?

– Соображай быстрее, – девушка начала сердиться. – Значит так, ты должен подойти к каждому из подозреваемых и пригласить их выпить из Кубка дружбы. Отказывать они не станут – Гойтосир не простит.

– Ладно. А что потом?

– Увидишь... Верь мне, – загадочно хихикнула Дос Ай и убежала. Вот и гадай теперь, что она задумала!

Родогунда ждала меня в хижине, но на этот раз стол перед ней был пуст.

– Ты уже знаешь, Избранный, что сегодня свершится пророчество Богов.

Что же они сегодня все не здороваются? Я кивнул, подтверждая слова Мастера.

– Я понимаю, что ты не уверен в себе и думаешь, что я ничему тебя не научила.

Пришлось кивнуть повторно: глупо отрицать очевидное.

– Слово убивает быстрее меча, Дос.

Мудро. Но в случае Архидока – неактуально.

– Извините, э-э-э, а можно с Вами выпить?

– В смысле? – учительница удивленно посмотрела на меня.

– Ну понимаете, я Вам очень благодарен. За все. Поэтому мечтаю пригубить с Вами из Кубка дружбы.

– А кто тебе рассказал о нем?

Мне ни в коем случае нельзя выдавать Дос Ай. Если Родогунда причастна к покушению, она мигом догадается, в чем дело.

– Буду с Вами предельно честен, уважаемая Мастер (и ведь почти не вру же): прикоснуться к кубку я попросил еще нескольких дорогих мне людей, – с очень важным видом сказал я, называя имена охранника и обеих рабынь. – А про ритуал мне рассказал... э-э-э... во-о-он тот паренек.

Я указал на одного из детей, играющих возле хижины. Захоти Родогунда проверить, все – пиши пропало... Однако она мне поверила.

– Хорошо, сынок. Выбирай любой из кубков и зови своих друзей.

Я не глядя ткнул в полку с посудой, поблагодарил Мастера и побежал уговаривать оставшихся подозреваемых. Надо сказать, что старый воин и стеснительные рабыни с большим удивлением и радостью приняли мое приглашение: как я понял, выпить из Кубка дружбы с вышестоящим (коим я для них и был) по социальной лестнице человеком – почетная миссия. Остается только оповестить Дос Ай о том, что задание выполнено.

Девушку я нашел среди играющей ребятни: на лужайке близ хижины камнями было выложено поле из равных прямоугольных клеток, по которым, чередуя одну и две ноги, прыгали дети – ну точь-в-точь наши «классики». Я помахал принцессе и показал знак «ОК». Она беззвучно прошептала «молодец» и что-то негромко стала объяснять скифиям, которые понимающе закивали и, оторвавшись от игры, уселись в круг. Спустя несколько минут туда же подошли рабыни, одна из которых держала на плече кувшин, охранник и Родогунда, несущая в руке одну из капал. Я уселся между Дос Ай и мальчиком-энареем, а принявшая на себя роль тамады Мастер подняла кубок к солнцу и приступила к обряду.

– Взываю к вам, владычица Табити, огненный Гойтосир и не знающий поражения Акинак...

Сидящие в круге как замороженные повторяли слова Родогунды.

– Будьте свидетелями Клятвы о дружбе, нарушившему которую нет места среди скифского народа!

Почти впадая в транс, амазонка налила в чашу вина из кувшина, потом выхватила акинак и со всего размаху резнула себе по правой руке. Из раны прямо в капалу хлынула кровь. Ее примеру под дружное бормотание детворы последовали рабыни и вояка, передавший мне клинок после надреза своей руки. Я нехотя взял акинак (он же не продизенфицирован!) и слегка ковырнул острием кожу на запястье. Царапина зашипала, но крови не выступило. Я посмотрел в умоляющие глаза Дос Ай, зажмурился и надавил сильнее. По ладони в своевременно подставленную капалу побежала тонкая алая струйка. Родогунда еще несколько раз обращалась к Богам, выплескивая на все четыре стороны света содержимое чаши, а потом от души хлебнула кровавого коктейля. Через ту же процедуру, совершенно не морщась, прошли и рабыни с охранником.

– Пей, – протянула мне кубок Родогунда.

Я с колоссальным трудом преодолел накативший приступ тошноты и сделал глоток. Дос Ай как-то сразу расслабилась. Дети заплодировали, а взрослые, обменявшись несколькими светскими фразами, разошлись по домам.

Во рту стоял неприятный привкус: мало того, что я добровольно попробовал человеческую кровь, так еще и пить пришлось из того самого украшенного серебром черепа.

– Мы сделали это! – подбежала ко мне радостная принцесса.

Отплевываясь, я мрачно посмотрел на нее:

– Это и есть твой чудный обычай, который нейтрализует всех моих врагов?

– Именно. Теперь все они – твои побратимы, обязанные при любом стечении обстоятельств тебя защищать. Грубо говоря, если ты попросишь любого из них выйти на бой вместо тебя – они будут обязаны это сделать, иначе нарушается клятва. Предателей ждет страшная кара – их могут изгнать из наших земель, продать в рабство или попросту убить. Уверена: даже Родогунда не посмеет пойти против традиций предков.

– Отлично, – сказал я, все еще стараясь избавиться от привкуса крови во рту, – буду считать себя в полной безопасности. Осталось только решить, что делать с Архидоком.

ПОСТ 31-й

По ущелью потянулись караваны кибиток и конных всадников: скифы собирались к Золотому храму на самое увлекательное действо сезона – бой мужественного Царя Беркутов с неоперившимся Избранным. Весть о том, что мангис покинула свои пенаты, моментально облетела самые отдаленные уголки Великой Скифии, поэтому стар и млад безбоязненно отправились в путь, чтобы поглядеть на шоу тысячелетия. Приезжающие группами обустроивались на «пикник» у подножий гор, разводили костры, веселились и с нетерпением ожидали заката. Честно говоря, происходящее мне сильно напомнило выходные в Алма-Арасанском ущелье – с той лишь разницей, что вместо припаркованных по берегам речки автомобилей паслись табуны лошадей. К полудню все ущелье – почти до самой степи – было усеяно тысячами скифских кибиток. Некоторые мелкие группы сливались в одну большую, другие – держались особняком. Вожди племен напрямую отправлялись в храм, чтобы присоединиться к «верховному ксаю» – совету старейшин.

Я сидел у подножия хижины и смотрел на солнце, пылавшее над ближайшим горным пиком. Дос Ай ушла в храм заниматься приготовлениями к вечернему мероприятию, оставив меня в гордом одиночестве. Мимо проходили люди: кто-то, боясь подойти ближе, издали кланялся и продолжал свой путь, другие считали своим долгом лично засвидетельствовать почтение, касаясь руками моих плеч. Когда наплыв «сопереживающих» чуть-чуть стих, у зверинца я заметил юную Табити, из рук подкармливающую марала. В голове не укладывается, как такой маленький ребенок может стрелять из лука с точностью до сантиметра и проявлять недюжие способности военного стратега.

– Эй, Табити, привет! – позвал я девочку. – Я хотел сказать спасибо за вчерашнее.

– Привет! Да не за что.

– А еще... В общем, я в курсе, что это ты в меня целилась.

Скифийка смутилась и уткнулась взглядом в свой кожаный башмак.

– Отрицать глупо, – начал наседать я с видом следователя по особо важным делам.

– Я и не отрицаю.

– Может быть, сама расскажешь, зачем ты хотела меня убить? – вспомнив классику детективных сериалов, я решил действовать по схеме «good cop – bad cop».

– Нет-нет! – начала оправдываться девочка, – все совсем иначе. Я же приложила записку!

– А, ну да – «Берегись, Мастер». Что же ты ей самой не сказала?

Девочка окончательно смутилась:

– Не «Мастер», а «Мастера». Написала неправильно. Там, в Есіке, я слышала, как она о чем-то договаривалась с Царем Беркутов, поэтому хотела тебя предупредить, чтобы ты не очень-то доверял ей.

Значит, все-таки хозяйка второй стрелы – Родогунда. Вот почему за эти дни она ни разу не дала мне оружия в руки – учительница в курсе моей договоренности с Архидоком. Какая молодчина Дос Ай, что придумала породнить нас Клятвой дружбы!

– Спасибо. А словами сказать трудно было?

– Нет, но это же совершенно не романтично, – на полном серьезе ответила Табити и мечтательно закатила глаза.

Поражаюсь этой девчонке: чуть не снесла стрелой мне полбашки, потому что ей романтики не хватало. Пока я беседовал с маленькой скифийкой, ко мне подошла рабыня,

пригласившая проследовать за ней в храм, рядом с которым возвышались несколько просторных шатров. В одном из них на красивом резном троне сидела Дос Ай в том же красно-золотом костюме, что и в день нашего знакомства.

– Извини, я не могла сама прийти – не по статусу. Слишком много знакомых, которые могут нас заметить вместе.

– Да ладно, чего уж там.

– Хочу тебя кое с кем познакомить.

В последние дни я перестал любить сюрпризы: все происходящее вокруг мало напоминает рождественскую сказку. Однако показывать свою робость перед любимой девушкой совершенно не хочется.

– С кем?

– Секрет.

– Приятный?

В последний раз, когда у Дос Ай было такое интригующее выражение лица, мне пришлось пить из капалы.

– Пойдем. Обещаю, тебе понравится.

Девушка совершенно сбила меня с толку, и я начисто забыл рассказать о состоящей в створе с Царем Беркутов Родогунде. Мы вышли из шатра и направились в сторону кибиток, у которых было необычайное оживление. В центре людской толпы стояла бронзовая колесница, запряженная четверкой рослых скакунов шоколадной масти. По бокам колесницы торчали серповидные, остро наточенные секиры, предназначенные, видимо, для ведения ближнего боя. На колеснице восседала статная темноглазая женщина, волосы которой были спрятаны под искусно расшитый золотой колпак-шлем. Протиснувшись между рядами горлающих скифов, мы с Дос Ай подошли почти к самой повозке, но мигом были остановлены парочкой здоровенных стражей, акинаками преградивших дорогу. К счастью, кра-

савица обратила на нас внимание и, сделав воинам повелевающий жест, приказала пропустить. Дос Ай взяла меня за руку и потянула за собой на колесницу.

– Это Томирис, – шепнула она мне на ухо, когда мы поднялись.

Вот это да! Кто бы мог представить, что я смогу увидеть великую массагетскую царицу на расстоянии вытянутой руки? Я настолько обалдел от увиденного, что потерял дар речи. Принцесса прикоснулась губами к руке женщины, а потом они обе радостно обнялись, как после долгой разлуки. Я молча наблюдал за этой сценой и соображал, что нужно говорить в таких случаях. Царица ласково обратилась ко мне первой:

– Я слышала о тебе, мой мальчик.

– Я-я о Вас т-т-тоже, – заикаясь, пробормотал я.

– Это приятно, – царственно ответила Томирис, – я рада, что Боги избрали достойного сына народа для такой важной миссии. Я буду болеть за тебя.

Я потупил взгляд. Конечно, я выйду на бой к Архидоку, но моя совесть навсегда будет запятнана данным обещанием.

– Спасибо... – стараясь не глядеть на царицу, сказал я, но, неожиданно осмелев, обратился к ней. – Простите, я могу Вас попросить об одной вещи?

Томирис удивленно приподняла тонкую бровь, но утвердительно кивнула.

– Умоляю Вас, не доверяйте Киру!

Царица прищурилась, закусила губу и почти шепотом произнесла:

– Обещаю.

Мы слезли с колесницы, и Дос Ай толкнула меня локтем в ребро:

– Это ты о чем?

– Неважно. Она поняла.

– Фи, не успели познакомиться, а уже секретничают.

Надо же, какая ревнивая! А вот и не поссоримся...

– Дос Ай, мне надо срочно – прямо сейчас – тебе сказать *очень* важную вещь.

– Конечно, говори.

– Понимаешь, мы с Архидоком...

Мой голос потонул в громогласном звуке горна. Солнцеликий Гойтосир окрасил степь в золотые, оранжевые и фиолетовые тона. На этом фоне огни разбросанных вниз по ущелью костров были похожи на крохотные мерцающие звездочки. Людской поток устремился к Золотому храму.

– Бежим, – крикнула скифийка, – начинается!

На эстакаде храма были установлены около десяти высеченных из белого камня и металла тронов, на которых восседали богато одетые воины.

– Это вожди племен. Они будут наблюдать за ходом боя.

У меня затряслись коленки: самое серьезное публичное мероприятие, в котором мне доводилось участвовать – «Праздник букваря» в первом классе. Всем детям достались нормальные буквы, мою же впалую грудь венчала гордая «Х». Помню, тогда наша класная очень следила, чтобы «Й» и «У» не оказались со мной в одной шеренге.

Горн протрубил еще раз, призывая зрителей занять места и не шуметь. Один из энареев вышел вперед и, потребовав тишины у многочисленной толпы, обратился к вождям:

– Знаете ли вы, о великие ксаи, что Царь Беркутов обманом завладел магическим ключом от Золотого храма?

– Знаем, – гулко ответили грозные скифские цари.

– Знаете ли вы, о великие ксаи, что Боги вызвали Избранного, чтобы он сразился с Царем Беркутов и вернул ключ жрецам?

– Знаем, – прошелестел эхом ответ вождей.

– Будете ли вы, о великие ксаи, судить бой справедливо по скифским обычаям?

– Будем...

Старый энарей поднял голову к небу и призвал Богов в свидетели: грянул гром, и темнеющая степь осветилась вспышкой молнии.

– Пусть свершится правосудие!

На эстакаде с видом звезды эстрады поднялся Архидок: он лучезарно улыбался, тряс скальпами на поясе и демонстрировал отличную военную подготовку. Толпа одобрительно загоготала, поддерживая своего любимца.

– Призываем тебя, Избранный!

Ну вот и моя очередь.

Наступая на ноги стоящим и извиняясь, я протиснулся к эстакаде и завопил:

– Я здесь!

Зрители растерянно начали перешептываться. Шепот тысяч или даже десятков тысяч людей превратился в монотонный разочарованный гул.

– Архидок, Царь Беркутов, ты принимаешь бой? – спросил энарей у купающегося в лучах славы парня.

– Да, – рявкнул он, и толпа снова перешла на бодрый гогот.

– Дос, – почти по-отечески обратился жрец ко мне, – ты принимаешь бой?

Архидок ухмыльнулся, предвкушая, как легко достанется ему победа. Извини, мужик, придется тебе меня убить. Или (а почему бы и нет?) мне – тебя.

– Да, – ответил я, найдя в толпе лицо Дос Ай.

– Учитывая юный возраст Избранного, верховные ксаи оставляют за собой право выбора состязаний, – будничным

тоном продолжил энарей. – Противникам предстоит три этапа соревнований: в первом туре они должны будут проявить смекалку, во втором – показать скифскому народу, кто сильнее, а в третьем – доказать свою ловкость.

Я вдруг понял, что Царь Беркутов заранее знал о том, какая предстоит борьба: выиграй я или проиграй, убивать меня не станут. Поэтому он просто блефовал, обещая меня уничтожить. Во мне начала закипать злость... Толпа восторженно заревела, а Архидок самодовольно похлопал себя по накачанному торсу.

По ущелью опять разнесся звук горна, объявив о начале первого раунда. Старый жрец подошел к нам и, оборачиваясь к зрителям, задал совсем легкий вопрос:

– Если несколько воинов скачут к цели, а вы обогнали скифа, занимающего вторую позицию, на каком месте теперь находитесь вы?

– На первом! – не задумываясь, крикнул Архидок под ликующие возгласы болельщиков.

Я замешкался. Казалось бы, ответ лежит на поверхности, но чует мое сердце, что тут не все так просто. Интересно, а как бы рассуждал на моем месте хитрец Алдар-Косе? Он-то наверняка почуял бы подвох. Вспомнив любимого сказочного героя, я улыбнулся – загадка действительно совсем несложная!

– Твой ответ, Избранный...

– На втором. Если воин обгонит скачущего вторым скифа, он займет его место.

Энарей поднял мою руку и объявил о победе в первом конкурсе. Я был чрезвычайно горд собой, а Царь Беркутов зло топнул ногой.

Для второго раунда нам пришлось спуститься с поста-мента вниз – к лужайке перед хижинкой Мастера: там двое

крепких скифов держали на привязи сопротивляющихся баранов. Нет, только не это: неужели мне сейчас придется разделять животное?

– Задача соперников – как можно быстрее донести барана до жертвенного сейда, – неторопливо сказал ведущий, еще больше распаяя жадную до зрелища толпу. Почему-то сразу вспомнился Пушкин:

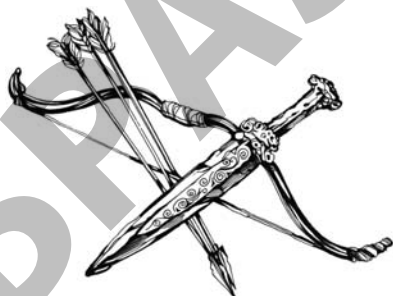
*«Беденький бес
Под кобылу подлез,
Понатужился,
Понапружился,
Приподнял кобылу, два шага шагнул,
На третьем упал, ножки протянул.
А Балда ему: «Глупый ты бес,
Куда ж ты за нами полез?
И руками-то снести не смог,
А я, смотри, снесу промеж ног».
Сел Балда на кобылку верхом,
Да версту проскакал, так что пыль столбом.»*

(Сказка о попе и о работнике его Балде)

Жаль, что в этом раунде смекалка не приветствуется... Услышав звук горна, мы подняли животных и побежали к указанной цели. Вообще-то, «побежали» – слишком громко сказано: испуганный баран сопротивлялся и бил копытцами, норовя попасть мне по ребрам. Его кудрявая шерсть забивала рот, нос, глаза и лишала возможности различать дорогу перед собой. Пока я чихал и отплеывался от колючей овчины, Архидок уже пробежал большую часть дистанции

и был близок к финишу. Ощувив собственным загривком, что такое «бараний вес», я постарался нагнать соперника, но, запутавшись в траве, упал и уронил блеющую ношу на землю. В это время Царь Беркутов, чувствуя вкус победы, под радостное гиканье толпы уже водружал своего барана на жертвенный сейд. Обстановка накалялась: осталось последнее – решающее – испытание. Ловкость – не мой конек: если понадобится стрелять из лука по движущимся мишеням, я однозначно проиграю. Верховный жрец вновь обратился к толпе:

– В последнем состязании противники будут соревноваться... – он сделал паузу – ... в «Охоте на зайца»!

ПОСТ 32-й

Дорогой блог! Ну ёлки-палки... Ловить юркою зверька в горах, когда стусились сумерки – совершенно бесполезно. Хотя, судя по злорадно ухмыляющемуся Архидоку, для него эта задача вообще трудности не представляет. Тем временем старый энарей объяснял зрителям условия игры:

– Охотники должны поймать животное голыми руками. Скиф – будь то мужчина, женщина или ребенок – не вправе помогать или мешать соперникам. Нарушивший правило будет изгнан с игр.

Все предельно ясно. Мы остаемся один на один: прогуливающий физкультуру я и закаленный в боях Архидок. И заяц.

Уже совсем стемнело: держащие в руках факелы скифы встали плечом к плечу, образовав плотное кольцо неправильной формы, растянувшееся на пару километров вниз по ущелью. Мы с Архидоком заняли стартовые позиции, а энарей вытащил из клетки до смерти перепуганного лопухого зайчонка. Горн протрубил в третий раз, и охота началась. Проворный Царь Беркутов первым бросился в погоню, я отстал всего на долю секунды, но уже на первых метрах стало понятно, что за быстрым и ловким соперником мне не угнаться. Зайку кидало из стороны в сторону: он то прятался за серыми камнями, то начинал путать следы. В свете факелов я успевал заметить лишь длинную ушастую тень, в сотый раз изменявшую траекторию движения. Архидок, казалось, играет со своей жертвой, специально ее загоняя. Пару раз Царь Беркутов был близок к победе, но в последний момент серый исхитрялся вырваться из подстроенной ловушки. Один раз удача улыбнулась и мне: зайчонок притаился в небольшой расщелине, и, прижав уши, ждал чуда.

Я, почти не дыша, дотянулся до него рукой, но тут мой соперник решил идти ва-банк:

– Пошел прочь, – налетел он на меня всем телом, отталкивая в сторону.

Серый, естественно, дал деру. Ну держись у меня! Теперь моя задача состояла не только в том, чтобы самому поймать хитрого грызуна, но и не дать более активному и ловкому противнику сделать это. Когда Архидок оказывался в выигрышном положении, я старался создать побольше шума, кидаясь мелкими камушками и улюлюкая. Несмотря на усталость, процесс игры начал приносить удовольствие: зайчонок отошел на второй план, а мы, падая и спотыкаясь о почти невидимые в темноте камни, сосредоточились на выяснении отношений, не давая друг другу приблизиться к животному. Наблюдающая толпа топала, гремела оружием и орала, вынуждая уставшего зайца из последних сил мчаться вперед. Мои ноги заплетались от долгой беготни по нескошенной траве то вниз, то вверх. В какой-то момент вымотанный зверек оказался между мной и Архидоком – до вожаемой добычи каждому из нас оставалось не больше двадцати метров. Вдруг, перепрыгивая через возбужденную зрелищем толпу, на «арену» выпрыгнул грациозный пятнистый зверь, в одно движение прижавший зайца лапой к земле. Толпа замерла. Царь Беркутов сделал шаг по направлению к животному, но то недобро зарычало. Я предпринял такую же попытку, и, на мое удивление, дикая кошка позволила мне приблизиться и забрать уже лежащего в глубоком обмороке зайку. Сложно в это поверить, но так, видимо, грозный серебристо-серый барс отблагодарил меня за спасение своего детеныша...

Не успел я поднять свой трофей, как расвирепевший Архидок вытащил из-за спины лук и начал одну за другой

пускать стрелы в убегающего ирбиса – но тщетно. Бой был окончен.

– Что, съел? – переведя дыхание, крикнул я Царю Беркутов.

Душа ликовала: я – победитель! Я сделал это!

– Еще посмотрим, кто кого, – процедил он.

Прижимая к груди зайчонка, я направился к ксаю вождей, чтобы предъявить добычу. Никак не ожидавшие подобного исхода соревнований скифы громко переговаривались между собой, обсуждая подробности минувшей охоты. Но мне были безразличны тысячи незнакомых лиц: глазами я искал только одно – такое родное и прекрасное. Увы, Дос Ай нигде не было: неужели она не видела мой триумф? Нет-нет, уверен – она там, где-то среди многоликого людского моря.

Поднявшись на эстакаду, я поклонился вождям и поднял над головой зайку (кажется, именно так в фильмах про индейцев делают победители). Уныло бредущий вслед за мной поверженный Архидок обратился к совету:

– Великие ксаи, я не считаю победу Избранного честной!

– Он не нарушил правил охоты, Царь Беркутов. На помощь Избранному пришли Боги, а не человек. Отдай ему ключ от Золотого храма.

– Хорошо, только, – Архидок выдержал паузу и вкрадчивым голосом продолжил, – я должен сказать вам, что Избранный предал свой народ.

Что же он делает...

– Это так, Дос? – обратился ко мне седовласый воин, сидящий по центру кся.

– Расскажи им, *Из-бран-ный*, – чеканя буквы, пропел Царь Беркутов.

Отрицать было бессмысленно. Я кивнул:

– Да. То есть, нет. Точнее, не совсем так. Но я думал, что все будет иначе: я давно решил, что не буду сдерживать свое обещание.

Черт, что я говорю! Я совсем не это имел в виду! Повернувшись лицом к замершим в ожидании людям, я слово в слово пересказал многотысячной толпе нашу договоренность с Архидоком. В американских фильмах раскаивающийся герой обязательно удостоивается аплодисментов: он прощен, и все живут долго и счастливо. А здесь... Толпа безмолвствовала... Скифы начали расходиться по своим кибиткам, и через несколько минут площадка перед эстакадой опустела. На ней остался только один человек – побледневшая, заплаканная девушка. Дос Ай.

– Ну что, съел? – прошептал мне на ухо вероломный Архидок, – на вот тебе заслуженный приз. Подавься.

Он достал из-за пазухи небольшой восьмиугольный предмет, с силой вдавил его в мою ладонь и спустился к принцессе.

– Дос, – обратился ко мне седовласый воин, – по нашим обычаям, нарушивший обещание и проявивший трусость скиф должен быть продан в рабство или убит. То, что ты одержал победу в соревновании с сильным противником, смягчает твою вину, поэтому мы сохраним тебе жизнь. Худшее наказание для предателей – презрение... Возвращайся в свой мир, Избранный.

Вот здесь и сейчас решается моя судьба, а я смотрю в полные слез глаза любимой девушки и мечтаю лишь о том, чтобы все ей объяснить. Делайте, что хотите – продавайте в рабство, закидывайте камнями, только дайте сначала поговорить с ней!

ПОСТ 33-й

– Ты должен закончить возложенную на тебя Богами миссию и передать потомкам скифского народа накопленное веками золото, – продолжил седовласый вождь. – Энареи помогут тебе собрать и вывезти его. Забирай и уходи.

Вот и все. Меня с позором изгоняют из Великой Скифии. Я посмотрел туда, где стояла Дос Ай, но ее там уже не было. Принцесса тоже отвернулась от меня. Какой же я болван, что не нашел времени все ей рассказать раньше: она бы поняла. Смогла бы понять. Архидоку, конечно, сокровищ теперь не видать, как своих ушей... Хотя, зная его подлую натуру, не уверен, что он остановится. Тем более что у него есть сильный и очень умный союзник, имеющий доступ ко всем секретам Золотого храма – Родогунда. Я совсем забыл о ней!

– Извините, пожалуйста... Я понимаю, что это не в ваших правилах, – обратился я к совету вождей. – Можно мне перед тем, как я навсегда вас покину, увидеться с одним человеком? Это очень важно!

Цари переглянулись и, пожав плечами, дали мне на это разрешение.

– Спасибо! – крикнул я, стремглав несясь к высоким воротам, от которых вела лестница в келью Дос Ай.

В руке колотся драгоценный ключ. Я прислонил восьмиугольник к отверстию в двери: рисунок совпал, и скрипучая створка стала медленно отодвигаться. Я со всех ног помчался по лестнице наверх и, добравшись до комнаты скифийки, принялся стучать в дверь.

– Дос Ай! – позвал я девушку, но ответа не последовало.

Где же она? Только бы успеть. Как-то слишком уж безропотно Царь Беркутов отдал мне ключ... И тут до меня дошло: он не отступится! Как они с Родогундой ловко все спла-

нировали: впервые увидев меня, Архидок сообразил, что я не представляю для него никакой опасности и, запугав, вытаскил из меня обещание. Однако проходимец понимал, что я могу поменять свое решение, и подстроил все таким образом, чтобы выставить меня дураком. Пока верховный ксай будет отчитывать меня, как двоечника, мужик проникнет в храм и заберет столько золота, сколько ему нужно для полного счастья. Ему и состязания-то были нужны исключительно для того, чтобы в многотысячной толпе никто не обратил внимания на лишние пять-десять повозок, среди других отбывающих на север. Как же ему попасть без ключа в храм? Очень просто: рядом с Царем Беркутов будут Мастер и Дос Ай – кто же осмелится захлопнуть дверь перед носом жрицы? В этом отлично спланированном шоу есть только одна неувязка: зачем Родогунде понадобилось стрелять в меня? Или... Коварная красавица с улыбкой Гуимплена запросто выпила из Кубка дружбы, прекрасно понимая, что тронуть меня не сможет. Значит, ее целью был не я, а принцесса. Уставшей от одиночества амазонке хотелось не только золота, но и мужа, поэтому она решила убрать соперницу.

– Дос Ай, – закричал я во весь голос, продолжая колотить в дверь.

Миллионы слюдяных пластинок в окнах зазвенели, как громадная хрустальная люстра. Я навалился всем телом на закрывающую вход панель: она поддалась, и я почти провалился в темную комнату. Девушки там не было. Я выскочил на балкон и... оторопел от увиденного. Находящийся в полусотне метров подо мной золотой лабиринт шевелился, как клубок змей. В самом его центре у отполированного до состояния зеркала каменного алтаря стоял Архидок, держащий под руку вырывающуюся Дос Ай.

– Отстань от меня, – прошипела на него девушка.

– Ну-ну, остынь, – скаля острые белые зубы, сказал парень, еще сильнее сдавливая ее руку, – давай-ка ключ.

Скифийка извернулась и пнула жениха по колену.

– Давай лучше я, милый, – услышал я голос Родогунды, появившейся прямо из золотой перегородки.

Ба-а, да лабиринт-то полый! Противная тетка выхватила свой акинак и приставила его к шее принцессы. Эта-то точно церемониться не станет. В моей голове судорожно скакали мысли: я могу отвлечь внимание грабителей на себя, но сделаю только хуже – больно ценный в руках у парочки заложник; спускаться по лестнице слишком долго, а прыгать с балкона – бред. Девушке я ничем не помогу, только разобью себе голову с этой глупой челкой. Думай, Дос, думай!!!

Тем временем, ловко выхватив у Дос Ай восьмиугольник, Мастер воткнула его в почти незаметное углубление на жертвенном сейде. В этот момент купол крыши-«ракеты», складываясь, как детали домино, открылся, впуская в зал солнечные лучи. Помещение тут же озарилось невообразимо ярким светом, от которого начало щипать глаза. Аккумулируясь в центре ключа-восьмиугольника, «стрелы Гойтосира» отражались от глянцевой поверхности и, проникая сквозь слюдяные оконца, вырывались на волю. Храм, как гигантский часовой механизм начал вращаться вокруг своей оси до тех пор, пока лучи не коснулись середин семи золотых дисков, установленных на эстакаде. Я чуть было не слетел с балкона, еле удержавшись за дверной косяк. Вдруг движение прекратилось, и лабиринт начал изменяться: высота перегородок становилась меньше, а пол со скрежетом стал подниматься вверх. Неподвижным оставался лишь жертвенный алтарь посередине. Спустя минуту, до сих пор казавшиеся мне высокими стены лабиринта полностью ушли под землю, а их место занял дублирующий виток.

Родогунда провернула ключ в алтаре, и из стен начали выдвигаться тысячи ящичков – ну прямо как каталожная картотека в школьной библиотеке. С той лишь разницей, что набиты они были не глеющей от времени бумагой, а тоннами золотых слитков, оружия и ювелирных изделий.

– Ну что, доволен? – мрачно спросила у Архидока Дос Ай, к горлу которой все еще было приставлено острие акинака.

– Вполне, – рассмеялся Царь Беркутов, зачерпывая из ящичков сокровища.

– Давай убьем эту болтуню, – елейным голоском пропела Родогунда. И обворожительно улыбнулась.

Терять времени больше нельзя.

– Эй, – крикнул я наглой парочке, – отпустите ее!

– О-о! – хохотнул парень, – а вот и наш Избранный.

– Твои Боги рассердятся, увидев, что ты тут устроил.

– Ай-я-яй, Дос. Такой большой мальчик, а веришь в сказки... Спускайся-ка сюда, братец.

– Да мне и тут хорошо.

– Вижу. А вот подруге твоей не очень.

– Ты же не сможешь отсюда все это вывезти, Архидок. На улице скифы ждут с телегой золота меня, а не тебя. Давай так – отпусти девчонку, а я помогу тебе выбраться из храма вместе с сокровищами.

Он задумался и посмотрел на Родогунду. Та кивнула.

– Ладно, малыш. Спускайся и забирай свою принцессу.

– А ты не обманешь? – теперь главное – правильно задать вопрос. Родогунда не посмеет причинить мне вреда.

– Нет. Клянусь царским очагом!

Вот ты и попался, Архидок! Если он нарушит данное при свидетелях обещание, сам будет изгнан из Скифии.

– Хорошо, сейчас приду.

Несколькими минутами позже я вошел в центральный зал и оказался у входа в лабиринт. Сверху литые стены казались мне ниже: перегородки хранилища высотой с двухэтажный дом просто ломились от всяческой золотой дребедени. Я почувствовал себя оторопевшим покупателем ювелирного магазина: из верхних ящиков лианами свисали кольца и подвески, нижние тумбы были доверху заполнены посудой, парчовой тканью, кольчугами, шлемами и щитами. Да это просто пещера Али-Бабы! Наконец, миновав все это золотое великолепие, я приблизился к центру лабиринта.

– Салем. Сначала отпусти ее!

– Нет уж. Сначала мы выберемся отсюда, а потом поговорим.

– Ты же обеща-а-ал, – заныл я.

Дос Ай стояла мрачнее ночи.

– Нашел кому верить. Вы друг друга достойны, подонки!

Эх, сказал бы я ей.

– Права твоя девочка. Эх, умная бы была у Беркутов царица, да не судьба, – ухмыльнулся Архидок и притянул за талию Родогунду.

Вот два сапога пара!

– Так, дружок, пойдем готовить повозки, а ты, дорогая, – он чмокнул в плечо Мастера-предательницу, – заткни рот принцессе.

...На улице энареи собирали запряженную чахлой лошадкой кибитку. Я сообщил им с эстакады, что можно загружаться. Все это время Архидок держал меня на прицеле. Пока жрецы складывали в тележку первую партию скифского золота из шкафов, находящихся на ближнем витке лабиринта, произошло нечто непредвиденное: земля загудела и начала содрогаться.

ПОСТ 34-й

– Чёрт, это же землетрясение, надо бежать отсюда! – крикнул я Царю Беркутов, с лица которого моментально сползла радостная ухмылка.

Тут же забывший о золоте и оставленных в здании девушках Архидок трусливо побежал к ведущей на землю лестнице, оттолкнув оказавшегося на его пути жеманного белобрысого энарея. Оказавшись на свободе, я помчался за Дос Ай. В храме творилось неопишваемое: жрицы в ужасе выбегали из своих келий и, падая, катились вниз по шатающейся винтовой лестнице. Кучка дрожащих от страха энареев, стоя на ходящей ходуном эстакаде, взывала к помощи Гойтосира. Колебания становились все сильнее. В центральном зале трескались перегородки, из которых на пол ссыпались груды звякающего металла, затрудняющего проход к центру.

Дорогой блог! Первое правило при землетрясении – бежать от строений на открытую поверхность. Если стихия застала на последних этажах здания, ни в коем случае не пользоваться лифтом и лестничными проемами: надо встать под прочную балку и дождаться прекращения флуктуаций. Где здесь ближайшая балка??? Золотой храм качался, как на амортизаторах – при новом, еще более интенсивном толчке, хрустнул каркас и на пол блестящими брызгами посыпались осколки слюды.

– Дос Ай, ты где? – я крикнул так, чтобы она услышала меня сквозь звон металла и треск ломающихся конструкций.

– Здесь, – еле слышно ответила мне девушка откуда-то снизу.

Наконец добравшись до центрального алтаря, я увидел, что тяжелый камень провалился на метр вниз, прижав под собою Родогунду и принцессу.

– Держись! – я протянул ей руку, стараясь вытянуть ее наверх.

– У меня штанина застряла, – чуть не плача, сказала скиффийка.

Мир рушится, а она думает о внешнем виде. Девчонки – это что-то!

– Снимай штаны и прыгай сюда!

Дос Ай аккуратно, чтобы не порвать расшитую золотыми баранами тонкую ткань, вытащила ногу и, подтянувшись за мою руку, перебралась ко мне.

– Бежим! Я же говорила тебе – не стоит купаться в озере и злить Апи.

– А что с ней делать? – указал я на стонавшую Родогунду. Каменная махина раздавила ей запястье, и Мастер самостоятельно не могла выбраться из-под алтаря.

– Да ну ее, – гневно отрезала Дос Ай. – Ее покарала Боги.

– Брось, это же живой человек, – моя эмоциональная натура не могла позволить пусть даже не самой позитивной героине умирать под грудой камней. – К тому же – с твоей легкой руки – еще и моя родственница.

Мы напряглись и сдвинули немного сейд: этого хватило, чтобы Мастер освободила руку и смогла выбраться из ямы. Землетрясение достигло своего пика: толчки становились все сильнее, стены ходили ходуном, а пол плавал под ногами. Мы бежали к выходу, еле уворачиваясь от продолжающегося высыпаться на головы золота. В здании начался пожар: прикрепленные к стенам факелы ломались, как спички, и падая вниз, поджигали драгоценные ткани, от которых начал исходить удушающий дым. Почти перед самой дверью дорогу преградила упавшая исполинская перегородка: чтобы ее преодолеть, нам пришлось карабкаться прямо по вы-

ползающим ящикам, скользя на золотой россыпи древних артефактов. Когда мы, наконец, выскочили на улицу, оказалось, что все четыре ведущие к подножию скал лестницы полностью разрушены: эстакада держалась буквально на честном слове.

– Прыгайте! – толкнул я Родогунду и Дос Ай в святое озеро.

Не дав девушкам опомниться, я перемахнул через ограду и выпрыгнул за ними. Холодная вода моментально сковала ноги тяжелыми цепями. До берега – каких-то тридцать метров.

– Я не умею плавать, – это Дос Ай.

– Я тоже, – а вот это уже Родогунда.

Амазонки фиговы... Если я разом схвачу обеих девиц, мы все пойдем ко дну.

– Хватайся за талию, – стуча зубами, крикнул я Дос Ай. – А эта пусть возьмет тебя за ногу.

После землетрясения на озере началось настоящее цунами: ледяная волна подхватила нашу троицу и вынесла на противоположный берег в полукилометре от храма. В этот момент раздался страшный грохот, и Золотой храм, словно огромный слизняк, начал сползать в воды Иссыка. Как на замедленной киноплёнке, святилище семи Богов погрузилось в озеро: сначала скрылась почти разрушенная эстакада, на которой от чудовищной силы волн ломались золотые диски и каменные менгиры; потом вода поглотила тело «ракеты» и хлынула через крышу в центральный зал. По-видимому, из-за землетрясения в земле образовался разлом, куда и провалился храм: воды изрядно обмельчавшего Иссыка сомкнулись. Все скифское золото грозная богиня Апи забрала себе.

– Великие Боги... – глядя широко открытыми глазами на жуткую картину, произнесла Дос Ай.

– И не говори. С ума сойти...

– И все из-за тебя, предатель.

Потрясающая женщина: я ей только что жизнь спас, а она все равно недовольна. Я позвал Родогунду, задумчиво перебирающую пальцами ноги мелкие камешки:

– Скажите ей, пожалуйста, что это Вы с Архидоком все подстроили.

Наверное, что-то хорошее в Мастерке осталось, потому что она, ничего не скрывая, в красках рассказала принцессе про план Царя Беркутов.

ПОСТ 35-й

Перепуганные скифы, которым волею судьбы пришлось стать свидетелями падения Золотого храма – оплота нерушимого союза племен и единственного святилища всех семи Богов, возвращались в родные края. Им предстоял долгий и нелегкий путь. После разрушительного землетрясения мир изменился. Многие понимали, что уже никогда не окажутся на земле предков.

Мы с Дос Ай вернулись туда, где еще совсем недавно возвышалась золотая «ракета». Родогунда добровольно сдалась верховному ксаю, где и поведала о коварстве Царя Беркутов. Мое честное имя было восстановлено. Приняв во внимание ее прошлые заслуги перед отечеством, вожди не стали продавать Мастера в рабство: она так и осталась преподавать малышне военную науку. Однако о замужестве бывшей амазонке пришлось забыть – за свою свободу ей пришлось заплатить обетом безбрачия.

Архидок спрятался от бушующей стихии в той самой повозке, запряженной хилой лошадкой. Почувствовав неладное, кобылка понесла и привезла единственное оставшееся от всего золотого великолепия добро прямо к шатру Томирис. Царю, от которого отвернулась фортуна (не стоило гневить Богов!), пришлось во всем признаться, и он был изгнан из скифских земель без права переступить границу.

...Миссия, возложенная на Избранного Богами, так и не была до конца выполнена. Скрипучая кибитка в окружении десятка конных воинов направлялась к цепочке курганов: скифы приветливо встречали ее, прощаясь с теми немногими сокровищами, которые я увозил, чтобы передать потомкам. Рядом со мной сидела Дос Ай. Со скифской принцессой мы помирились и всю дорогу вспоминали наши при-

ключения, стараясь хотя бы ненадолго отсрочить момент расставания.

– Знаешь, я очень рада, что мы познакомились, – сказала Дос Ай, когда мы миновали Синегорье.

– Я тоже. Может быть, я смогу тут остаться? – спросил ее я, прекрасно понимая, что ответ будет отрицательным.

– Нет. Такова воля Богов.

– Ну почему же все решают Боги? – со злостью топнул я, от досады чуть не продавив пол в загруженной золотом кибитке.

– Если бы не они, я бы никогда тебя не узнала, – потупив взгляд, сказала девушка.

Вот и будущий комплекс Золотого человека: пока воины вносили внутрь уцелевшие артефакты, мы стояли у низкого входа в подземелье – совсем так же, как при первой встрече – и молчали.

– Ой, забыла совсем, – воскликнула девушка и вытащила из-под куска гранита кожаный мешочек, в котором оказалась моя одежда. – Переодевайся.

Я натянул показавшиеся нелепыми узкие клетчатые штаны, поправил шнурки на кроссовках и намотал на шею платок-арафатку.

– Эмоприкид... – мечтательно проговорила скифийка. – Знаешь, тебе даже идет. Дай мне что-нибудь на память.

Я снял арафатку и протянул ей. Скифы закончили свою работу.

– Тебе пора, – сказала принцесса, – спасибо тебе за все.

– Я не хочу уходить, – меня душили слезы, которые вполне уместны для эмобоя, но совершенно не красят настоящего мужчину.

– Знаю. Мы обязательно увидимся.

– Когда? Как?

– Я дам тебе знак. Верь мне.

Я вошел в курган. Пахнуло сыростью. Пол был покрыт следами солдатских башмаков, а на бревенчатых полках лежали спасенные сокровища Золотого храма. Прощай, Великая Скифия, прощай, Дос Ай... Горы опять тряхануло – теми мелкими, безболезненными толчками, которые призваны напомнить о том, какой грозной может быть кара Богов. Вход засыпало рыхлой степной землей, и я оказался в полной темноте.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

529 г. до нашей эры: массагетская царица Томирис одерживает победу над мидийским царем Киром. Персы в ужасе бегут от гнева великой воительницы, разбившей войско властителя Азии.

1950-е гг. нашей эры: в недрах *Мангистауской* области начата добыча полезных ископаемых – нефти и газа.

1969 г. нашей эры: ученые-археологи КазССР под руководством К.А. Акишева в пятидесяти километрах восточнее Алма-Аты приступают к обследованию группы курганов и находят неразграбленную могилу сакского воина. Помимо человеческих останков, оружия и предметов быта историки обнаружили более четырех тысяч золотых изделий. Курганы, состоящие из сорока пяти растянувшихся на три километра могил, в народе получают имя «Комплекс Золотого человека».

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА БУМАЖНОГО БЛОГА
ДОСА МУКАНОВА

– Хорош валяться, толстый!

Я открыл глаза: прямо передо мной во все двадцать восемь зубов улыбался Смирнов.

– Сми-и-ирно-о-ов... Я где?

– Ты, Дося, тут.

– Ага.

В памяти начали всплывать картинки из жизни, которая еще несколько секунд назад казалась мне реальной.

– Отойдите от ребенка, – визгливо одернула одноклассника Мармиша. – Муканов, с тобой все в порядке?

– Да.

– Прекрасно. Вставай. Это же *музэ-э-й*, а вы себя ведете, как дети малые. Мне за вас стыдно!

– Хорошо, Марина Михална. Извините.

Я сел. Голова еще немного кружилась, но теперь я ясно все осознавал: на улице XXI век, экскурсия по золотым местам еще не закончилась, а я лежу на холодном сыром полу. Неужели все, что со мной произошло: и скифы, и храм, и... Дос Ай – только последствия легкого обморока? Не может быть... Я просто отказываюсь в это верить.

Присоединившись к группе одноклассников, внешне молчаливых тетке-экскурсоводу, я нашел Ганжуха и дернул его за рукав.

– Эй, Ганжик!

– Чего тебе? – шепотом ответил сосед по парте.

– Извини за несвоевременный вопрос: ты кто по национальности?

– Карачаевец, – ответил обескураженный парень. – А за чем тебе?

– Да так, теорию одну проверяю.

Надо же, и там тоже жили скифы... Рассказанная Дос Ай легенда о зловредной великанше и сыне народа Барсов – пример карачаевского эпоса. Или, быть может, я просто слишком много читаю, а мозг взял да и преобразовал всю накопившуюся информацию в красивый красочный сон.

– Дося, а слабо... – начал было Смирнов, но я его перебил:

– А слабо тебе раз и навсегда отвалить?

Видимо, сказал я это довольно громко, потому что класс, как по команде, повернул голову в нашу сторону.

– Да нет, в принципе неслабо. Я ж пошутить хотел, – как-то обиженно произнес Смирнов и отошел от меня.

И тут я увидел Славу Медвецкую. Она подошла ко мне и улыбнулась:

– Ты не сильно ударился?

– Нет.

– Пойдем послушаем. Рассказывают очень интересные вещи – поверь.

Девушка подмигнула мне и неожиданно взяла меня за руку. На шее одноклассницы висел маленький золотой кулон с изображением змееногой богини Апи. Точно такой же, как у Дос Ай. Я наклонился к девушке и прямо на глазах у всего класса ее поцеловал. Счастье есть!

Дорогой блог! Жизнь удивительная штука: порой она преподносит нам такие сюрпризы, от которых голова идет кругом. Я все такой же эмобой – не в меру впечатлительный и эмоциональный. Челку я состриг – не вижу в ней особой необходимости. Зато теперь я решил отпустить бороду. Растет, правда, жиденько, но я верю, что создам новый стиль в эмосубкультуре: бородатых эмиков я еще не встре-

чал. Последнее время меня мучает только один вопрос: что за воина нашли археологи в Иссykском кургане? Я точно помню, что кроме меня там никого не было. Моя Дос Ай (или Слава? Даже не знаю, как теперь ее называть) обещала рассказать, но это уже совсем другая история...

Виктория Еланцева

Загадка Алтын МЯДАМ

Дизайн обложки: Валерия Misteria,
Ирина Логинова

Художник-иллюстратор: Наталья Володина
faelivrin-art@yandex.ru
www.faelivrin-art.narod.ru

Верстка: Наталия Ивахнова
ivakhnova@list.ru

Литературный редактор: Надежда Сергеева
nadyakz@yandex.ru

Подписано в печать 20.05.2010 г.
Формат 60x84 1/16. Гарнитура «Palatino Linotype».
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.п.л. 11,6
Тираж 500 экз. Заказ № 097

Отпечатано в ИП «Алексеев». Типография «Искандер»
г. Алматы, ул. Кунаева, 4/17. Тел: 263-95-79

iskanderkz@mail.ru
www.iskander.ucoz.kz